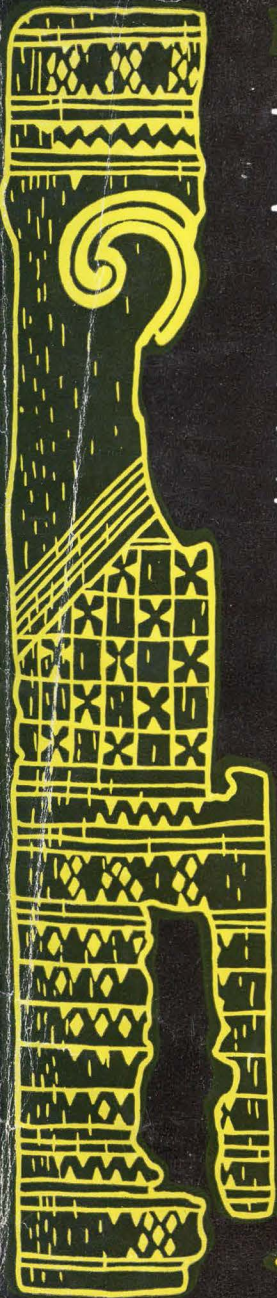

В.А.Иванов , В.А.Кригер

КУРГАНЫ кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.)

• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БАШКИРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

Ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
Волгоградский государственный университет

В.А.Иванов , В.А.Кригер

**КУРГАНЫ
кыпчакского
времени
на Южном
Урале
(XII-XIV вв.)**

Ответственный редактор
доктор исторических наук
С. А. ПЛЕТНЕВА

МОСКВА «НАУКА» 1988

В книге исследуются погребальные памятники кыпчакских племен XII—XIV вв. с территории Южного Приуралья. Подробно рассматриваются погребальный инвентарь и элементы обряда, характерные для данного круга памятников. Выделяются три хронологические группы кыпчакских курганов: домонгольского, золотоордынского языческого и золотоордынского мусульманского периодов. Методом корреляции данных археологических и письменных источников определяется этнокультурная принадлежность памятников, выделяются общие и локальные черты культуры кыпчакских племен региона.

Рецензенты:

Б. Ф. ЖЕЛЕЗЧИКОВ, Ю. А. МОРОЗОВ

И 0507000000—337
47—88—11
042(02)—88

© Издательство «Наука», 1988 г.

ISBN 5—02—009403—X

Введение

Археологические памятники, скупые, отрывочные и в большинстве достаточно поверхностные сведения письменных источников, составляют в настоящее время основу для изучения и реконструкции этнической и социально-экономической истории кочевых народов степей Евразии.

Этапы развития кочевых обществ, смена одних этнополитических объединений другими, территория их расселения, характер взаимодействия — вот далеко не полный перечень вопросов. Ответ на них можно найти в археологическом материале, естественно, при условии его тщательного историко-археологического анализа. В отечественной науке уже имеется серия крупных работ, в которых на основе комплексного изучения археологических памятников, каменных изваяний, сведений русских летописей и сочинений восточных и западных авторов эпохи средневековья воссоздается картина этнической, социально-экономической и политической истории кочевых племен Половецкой земли¹. Аналогичных исследований по восточной части Великого пояса евразийских степей пока не имеется, что объясняется заметным отставанием темпов накопления археологических материалов территорий средневекового времени.

С точки зрения этнической истории кочевых племен Евразии степи Южного Урала и Приуралья (территория, соответствующая, на наш взгляд, в силу своих физико-географических условий этому понятию, простирается от верховьев Тобола на востоке до нижнего течения р. Урал на западе и от р. Эмба на юге до низовьев Камы и Белой на севере) представляют собой исключительно важный район, поскольку именно через него проходили на запад все известные в евразийской истории кочевые племена и орды, начиная с гуннов. И конечно же, не менее важно археологическое изучение степного Приуралья как одного из центров формирования башкирского и казахского этносов.

Перечисленные факторы обусловили интенсивное накопление археологического материала по средневековым кочевникам региона, развернувшееся в последнее десятилетие. Этим работам предшествовали отдельные, большей частью случайные раскопки средневековых курганов в Башкирском и Оренбургском Приуралье, начало которым положил в 1887—1888 гг. Ф. Д. Нефедов своими исследованиями в междуречье Урала и Илека (Мертвые Соли, Ханская Могила, Мертвецовский и др.)².

В 1926 г. два могильника XIII—XIV вв. раскопал Б. Н. Граков у аула Худай-Берген на левом берегу р. Урал, ниже г. Орска. В следующем, 1927 г. при раскопках сарматского курганного могильника у пос. Неженский им же были обнаружены еще пять средневековых захоронений (Башкирское Стойло, Алебастровая Гора, урочище Красный Яр)³.

В 1958—1962, 1971—1973, 1979 гг. во время раскопок савромато-сарматского могильника у с. Новый Кумак экспедицией М. Г. Мошковой, К. Ф. Смирнова и В. А. Кригера исследованы более 30 кочевнических погребений XII—XIV вв.⁴ Примерно тогда же остатки погребения XIII—XIV вв. доисследовал на склоне горы Шах-Тау под г. Стерлитамаком сотрудник Стерлитамакского музея Б. В. Скляр⁵.

В 1963 г. два женских захоронения XIII—XIV вв. были раскопаны М. Х. Садыковой у д. Юлдыбаево в Зилаирском районе Башкирской АССР, а в 1966 г. сразу 14 погребений XII—XIV вв. исследовал С. М. Васюткин в Синташтамакском могильнике на р. Чермасан.

70-е годы были временем начала систематических поисков и изучения средневековых памятников в степном Приуралье. И наиболее масштабные изыскания в этом направлении были проведены в 1973—1974 гг. Н. А. Мажитовым, открывшим и исследовавшим серию курганов XII—XIV вв. в среднем течении р. Урал на территории Оренбургской области (Алабайтал, Жанаталап I, II, Карагач, Россыпино и др.)⁶. Одновременно в процессе поисков савромато-сарматских курганов на Южном Урале два могильника XII—XIV вв. обнаружил и раскопал в верховьях р. Сакмары А. Х. Пшеничнюк (IV Ивановский, у пос. Комсомол).

Мы не случайно акцентируем внимание на памятниках XII—XIV вв., хотя в указанное время открывались и изучались курганы и более ранних периодов: VIII—IX и X—XI вв., оставленные в Приуралье кочевниками угорского (древнемадьярского), огузского и печенежского этносов. Но как показали работы последующих лет, на территории Уральской и Оренбургской областей, а также в Башкирском Зауралье и в Челябинской области (раскопки Г. А. Кушаева, М. Г. Мошковой, Б. Ф. Железникова, С. Н. Заседателевой, С. Г. Боталова и авторов настоящей работы) именно курганы XII—XIV вв. (кыпчакского времени) составляют основную массу (255 курганов, содержащих 275 погребений) выявленных в регионе средневековых кочевнических памятников. Это обстоятельство есть следствие воздействия на средневековые кочевые общества определенных демографических, экологических и военно-политических причин.

Временной пик массового движения азиатских кочевников на запад приходится на период с середины IX до середины XI в., когда по евразийским степям прокатилось несколько кочевых волн: печенеги, огузы (торки), кыпчаки. Современники этих событий, полагая, что перемещения кочевников вызывала цепная реакция, когда одни племена, захватывая пастбища соседей, вынуждали последних уходить на другие территории (аль-Марвази), уже выявили одну из указанных причин миграций — военно-политическую. Однако известно, что экстенсивное скотоводство находится в прямой зависимости от состояния кормовой базы конкретной местности, зависимо, в свою очередь, от климатических условий. На этом основании исследователи выводили причину миграции многих кочевников непосредственно из ухудшения природно-климатических условий восточной части евразийских степей⁷. Л. Н. Гумилев, основываясь на исследованиях географов о влиянии солнечной активности на увлажнение и усущение в гумидной и аридной зонах, пришел к выводу о двух видах миграций: 1) при усущении степи кочевники в поисках воды и пастбищ концентрировались по окраинам зоны; 2) при увлаж-

нении аридной зоны резко возросло население степи, которое, чтобы сохранить привычный способ хозяйствования, было вынуждено расширять свои владения⁸. Гипотеза о гетерохронности увлажнения и усушения в аридной и гумидной зонах позволяет совместить периоды миграционной активности кочевников (по историко-археологическим данным) и климатические условия аридной зоны в это время (по данным палеоботаники и колебаниям уровня Каспийского моря). Оказалось, что колебания уровня Каспийского моря совпадают с колебаниями уровня Аральского моря и оз. Балхаш, показывая тем самым, что кочевые племена от Прикаспия до Прииртышья обитали примерно в одинаковых климатических условиях. В отличие от указанных территорий Северное Причерноморье не подвергалось столь резким колебаниям усушения и увлажнения. Богатые разнотравьем и надежно обеспеченные водой за счет мощной гидросети, южнорусские степи были убежищем для кочевников в периоды усыхания степей восточнее Волги, где гидросеть развита слабо.

Прослеживается следующая закономерность: в X в. началось медленное усушение аридной зоны и поднятие вследствие перемещения фронта циклонов на север уровня Каспийского моря, что повлекло за собой массовое переселение огузских племен на реки Илек, Волгу и печенежских — в южнорусские степи⁹. Подобное переселение подразумевает переход кочевников к первой стадии кочевания, археологически выражающейся в слабой насыщенности памятниками территории продвижения номадов¹⁰. В рассматриваемом случае — в относительно редких находках курганов X—XI вв. в степях Южного Приуралья (Урало-Каспийского коридора). По мнению Л. Н. Гумилева, миграции кочевников в это время представляли собой выселение из наиболее засушливых районов¹¹. Этими же причинами, вероятно, объясняется и слабая насыщенность региона памятниками домонгольского периода (XII — первая половина XIII в.), поскольку сложившаяся к началу огузо-печенежского передвижения на запад в степях Центрального Казахстана и Приаралья кочевая орда во главе с кыпчаками также была вынуждена уйти на более благоприятные северо-западные земли (здесь, кстати, мы имеем сочетание экологических и военно-политических причин).

Завоевательные походы татаро-монголов начались в условиях максимального увлажнения на Тянь-Шане, тогда как прикаспийские и приуральские степи во второй половине XIII в. вновь вступают в период усушения с одновременным поднятием уровня Каспийского моря¹². Но в это время в регионе, кроме чисто экологических причин, активно действуют причины военно-политические и социально-экономические, следствием которых явилось образование государств с относительно устойчивыми границами и искусственное ограничение свободы передвижения кочевников. Отсюда — широкое распространение в степях Южного Приуралья курганов золотоордынского времени (вторая половина XIII—XIV в.).

Для рассматриваемой территории и прилегающих районов степного Поволжья золотоордынский период был временем массовой «кыпчакизации», конечным результатом которой являются лингвистические и этнографические особенности современных тюркоязычных народов региона. Для этнической истории это — период завершения основных этапов сложения тюркоязычных этносов Урало-Волжского региона: башкир и татар¹³.

Фрагментарность сведений о народах Поволжья и Приуралья, содержащихся в средневековых письменных источниках, и очевидный субъективизм их авторов превращают археологические памятники в основной источник информации по этнокультурному составу, социальной структуре, материальной и духовной культуре кочевников региона в XII—XIV вв. Извлечение этой информации подразумевает прежде всего проведение всестороннего типологического анализа имеющегося материала на предмет его хронологизации и выявления общих и особенных черт на фоне синхронных памятников евразийских степей.

В указанном ключе авторы и строили свою работу, поставив перед собой следующие задачи: дать типологическое описание составных элементов материальной культуры кочевников XII—XIV вв. Южного Приуралья через призму типологии, уже разработанной для средневековых древностей степной Евразии; в рамках очерченного хронологического периода дать внутреннюю хронологизацию известных памятников, используя для этого статистико-корреляционный метод, давно известный, но недостаточно широко применяемый в археологии; с помощью специально разработанного перечня признаков провести подробный анализ погребального обряда памятников XII—XIV вв. в Южном Приуралье с целью выделения общих и особенных черт, позволяющих в конечном итоге определить место региона в этнокультурной системе евразийских степей; и, наконец, коррелируя данные археологических и письменных источников, провести этническую интерпретацию имеющихся памятников хотя бы в пределах, допускаемых материалом.

Нам представляется, что данная работа в конечном итоге послужит базой для последующих реконструкций этносоциальной и политической истории кочевого общества Южного Приуралья, чему должны быть посвящены специальные работы.

¹ Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях//МИА. 1958. № 62; Она же. Кочевники средневековья. М., 1982; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

² Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг.//МАВГР. 1889. Т. 3.

³ Кривоцова-Гракова О. А. Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г.//Труды секции РАНИОН. М., 1928. Т. 4; Граков Б. Н. Отчет о работах в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций//Известия ГАИМК. 1935. Вып. 110.

⁴ Кригер В. А. Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника//СА. 1983. № 3.

⁵ Викторова В. А. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии//ВАУ. Свердловск. 1962. Вып. 4.

⁶ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977. Табл. Д, Е, Ж, З.

⁷ Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 2. С. 33.

⁸ Гумилев Л. Н. История колебания уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н. э. до XIV в. н. э.)//Колебания увлажнения доисторического Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 35.

⁹ Там же, рис. 3; Кригер В. А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X—XIV вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

¹⁰ Плетнева С. А. Кочевники средневековья. С. 16, 17.

¹¹ Гумилев Л. Н. История колебания уровня Каспия... С. 40, 41.

¹² Там же. С. 41—43.

¹³ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 481; Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С. 92, 93.

Типология вещевого комплекса

Материальная культура XII—XIV вв. представляет собой новый этап в развитии культуры кочевого общества степей Евразии. Прежде всего обращает на себя внимание ее большая однородность по сравнению с предшествующим, огузо-печенежским временем и отсутствие среди составных компонентов ярко выраженных этнографических признаков, например птицевидных нашивок и копоушек культуры племен огузо-печенежского объединения, которые коррелируют с определенным погребальным обрядом и сконцентрированы по левому берегу Волги, в пределах Волгоградского Заволжья. Отмеченная однородность материальной культуры кыпчакского времени, вероятно, обусловлена длительным совместным сосуществованием кыпчакских и кимакских племен в составе одного этнополитического объединения, а позже, в золотоордынский период,— объединением кыпчаков и половцев в политической и социально-экономической системе одного государства.

На вопрос о том, стоит ли вновь обращаться к описанию и характеристике вещевого комплекса погребений кыпчакского времени Южного Урала и Приуралья после имеющих крупные работы С. А. Плетневой, Г. А. Федорова-Давыдова, Н. А. Мажитова, где типологии и датировке вещей уделено особое внимание¹, ответ дают следующие статистические выкладки: Г. А. Федоров-Давыдов в своем исследовании оперировал материалом 25 погребений XII—XIV вв. с территории Южного Приуралья, из которых только 8 содержали вещи² (Новый Кумак, кург. 11, 28, 35, 37; Худай-Берген, мог. LIII, кург. 12; Худай-Берген, LIV, кург. 4, 5, 6).

В книге Н. А. Мажитова имеются данные о 22 погребениях рассматриваемого времени (курганы мрясимовского и башкир-беркутовского типов), среди которых 14 — с вещами (Охлебинино, погребения 1, 2, 3; IV Ивановские, кург. 1; Юлдыбаевские, кург. 1; Башкир-Беркутовские, кург. 3; Россыпинские, кург. 2; Жанаталапские, кург. 1; II Жанаталапский; Каменноозерный, Алабайтальский и др.)³.

В настоящее время мы располагаем данными о 94 погребениях с вещами (включая и перечисленные выше) на рассматриваемой территории, что составляет 34% всех известных здесь погребений кыпчакского времени. Практически весь вновь полученный материал укладывается в уже разработанную Г. А. Федоровым-Давыдовым типологию, что освобождает нас от излишнего типо-творчества и гарантирует от внесения путаницы в уже устоявшуюся номенклатуру. Правда, в тех случаях, когда приходилось иметь дело с вещами, не вошедшими в типологию исследователя, мы вводили новые типы, придерживаясь того же принципа буквенной и цифровой индексации.

В погребениях представлены следующие категории вещей: 1) принадлежность конской сбруи (стремена, удила, остатки седел); 2) вооружение (наконечники стрел, сабли, колчаны и их украшения, кинжалы, копья, доспехи); 3) украшения (серьги, перстни, бусы, зеркала, «бокка»); 4) бытовые предметы (кресала, ножи, ножницы, шилья, гребни, сосуды) и отдельные предметы, не укладываемые ни в одну из перечисленных категорий (пряжки, косметические щипчики, остатки кожаных сумок, бронзовые бубенчики и т. д.). Распределение вещей в могилах, как правило, отражает половую принадлежность погребенных.

Принадлежности конской сбруи

1. *Стремена* обнаружены в 42 погребениях, причем в 7 случаях — в обломках, а потому не определены. По номенклатуре Г. А. Федорова-Дадыкова, представлены стремяна следующих типов: БI, ВI, ГI, ГII, ГIV, ДII, ДIII, ЗI, ЗII (рис. 1). Наиболее часто (17 экз.) встречаются стремяна типа ДIII — арочной формы, верхняя часть дужки расплющена и заострена. Подножка широкая, края иногда опущены вниз (рис. 8, 1, 2, 19; 14, 25, 27, 35). Этот тип стремян вобрал в себя все характерные черты стремян этого времени; ВI (5 экз.) — арочной формы с круглой в сечении дужкой, верхняя часть которой имеет длинный плоский выступ прямоугольной формы, также с широкой подножкой (рис. 13, 11, 14, 22, 23); ГI (4 экз.) — арочной формы с треугольной в сечении дужкой, расплющенной в верхней части, подножка узкая. Иногда в месте соединения дужки с подножкой имеются круглые утолщения (рис. 1, 1); ГII — круглой формы с заостренной верхней частью дужки, в средней части дужки — круглые утолщения, подножка узкая (рис. 1, 1; 22); ДII (3 экз.) — арочной формы, верхняя часть дужки расплющена и плавно закруглена, подножка узкая (рис. 1, 1). Подобный тип стремян, но с округлой в сечении дужкой известен в огузо-печенежское время. Расплющивание дужки — прием, характерный для ремесленников кыпчакского периода.

Найдены стремяна (2 экз.) типа БI — 8-образной формы, согнутые из круглого в сечении железного прута, с широкой подножкой (рис. 1, 1; 16, 12); ЗII (круглой формы с узкой подножкой и отверстием для путлища в верхней части дужки)⁴ (рис. 1, 1; 16, 5, 6); стремяна типов ГIV (круглые, с узкой вогнутой подножкой, верхняя половина дужки расплющена, выделена квадратная петля для путлища)⁵ и ЗI (арочной формы, с узкой прямой подножкой, вместо петли отверстие для путлища в верхней части дужки) известны по одному экземпляру.

Прямых аналогов в комплексе рассматриваемого времени не имеет стремя из кургана 6 могильника Лебедевка VIII с узкой вогнутой подножкой и широкой плоской дужкой с отверстием в верхней части (рис. 7, 29).

Чаще всего в могилах находят два однотипных стремяна, которые лежат вместе с костями коня или, если погребение без коня, в ногах погребенного.

2. *Удила* найдены в 39 погребениях, из которых в 7 погребениях — в обломках и типологическому определению не поддаются. В памятниках Южного Приуралья представлены удила четырех типов: ГI, ГII,

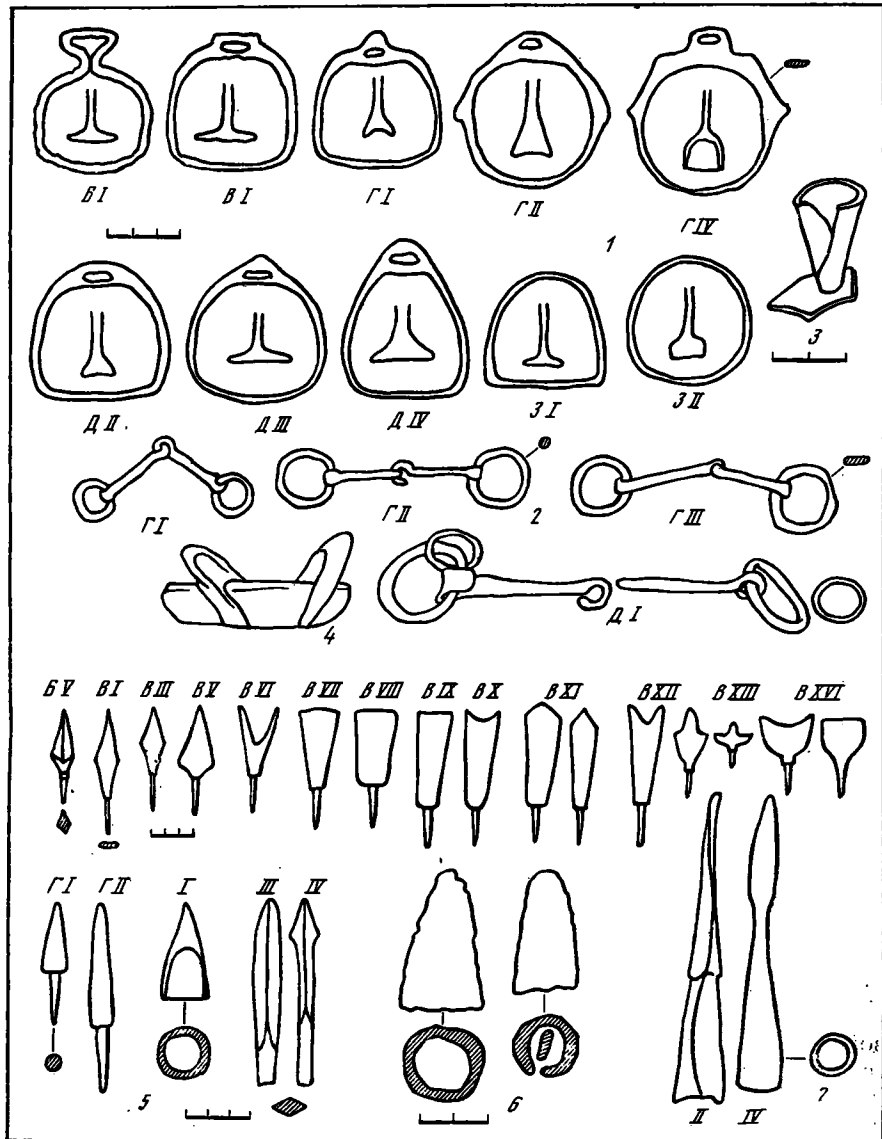

Рис. 1. Типы принадлежностей конской сбруи и вооружения, известные в курганах XII—XIV вв. Южного Урала и Приуралья (1--7)

ГП и ДП (рис. 1), среди которых основным, т. е. наиболее часто встречающимся, является удила типа ГП (24 экз.)—двусоставные, с большими (не менее 5 см в диаметре) подвижными кольцами на концах (рис. 8, 20; 9, 2, 6; 11, 21, 26). Иногда одно звено удил бывает короче другого (рис. 8, 20).

Удила типа П—двусоставные, с подвижными кольцами (3—4 см в диаметре) на концах (рис. 7, 28; 11, 9, 18), найдены в 4 погребениях; удила типа ПП, отличающиеся от удил П только плоским сечением колец (рис. 12, 7), найдены в трех погребениях, а типа ДП* (двусоставные, с кольцами более 5 см в диаметре и мелкими дополнительными кольцами на концах) (рис. 12, 17; 13, 8)—в двух погребениях.

Обычно удила находятся в зубах коня, а если коня нет—у ног погребенного вместе со стремянами.

3. *Седла.* Остатки седел в виде деревянных лук и полок, изготовленных из нескольких слоев прошитой бересты, найдены в трех погребениях. Сохранившиеся фрагменты позволили исследователям реконструировать их как седла так называемого кокэльского типа, широко известные в Сибири и на Кавказе начиная с VII—VIII вв.⁶ (Камнеозерный курган; Новый Кумак, гр. II, кург. 3)⁷ (рис. 1, 4; 8, 10). Отдельные элементы седел обтягивали кожей и скрепляли между собой. Луки седел украшали костяными и бронзовыми пластинками. В кургане 1 Тлягуловского могильника найдено украшение задней (?) луки седла в виде плетеньки из мелких железных и медных колечек (рис. 13, 12).

Из других принадлежностей сбруи известны остатки деревянных (2 погр.) и костяных полых (2 погр.) рукоятей плетей, медная ворворка для закрепления волосяного султана, прикрепленная к железной основе (рис. 13, 26), найденная на черепе коня из кургана 9 Уральского могильника, и костяная петля для пут из кургана 5 того же могильника (рис. 13, 34).

Предметы вооружения

1. *Палаши, сабли* найдены в 9 погребениях соответственно по одному экземпляру в каждом. Вероятно, для кочевников региона сабли были настолько неординарным оружием, что, во-первых, в погребения их помещали достаточно редко, а во-вторых, производство их едва ли было серийным, что отразилось в многообразии типов, представленных в крайне ограниченном материале (рис. 2). Впрочем, если исходить из боевых свойств рассматриваемого оружия (а в данном случае они определялись степенью кривизны клинка), то в погребениях кыпчакского времени Южного Приуралья мы можем выделить палаши типов АI (короткий)—не более 70 см—клинок, прямое перекрестье и круглое навершие (рис. 16, 26)—1 экз. и БI (клинок более 100 см длиной, без навершия и перекрестья) (рис. 16, 15)—3 экз. и сабли, отличающиеся друг от друга кривизной клинка и оформлением рукояти: тип ВI* (кривизна клинка до 30 мм, без навершия и перекрестья) (рис. 16, 9)—2 экз.; ПI* (аналогичное, но с прямым перекрестьем и навершием в виде усеченного кону-

* Типы, отсутствующие в номенклатуре Г. А. Федорова-Давыдова.

са) (рис. 16, 7)—1 экз.; ДI* (кривизна клинка до 5 мм, без навершия и перекрестья)⁸—1 экз. и ДII* (аналогичная, но с прямым перекрестьем и круглым навершием) (рис. 7, 15)—1 экз.

В погребениях сабли помещены слева или справа от человека, чаще всего — вдоль бедра.

2. *Кинжалы*. Такая же редкая находка в приуральских погребениях, как и сабли. В настоящее время в регионе известно всего 12 кинжалов (из которых два — в обломках), представленные следующими типами: AI* (2 экз.), клинок прямой, без навершия и перекрестья (рис. 2, 2; 13, 11); BI* (2 экз.)—клинок искривлен (вогнуто), без навершия и перекрестья (рис. 2, 2; 8, 16); BII* (4 экз.)—аналогичные, но с перекрестьем из двух прямых пластин с расплюснутыми концами, без навершия (рис. 2, 2); VI* (2 экз.)—клинок вогнут, с горбатой спинкой, рукоять кожаная, иногда украшенная циркулярным орнаментом, или деревянная (рис. 2, 2; 7, 16).

Как правило, кинжалы лежат справа от погребенного, у пояса.

3. *Железные наконечники стрел* обнаружены в 43 погребениях, преимущественно представлены типами отдела В (плоские, черешковые) (рис. 1). Всего найдено 65 подпадающих типологии наконечников:

BIII (2 экз.). Трехгранное в сечении перо (рис. 7, 2);

BIII (2 экз.). Плоские, листовидной формы (рис. 13, 4);

BIV (9 экз.). Плоские, ромбической формы (рис. 13, 1; 16, 21);

BV (3 экз.). Плоские, треугольной формы, максимальная ширина приходится на основание пера (рис. 7, 1; 16, 11);

BVI (1 экз.). Двурогие (охотничьи) стрелы;

BVII (2 экз.). Треугольной формы, но в виде треугольника, перевернутого основанием вверх, максимальная ширина приходится на режущую грань (рис. 8, 25, 27; 12, 2; 13, 2);

BVIII (4 экз.). Прямоугольной формы, чуть сужается к основанию (рис. 10, 4);

BIX (14 экз.). В виде вытянутой лопаточки с закругленной верхней ударной гранью (рис. 12, 16);

BX (1 экз.). Аналогичный, но ударная грань слегка вогнута (рис. 1, 5);

BXI (18 экз.). Вытянутая лопаточка, заканчивающаяся двумя короткими ударными гранями, сходящимися под тупым углом (рис. 9, 9; 10, 12; 12, 15);

BXII (1 экз.). Аналогичный, но ударная грань имеет треугольный вырез (рис. 1, 5);

BXIII (1 экз.). Фигурный, с небольшим пером, ударная грань имеет треугольный выступ (рис. 9, 3);

BXVI* (2 экз.). Полукруглой формы, с небольшим пером, прямой или вогнутой ударной гранью (рис. 1, 5);

GI* (1 экз.). С коротким, круглым в сечении пером конусовидной формы (рис. 1, 5);

GII* (4 экз.). Аналогичные, но с длинным пером (рис. 12, 3).

Обычно стрелы помещали в берестяной колчан, остриями вверх, но иногда их находили у ног, у черепа, или у пояса погребенного и без колчана. Количество стрел в одном погребении невелико, не более пяти.

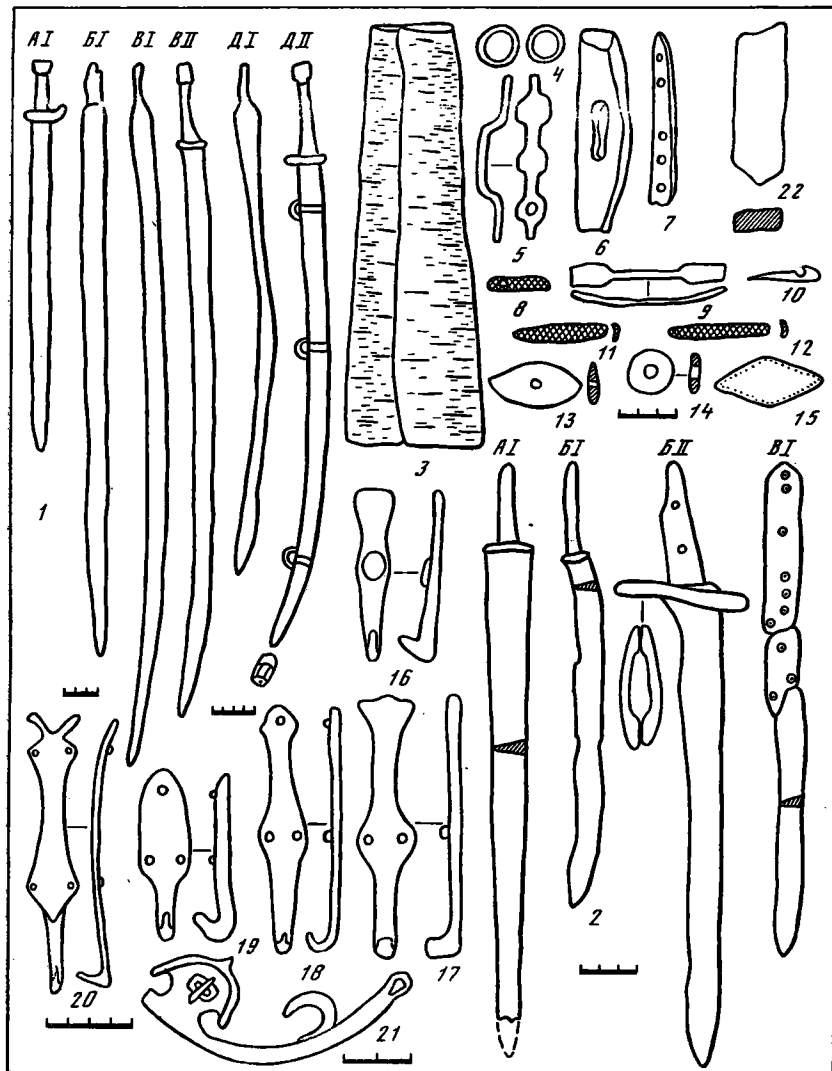

Рис. 2. Типы вооружения из курганов XII—XIV вв. Южного Урала и Приуралья (1—21)

4. *Костяные наконечники стрел* (8 экз.) найдены в пяти погребениях: тип I (2 экз.)—втульчатые, круглые в сечении, пулевидные (рис. 1, 5);

Тип IV (6 экз.)—черешковые, листовидной формы, ромбического сечения (рис. 16, 16—17; 8, 13, 14; 9, 4, 12, 13);

Тип V (1 экз.)—черешковый с треугольной, ромбического сечения головкой (рис. 14, 3).

В погребениях костяные наконечники стрел размещались так же, как и железные. Однако в кургане 1 Тлягуловского могильника черешковый костяной наконечник (рис. 13, 3) торчал вертикально возле головки бедра.

5. *Колчаны*. В рассматриваемых погребениях Приуралья обнаружены 33 берестяных колчана, по одному в погребении. Все колчаны конусовидной формы, длиной 35—90 см. Верхняя часть всегда в два раза уже донной (в среднем 10×20 см) (рис. 2, 3; 15, 39). Ремни крепились к колчанам с помощью железных, реже костяных петель (рис. 2, 7).

К поясу или седлу колчан подвешивался за железные крючки с широким плоским щитком прямоугольной или близкой к овалу формы. В некоторых щитках прослеживаются 3—4 сквозных отверстия для крепления крючка к ремню (рис. 2, 17—21; 8, 11, 24; 9, 15; 13, 10, 31; 14, 23).

Иногда берестяные колчаны украшались костяными накладками, покрытыми резным геометрическим или растительным орнаментом. Всего в регионе сейчас известно семь подобных колчанов (рис. 9, 7, 8; 10, 1—3; 14, 33—37). Изготавливались пластины путем расщепления крупных костей животных с последующей резьбой и заполнением углублений черной, зеленой и красной краской.

6. *Лук*. В десяти из рассматриваемых погребений найдены костяные обкладки лука: срединные овальной формы с закругленными концами (8 экз.) (рис. 7, 8, 9), концевые с характерными выемками для тетивы (1 экз.) (рис. 2, 10) и фронтальная в виде двухлопастного весла (1 экз.) (рис. 2, 9).

7. *Наконечники копий*. В трех погребениях обнаружено по одному железному наконечнику копья, по форме пера разделяющиеся на два типа: II (1 экз.). Лезвие треугольное в сечении, втулка не сомкнута (рис. 1, 7); IV (2 экз.). Лезвие плоское в сечении, листовидной формы, втулка растробом расширяется к концу. Одно копьё имеет двурогое перо.

Из этих же погребений происходят железные втоки в виде массивных кованых колпачков с круглой или несомкнутой втулкой (рис. 8, 7; 10, 13).

8. *Доспехи*. Совершенство наступательного оружия (стрелы, сабли) сочеталось с изменениями оборонительного вооружения. Поскольку изготовление доспехов было делом сложным и дорогостоящим, в могилы их клали очень редко. Чаще доспех символизировался несколькими панцирными пластинками или обрывком кольчуги. В погребениях региона весь панцирь был найден только один раз (Лебедевка II, отдельный курган) и в трех случаях — отдельные панцирные пластины. Судя по этим находкам, панцири были двух видов: из широких железных пластин, подвижно соединенных кольцами, и из узких пластин, неподвижно скреплявшихся железными штифтами.

Единственный известный в регионе шлем кыпчакского времени (Лебедевка II, «отдельный курган») был изготовлен из трех треугольных пластин, согнутых полусферой и в местах соединения усиленных наваренными сверху прямоугольными пластинами. Венчал шлем полный цилиндр со шляпкой⁹.

Локти и колени воина защищали наколенники и налокотники, изготовленные из бронзовой пластины с двумя отверстиями для плоской

дужки. В погребениях Приуралья известны семь наколенников и налокотников (различать их трудно) (рис. 8, 9; 10, 14).

Полный набор вооружения, состоящий из сабли, лука со стрелами, шлема и панциря (панцирные пластины), был обнаружен только в одном погребении Южного Приуралья (Лебедевка II). Только сабля — в четырех погребениях (Новый Кумак, кург. I, погр. 2; Охлебинино, погр. 1, 2, 3). Сабля и наконечники стрел — в пяти погребениях и только стрелы — в 29 погребениях. Предметы вооружения и конской сбруи (стремена, удила) вместе встречены в 15% всех погребений с вещами.

Предметы быта

1. *Ножи* — самые распространенные в регионе. Обнаружены в 52 погребениях, причем в шести — по 2 экз. Всего типологии поддаются 43 ножа: тип I (37 экз.). С прямым лезвием, черенок ручки находится посредине основания клинка или составляет одну линию со спинкой (рис. 3, 5; 7, 4, 14, 16; 8, 15; 13, 21; 14, 19);

Тип III (6 экз.). Лезвие с горбатой спинкой (серповидные) (рис. 3, 5; 9, 17; 10, 16; 13, 29).

В могилах ножи лежат, как правило, у пояса погребенных и только в редких случаях — у ступней или у черепа.

2. *Кресала*. Найдены в 23 погребениях (по одному в погребении), из них в четырех — обломки, не поддающиеся типологии.

Типы кресал:

АII (4 экз.). Двулезвийные, овальной формы (рис. 3, 3; 14, 32; 16, 25);

БI (11 экз.). Однолезвийное с несомкнутыми прямыми концами (рис. 9, 18; 12, 4);

БII (4 экз.). Однолезвийные с несомкнутыми отогнутыми концами (рис. 8, 8, 23; 10, 9; 13, 32).

Кресала находят у пояса погребенного, иногда — в кожаной сумке или холщовом мешке вместе с кремешком (Уральские, кург. 9) (рис. 13, 38).

3. *Ножницы*. В 16 погребениях соответственно обнаружено 16 экз. ножниц, трое из которых — в обломках.

Тип I (1 экз.). Пружинные, изготовленные из согнутой вдвое железной пластины (рис. 3; 4);

Тип II (3 экз.). Шарнирные, с полукольцом на концах (рис. 3, 4; 14, 21);

Тип III (9 экз.). Шарнирные, с круглыми или овальными кольцами на концах (рис. 3, 4; 11, 2; 13, 28).

Пружинные ножницы — пережиточное явление более раннего периода, известны еще в памятниках раннего железного века и предназначались, как полагают, для стрижки овец. Встречаются ножницы с индивидуальными особенностями: у некоторых кольца на концах не цельнолитые, а образованы изгибом заостренных концов (рис. 11, 8), или оба полукольца загнуты в одну сторону (рис. 13, 28).

4. *Точила* представлены единственным экземпляром в виде каменно-прямоугольного бруска без сквозного отверстия (рис. 2, 22). Их не

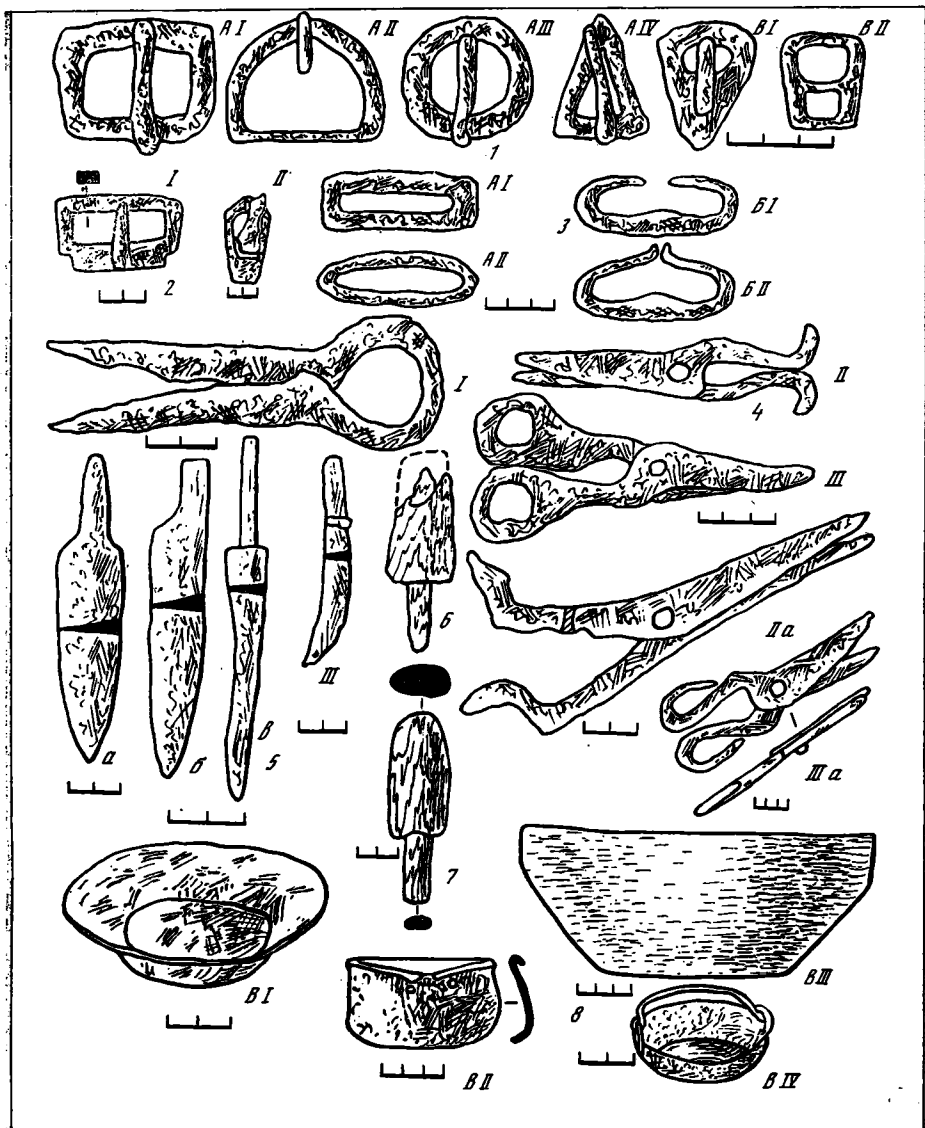

Рис. 3. Бытовые предметы из курганов XII—XIV вв. Южного Урала и Приуралья (1—8).

носили постоянно на поясе, поэтому, вероятно, точила в погребениях являются редкой находкой.

5. *Шилья* представляют собой круглые или четырехгранные в сечении железные стержни, вставленные в деревянную рукоять. В Приуралье обнаружены в двух погребениях, хотя точно установить их отсутствие в могиле трудно, поскольку они могут находиться среди обломков гвоздей и других железных предметов.

6. *Гребни* найдены в трех приуральских погребениях. Два из них косяные, один деревянный. Гребни однотипные: с одной стороны зубья редкие и крупного размера, с другой — мелкие и частые (рис. 14, 15).

7. *Металлическая посуда* представлена в 14 из рассматриваемых погребений региона серебряными, медными, чугунными сосудами самых разнообразных форм или их обломками (Тлявгулово, кург. 1; VII Новочеркасский, кург. 1);

AI (1 экз.). Серебряный кувшин без ручки, грушевидной формы, на поддоне с цилиндрической горловиной, плавно отогнутой наружу. По горловине пущена арабская вязь, позволяющая датировать кувшин XII в.¹⁰

VI (1 экз.). Бронзовая чаша с широким устьем и плоским дном (рис. 3, 8);

VII (2 экз.). Бронзовый казанок цилиндрической формы с загнутым наружу краем. Дужка крепилась с помощью сквозных отверстий у края (рис. 11, 1);

IV. (5 экз.). Бронзовые или серебряные чашечки полусферической формы с круглым дном, неглубокие, с дужкой или без нее (рис. 3, 8; 12, 9);

BVII* (1 экз.). Бронзовая чаша с широким цилиндрическим горлом и конусовидным туловом, дно плоское (рис. 13, 18);

BVIII* (1 экз.). Серебряный сосуд с узким цилиндрическим горлом и шаровидным туловом¹¹.

Кроме того, в одном из курганов Юлдыбаевского могильника (кург. 2) обнаружена чугунная жаровня с ручкой-захватом, и обломки чугунного котла упоминаются среди находок в курганах у Пчельника.

Помещение металлических котлов и чаш в могилы является, по-видимому, отражением кыпчакских (половецких) социальных традиций, но модифицированных под влиянием монголо-татарского нашествия¹².

Известна также единственная находка деревянной чаши с плоским дном и чуть вогнутыми стенками. Стенки чаши окрашены в красный цвет.

Украшения

1. *Серьги*. Наиболее часто встречающийся в Приуралье тип — серьги в виде знака вопроса, изготовленные из золотой, серебряной или бронзовой проволоки (отдел VI, по Г. А. Федорову-Давыдову). А вообще в погребениях региона представлены все типы серег, известные среди кочевнических древностей XII—XIV вв. (Рис. 4, 1).

Тип I (2 экз.). Кольцо из круглой в сечении проволоки, концы не сомкнуты и заострены. Иногда к серьге крепилась нитка с бусинами (рис. 7, 6; 11, 41);

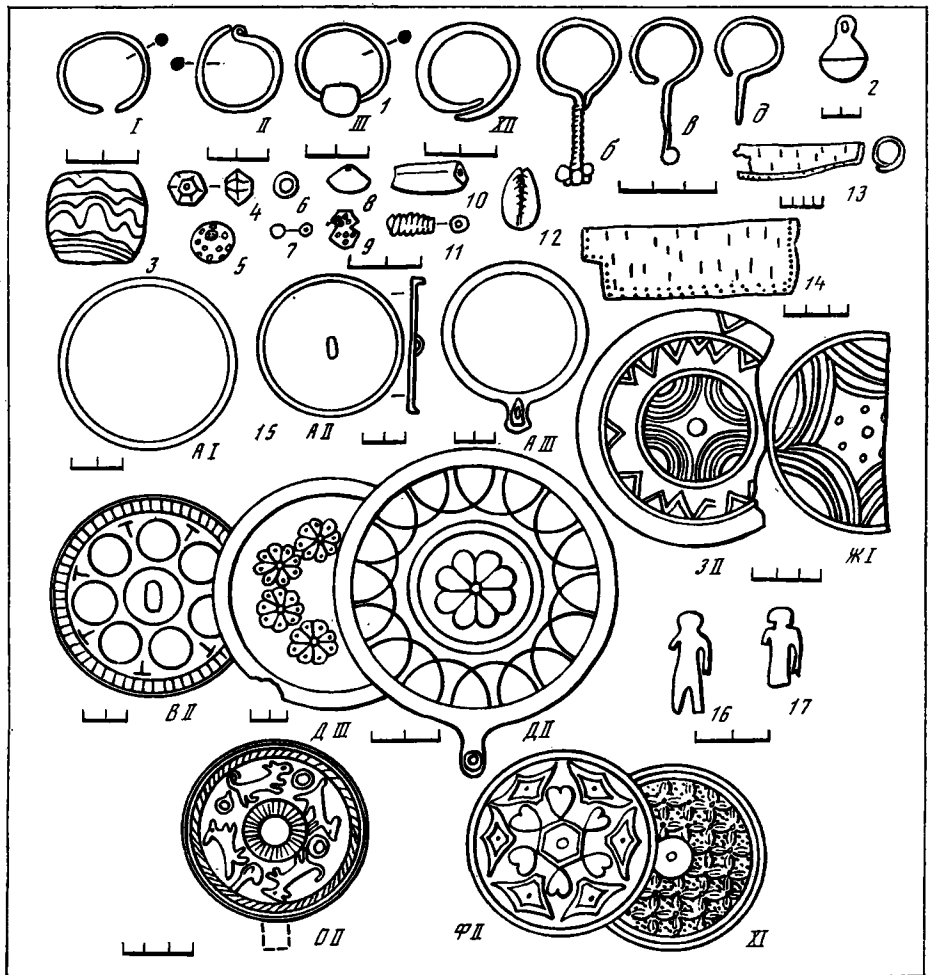

Рис. 4. Типы украшений и бронзовых зеркал из курганов XII–XIV вв. Южного Урала и Приуралья (1–17)

Тип II (1 экз.). Кольцо с несомкнутыми концами, один конец закручен в петлю, другой загнут для закрепления в петле (рис. 13, 13);

Тип III (1 экз.). Кольцо, оба конца которого соединены крупной бусиной (рис. 4, 1);

Тип VI (20 экз.). Серьги в виде знака вопроса: VIб (14 экз.) — стержень обмотан тонкой проволокой, на конце стержня нанизаны 1–2 бусины (рис. 11, 33; 14, 1, 4, 5); VIв (1 экз.) — аналогичная, но без обмотки стержня (рис. 11, 13); VIг (1 экз.) — стержень состоит из двух звеньев, соединенных крупной бусиной; VIд (2 экз.) — из гладкой проволоки,

стержень без бусины и заострен (рис. 15, 10; 14, 14); VIe (2 экз.) — стержень из двух звеньев, обмотан тонкой проволокой, на конце — бусина или намотка из той же проволоки (рис. 14, 10);

Тип XII (4 экз.). Гладкое кольцо с заходящими друг на друга концами (рис. 4, 1).

Все серьги найдены у черепа погребенных и, как правило, по одному экземпляру в могиле.

В одном погребении (Мокринский 1, кург. 9, погр. 2) найдены серьги из золота, выполненные в виде жуков-скарабеев**.

2. *Перстни* найдены в 6 погребениях (из них в двух — по два перстня). Перстни (бронзовые и серебряные) простые пластинчатые, с плоским прямоугольным щитком, украшенным точечным или растительным (?) орнаментом (рис. 14, 2, 9).

3. *Бусы*. В рассматриваемых погребениях региона большими ожерельями бусы не встречаются. Чаще всего — одна-две крупные бусины или низка мелкого бисера белого или желтого цвета. В основном выделяются бусы из стекла и камня. По форме это круглые, боченковидные, биконические, витые, овальные, многогранные, прямоугольные и дольчатые. Ориентированы горизонтальными волнистыми линиями или разноцветными «глазками» (рис. 11, 30—32, 34—37; 14, 7, 8). Среди бус встречаются и раковины каури.

В целом же следует отметить, что бусы не были характерным украшением для средневековых кочевников Приуралья.

4. *Берестяные трубочки для кос — «бокка»*. Найдены в 10 из рассматриваемых погребений. Представляют собой полые цилиндры, свернутые из нескольких слоев бересты и прошитые по краю. Различаются в основном размерами (длиной): 10—15 и 25—35 см, диаметр колеблется от 3 до 8 см. Иногда один конец «бокки» по диаметру больше, чем другой (рис. 11, 11; 14, 38). Иногда на трубочке сохраняются остатки покрывавшей ее ткани и нашивные серебряные бляхи (Тлягуловский, кург. 4; Уральские, кург. 5) (рис. 13, 17, 30). В последнем кургане бляха представляла собой часть украшения пояса с надписью на персидском языке¹³.

В литературе достаточно прочно закрепилось мнение о берестяных трубочках как об одном из важных признаков влияния монголов на материальную культуру кочевников евразийских степей. Однако до сих пор нет убедительных доказательств связи берестяных трубочек с монгольской культурой. Более того, известна находка серебряного парадного головного убора из Прииртышья в виде расширяющейся у основания орнаментированной серебряной шляпы¹⁴, весьма напоминающая головные уборы, изображенные на половецких каменных изваяниях¹⁵. Вероятно, берестяные трубочки — это копия более древнего, еще времен кимако-кыпчакского объединения, головного убора, и в золотоордынское время они употреблялись менее состоятельными членами общества. Тем более что связать их с каким-то определенным типом погребений, отличным от кыпчакских, не удастся.

** Материал памятника не опубликован.

5. *Зеркала*. Металлические зеркала обнаружены в 30 погребениях Приуралья. В каждом погребении — по одному целому зеркалу или обломки от одного зеркала. Из них типологии поддаются 22 экз., представленные зеркалами 11 типов (рис. 4, 15);

AI (6 экз.). Диск без орнамента, но с полукруглым валиком по краю (рис. 11, 3);

AII (3 экз.). Диск без орнамента, но с валиком по краю и петлей в центре (рис. 14, 16);

AIII (3 экз.). Диск с двумя валиками по краю и ручкой-ушком сбоку¹⁶;

BII* (1 экз.). Диск с валиком по краю, петлей в центре и орнаментом, состоящим из чередований Т-образных значков и окружностей (рис. 4, 15);

ДП* (2 экз.). Диск с двумя валиками: один — по краю, другой — в центре. Между валиками — арочный орнамент, в центре — многолепестковая розетка. Сбоку — ручка-петелька (рис. 11, 19);

ДIII* (1 экз.). Диск с валиком по краю, в центре по периметру — многолепестковые розетки (рис. 4, 15);

ЖI (2 экз.). Диск с валиком по краю и арочным орнаментом (из трех линий), в центре — симметрично расположены круглые выпуклины или петли (рис. 13, 23; 14, 18);

ЖII (1 экз.). Диск с двумя валиками в центре, между первым и вторым валиком — рельефные угольнички, стоящие на валике. В центре — арочный орнамент из трех линий (рис. 4, 15);

ОII* (1 экз.). Диск с двумя валиками по краю и выступом в центре. По окружности — изображения четырех собак с загнутыми хвостами. Собаки отделены друг от друга круглыми выступами (рис. 11, 7);

ФII* (1 экз.). Диск с валиком по краю, в центре — звезда. Между звездой и валиком — сердцевидный орнамент и изображения птиц (рис. 4, 15);

XI (1 экз.). Диск с тремя валиками по краю, в центре — выступ. Вся поверхность диска покрыта орнаментом из рельефных линий, образующих квадратики с пятью маленькими выступами внутри каждого (рис. 13, 20).

Чаще всего зеркала лежат в изголовье погребения в кожаном или матерчатом чехле. Большинство из них преднамеренно сломаны, поскольку обломки зеркал лежат здесь же, в чехле.

6. *Железные пряжки* в рассматриваемых погребениях региона встречаются довольно часто (известно 38 экз.). По своему функциональному назначению, определяемому в зависимости от их местонахождения — на тазовых костях человеческого скелета или среди костей коня, делятся на поясные и подпружные. Ассортимент типов достаточно разнообразен (рис. 3, 1).

Тип AI (8 экз.) — прямоугольные, круглые в сечении. Крупные экземпляры употреблялись как подпружные (рис. 8, 28, 30; 9, 19);

AII (2 экз.) — полукруглые, плоские в сечении (рис. 12, 18; 13, 22);

AIII (20 экз.) — круглые, крупные пряжки употреблялись как подпружные, поэтому в некоторых погребениях встречается по несколько пряжек этого типа (рис. 7, 3, 18);

АIVа (1 экз.) — вытянутая в виде овала ¹⁷;

AVб (1 экз.) — вытянутая и сдавленная с боков ¹⁸;

AVI* (5 экз.) — треугольная, язычок крепился на перекладине, образующей основание треугольника (рис. 8, 29);

БIIIа* (1 экз.) — треугольная, язычок крепился на дополнительной оси, составляющей одно целое с рамкой (рис. 3, 1);

БIIIб* (1 экз.) — аналогичная, но прямоугольной формы (рис. 3, 1).

Кроме железных, известны две костяные пряжки, условно отнесенные нами к типам III и IV (рис. 3, 2).

7. *Бляшки, накладки.* В погребениях Южного Приуралья встречаются очень редко, так что описать их можно каждую в отдельности. Целый поясной набор (бронзовая пряжка с цельнолитым орнаментированным щитком) типа ВI (фигурные накладки и наконечник ремня) найден только в одном погребении (I Новоорский, кург. 2). В кургане 11 могильника Лебедевка VI обнаружена бронзовая сердцевидная накладка, украшенная мелкой зернью (рис. 7, 7). В кургане 9 у пос. Урал — прямоугольная с прорезью посередине (рис. 13, 33), а в кургане 5 могильника Ишкулово II — две бронзовые накладки в виде выпуклых 6-лепестковых розеток (рис. 14, 13).

Из других редко встречающихся украшений следует отметить ажурные вышивки из тонкой проволоки с сердоликовыми вставками (рис. 13, 24), обнаруженные на запястьях погребенного (Уральские, кург. 5); две позолоченные нашивки в виде цилиндров, увенчанных голубым камнем и тремя припаянными трилистниками (рис. 14, б) (Ишкулово II, кург. 3); серебряные колокольчики, украшавшие одежду или сбрую (Жанаталап II, кург. I, погр. 2); бронзовые бубенцы-пуговицы в виде полых шариков с петлей (рис. 4, 2); бронзовые подвески в виде схематичной фигуры человека (онгоны) (рис. 4, 16, 17) — Сынтыштамак, кург. 2. Причем если в погребениях кочевников онгоны встречены всего дважды, то в культурных слоях XIV в. золотоордынских городов они известны в большом количестве ¹⁹.

Известны также отдельные бронзовые и золотые бляшки с изображениями фантастических (дракон) и реальных животных, в частности поясные накладки, украшенные фигурой дракона, пожирающего солнце, и бронзовая накладка с синкретическим животным, имеющим фигуру и морду лошади, но с кошачьими лапами (Новый Кумак, группа II, кург. 3) ²⁰.

Из предметов, не вошедших ни в одну из перечисленных выше категорий, известны бронзовые *щипчики для выщипывания волос*, в единственном экземпляре найденные в кургане 3 могильника Лебедевка VIII (рис. 11, б). Они изготовлены из согнутой вдвое пластины, концы которой дополнительно обработаны. В нужной позиции их удерживала обойма-зажим. Далее — *свинцовые грузики* конусовидной формы с гладкой или орнаментированной растительными узорами поверхностью (рис. 14, 40), найденные в двух курганах региона (см. Тамар-Уткуль, кург. 9).

Одним из важных компонентов материальной культуры и ярким образцом декоративно-прикладного искусства средневековых кочевников Южного Приуралья являются *каменные изваяния*. В настоящее время в

регионе известны 13 изваяний, из которых 3 интересующему нас периоду, вероятно, относятся 12 (рис. 5 и 6)²¹. По технологии изготовления все статуи однотипны — это низкий барельеф, в технике которого выполнены лицо, руки, грудь и предметы в руках. Спина без деталей, совершенно плоская. По половому признаку можно уверенно выделить две мужские статуи с усами (рис. 6, 1, 3) и пять женских с грудью в виде небольших выпуклостей или висящих полукружий (рис. 5, 1, 2, 3, 7; 6, 4). Почти на всех женских статуях изображены сосуды, зажатые в руках на уровне пояса.

Перечисленные статуи аналогичны половецким статуям I типа (по С. А. Плетневой)²², что вполне согласуется с выводом А. А. Чарикова, предложившего называть статуи с женскими признаками и сосудами в руках половецкими²³, а кроме того, позволяя в известной степени датировать приуральские статуи (вслед за половецкими статуями I типа) XI — началом XII в.²⁴

Два из рассмотренных выше изваяний (рис. 6, 6, 7) были установлены на каменной кладке (II Акимбетовский курган). Судя по опубликованному чертежу, кладка представляет собой кольцо диаметром 10 см, сооруженное на древней поверхности. В юго-западном секторе кладка частично разобрана или специально не была сомкнута (рис. 6, 8)²⁵. Внутри кладки были найдены зубы лошади (остатки ритуального захоронения?)²⁶, а в западной половине, среди камней, находились две «каменные бабы». Никаких следов погребения не найдено.

Н. А. Мажитов — исследователь названного памятника — считает его курганом и по разработанной им номенклатуре относит к V типу насыпей²⁷. Нам же представляется, что типологически и функционально II Акимбетовский «курган» может быть соотнесен с половецкими святилищами, известными в настоящее время в южнорусских степях²⁸. На это указывает сочетание признаков, характеризующих именно данный тип памятников: кольцевая кладка, ритуальные захоронения частей туш животных, каменные изваяния.

Картографирование и сравнение типов каменных изваяний, известных в различных частях Великого пояса евразийских степей, приводят нас к следующим выводам:

1) изваяния Приуралья заполняют территориальную лауну между группами изваяний с территории кимако-кыпчакского объединения²⁹ и половецкими статуями;

2) малочисленность половецких статуй в Приуралье в сочетании с малочисленностью погребальных памятников домонгольского периода (о чем пойдет речь в следующей главе) подтверждает выдвинутую исследователями идею о преобладании западного акцента в политических устремлениях половцев-кыпчаков в период их наибольшего возвышения³⁰;

3) отсутствие в регионе статуй развитых половецких типов (по С. А. Плетневой, типы III—IV), помимо своего чисто этнографического значения, вероятно, отражает активную роль политического фактора в формировании этнической карты степного Приуралья в золотоордынское время.

Впервые в Южном Приуралье выделяется такой элемент кочевнической культуры, как *знаки на сырцовых кирпичях*.

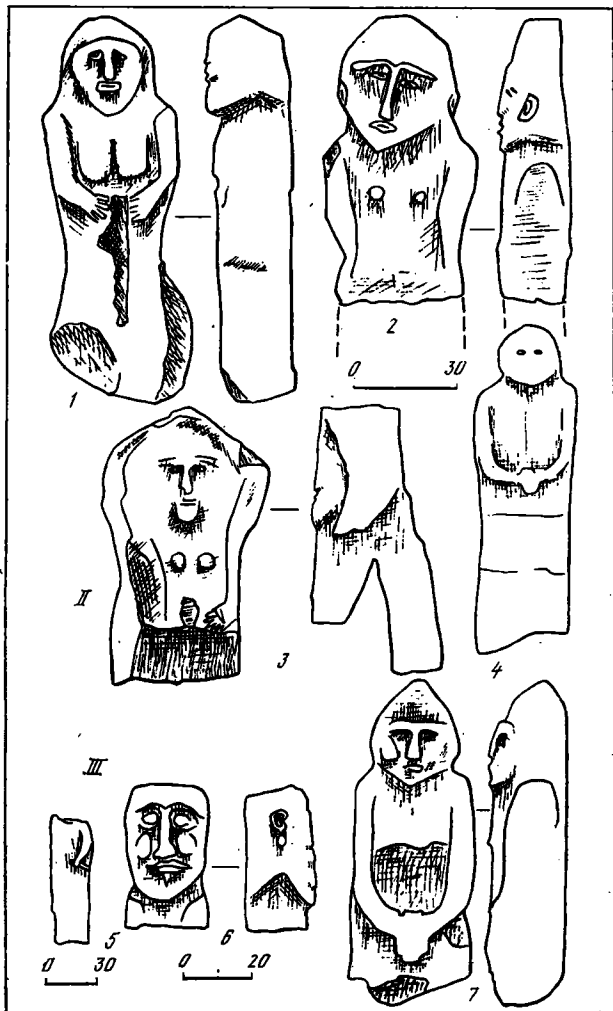

Рис. 5. Каменные изваяния кыпчакского времени с территории Южного Приуралья (1—7)

1 — Актюбинская обл., Байганинский район; 2 — Оренбургская обл. или Западный Казахстан, хранится в Оренбургском краеведческом музее; 3 — Оренбургская обл. пос. Петропавловка; 4 — у г. Орска; 5 — могильник Ульке II, Новороссийский район Актюбинской обл. 6 — Оренбургская обл., хранится в Оренбургском краеведческом музее; 7 — Оренбургская обл., там же

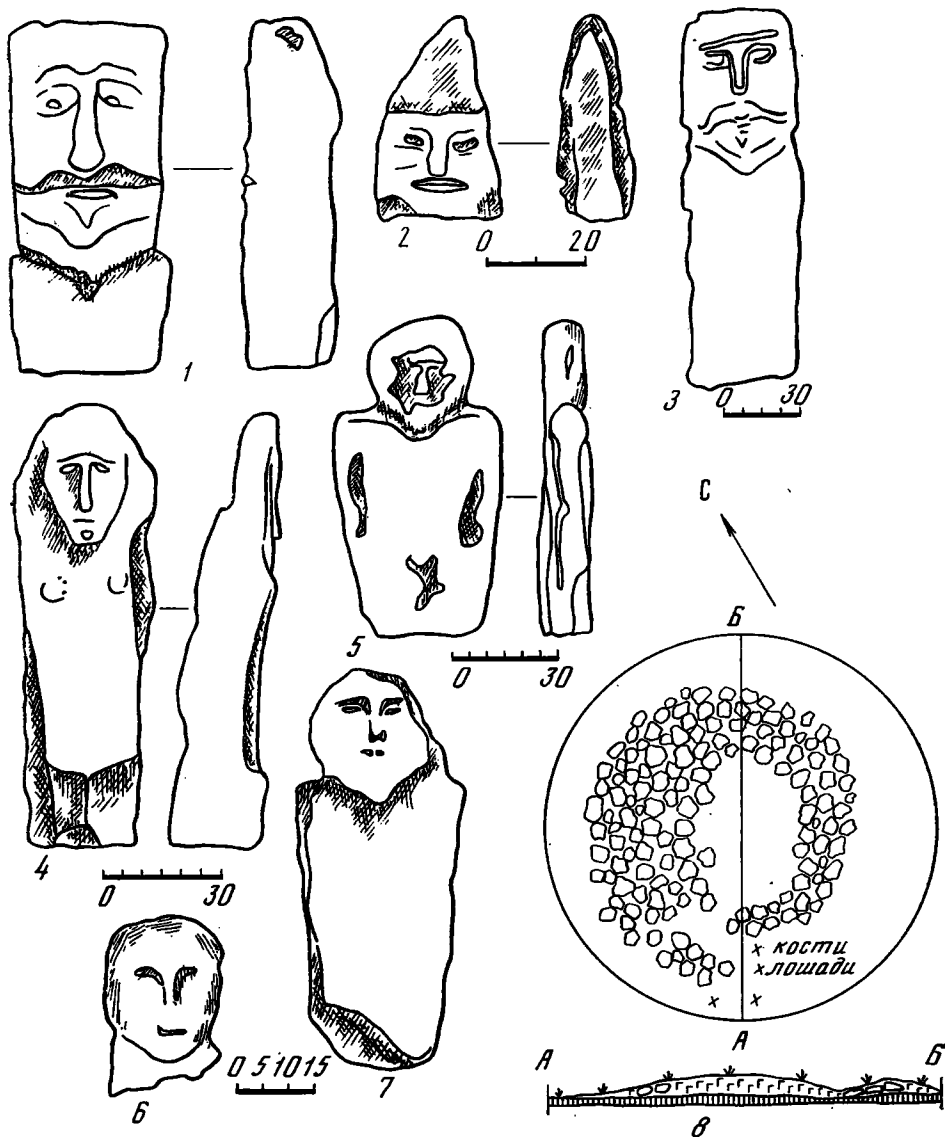

Рис. 6. Изваяния кыпчакского времени с территории Южного Приуралья

1 — Актюбинская обл.; 2 — Оренбургская обл. Переволочкий р-н; 3 — мог. Ульке II; 4 — пос. Илек; 5 — пос. Дарьинск; 6, 7 — Акимбетовский кург.; 8 — план Акимбетовского курга.

В безынвентарных погребениях могильника Караул-Тобе I (что естественно, крайне затрудняет датировку этой категории находок) вход в могилу закрывали сырцовые кирпичи прямоугольной формы, на оборотной стороне которых были прочерчены тамгообразные знаки: «щипцы», «елочка», Т-образный, спирали с различным количеством оборотов, «вилка», Д-образный, Ф-образный, «нож» с круглым навершием (рис. 15, 18—26).

- 1 Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях//МИА. 1958. № 62; Она же. Древности черных клобуков//САИ. 1973. Вып. Е1-19. С. 15—19; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. Гл. 2; Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977. С. 35—38.
- 2 Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы... С. 251.
- 3 Мажитов Н. А. Южный Урал... Табл. Ж, 3.
- 4 Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала в VIII—XII вв. М., 1981. Рис. 73, 17.
- 5 Там же. Рис. 74, 7.
- 6 Амброс А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.)//СА. 1973. № 4.
- 7 Мажитов Н. А. Южный Урал... Табл. I, 381; Кригер В. А. Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника//СА. 1983. № 3. Рис. 7, 16.
- 8 Кригер В. А. Средневековые захоронения... Рис. 6, 12.
- 9 Кригер В. А. Погребения кыпчакского времени могильников у пос. Лебедевка//Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984. С. 110. Рис. 5, 2.
- 10 Даркевич В. П. Художественный металл Востока VII—XIII вв. М., 1976.
- 11 Кригер В. А. Погребения кыпчакского времени... Рис. 5, 9.
- 12 Швецов М. Л. Котлы из погребений средневековых кочевников//СА. 1980. № 2. С. 200.
- 13 Булгаков Р. М. Персидская надпись на серебряной пластинке из кыпчакского кургана на р. Урал//Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984.
- 14 Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. Рис. 72, 71.
- 15 Там же. Рис. 87, 6, 10, 11, 17, 20.
- 16 Кригер В. А. Средневековые захоронения... Рис. 6, 31.
- 17 Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала... Рис. 73, 7.
- 18 Там же. Рис. 73, 3.
- 19 Степи Евразии... Рис. 98, 8.
- 20 Кригер В. А. Средневековые захоронения... Рис. 9, 1, 3, 4.
- 21 Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала... Рис. 76, 4, 5; Чариков А. А. Две одновременные группы каменных статуэток Приуралья//Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1985.
- 22 Плетнева С. А. Половецкие изваяния//САИ. 1974. Вып. Е4-2. С. 61, 65.
- 23 Чариков А. А. Две одновременные группы...
24 Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния... С. 70; Степи Евразии... Рис. 87, 1—7.
- 25 Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала... Рис. 76, 6.
- 26 Там же. С. 158.
- 27 Мажитов Н. А. Южный Урал... С. 82.
- 28 Швецов М. Л. Половецкие святилища//СА. 1979. № 1.
- 29 Шер Я. А. Каменные изваяния Семи-речья. М., 1966; Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья//СА. 1974. № 3.
- 30 Кузев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 171.

Хронология вещевых комплексов

Итак, абсолютное большинство вещей, обнаруженных в рассматриваемых погребениях Южного Приуралья, отвечает разработанной типологии. Вместе с тем мы также знаем, что хронология этих типов определена и убедительна¹. Это дает нам основание полагать, что датировка рассматриваемых в настоящей работе погребений не будет представлять особой сложности. Единственное, что следует иметь в виду, это тот факт, что в хронологию средневековых кочевнических древностей Восточной Европы, разработанную Г. А. Федоровым-Давыдовым, рассматриваемые нами погребения за редким исключением не вошли. Они еще не были известны, не вошли они и в выделенную Н. А. Мажитовым группу памятников «башкир-беркутовского» типа, датированную по отдельным аналогиям XIII—XIV вв. (хронологическая группа З)². Впрочем, и сам метод датировки целых комплексов вещей и памятников по отдельно взятым аналогиям, разбросанным по различным памятникам, не представляется нам безупречным и надежным.

В настоящее время известна и успешно применяется разработанная Г. А. Федоровым-Давыдовым система датировки погребальных комплексов вещей, в основе которой лежит принцип взаимовстречаемости в одном погребении (закрытом комплексе) типов вещей, бытовавших в одно и то же время³. Для кочевнических памятников Восточной Европы исследователь выделил четыре хронологически определенных комплекса вещей, охватывающих период с X по XIV в. н. э.⁴ Нам остается проследить, как данные комплексы проявляются в рассматриваемых погребениях.

Однако, прежде чем приступить к выяснению закономерности взаимовстречаемости типов вещей, мы считаем необходимым обратить внимание на два существенных момента: 1) рассмотренные выше комплексы вещей из погребений Южного Приуралья практически идентичны вещевым комплексам погребений Заволжья, что в плане хронологизации позволяет рассматривать их как одно целое. В свою очередь, это значительно увеличивает общую статистическую выборку рассматриваемых погребений (закрытых вещевых комплексов) и снижает вероятность случайностей и ошибок в расчетах; 2) именно в Заволжье выявлено большинство известных в настоящее время в урало-волжских степях погребений с монетами (22 из 25), являющихся основным хронологическим репером для устойчиво встречающихся типов вещей.

Все эти факты делают возможным и целесообразным объединение приуральских и заволжских вещевых комплексов на предмет их хронологизации.

Для статистического анализа были отобраны 74 погребения, содержащие не менее двух вещей, в Южном Приуралье и 128 погребений — в Заволжье. По признаку пола инвентарь рассматриваемых погребений делится на две большие группы: принадлежности мужских погребений — вооружение, доспехи, конская сбруя; женских — предметы быта, украшения. «Объединяющими» выступают некоторые типы стремян, удила, наконечников стрел и кресала, встречающиеся в женских захоронениях, и серьги, гребни и свинцовые грузики — в мужских. Некоторые предметы распределяются по мужским и женским погребениям примерно поровну (табл. 1).

Анализ взаимовстречаемости отдельных предметов проводился методом, предложенным Г. А. Федоровым-Давыдовым; с тремя уровнями вероятности: максимальный (99%) достигается при значении коэффициента взаимовстречаемости вещей (k), равном или большем 3 ($k \geq 3$); вероятность в 95% достигается при $k \geq 2$; и уровень вероятности в 91% (также, на наш взгляд, достаточно высокий) достигается при $1 \geq k \leq 2$.

Впервые в таблицу исчислений нами включен нумизматический материал, представленный золотоордынскими монетами, начиная с 90-х годов XIII в. до первого десятилетия XV в. (Суслы, кург. 40; Харьковка, гр. Б, кург. 2; Бережновка I, кург. 43; Тлявгулово, кург. I; Андреевка; дюна Лапас; Царев, кург. 15; Барбастау I, кург. 12; Калиновка, кург. 21 и др.). В культурном и социально-политическом аспектах этот период характеризуется сложными и противоречивыми явлениями, связанными с утверждением ислама в мировоззрении кочевников урало-волжских степей.

Анализ взаимовстречаемости предметов в погребениях рассматриваемого периода Урало-Волжского региона выявил устойчивые связи этих предметов, образующих три хронологические группы (табл. 2).

В результате вычислений и расстановки пар сравниваемых типов по коэффициенту их взаимовстречаемости образуются отдельные цепочки вещей с устойчивыми связями. Датировка с помощью аналогий и монет хотя бы отдельных звеньев позволяет датировать и всю цепочку взаимосвязанных предметов. Причем монеты, включенные в систему взаимовстречаемости, усиливают надежность датировки и приближают нас к возможности определения для некоторых типов вещей абсолютных дат (табл. 3).

Хронология большинства вошедших в корреляцию типов вещей, установленная с помощью монет, вполне согласуется с хронологией, предложенной Г. А. Федоровым-Давыдовым⁶, который считает стремяна типа ДII, стрелы типов VIX, VXI, VXIII⁷, костяные обкладки колчанов, кресала типа BII, серьги отдела VI, зеркала типа ЖI и берестяную трубочку-«бокка» хронологическими показателями IV периода в истории кочевнических древностей Восточной Европы (вторая половина XIII—XIV в.)⁸. Цельность схемы нарушают стремяна типа VI, аналогии которым исследователь находит в памятниках XII—начала XIII в.⁹ В Приуралье стремяна этого типа, кроме как с вещами и монетами конца XIII — первой половины XIV в., не встречены. В Заволжье и южнорусских степях стремяна типа VI известны как в домонгольское, так

Таблица 1. Распределение категорий вещей в погребениях Урало-Волжского региона по признаку пола и возрасту (в абсолютных цифрах)

Категория и тип вещей	Муж.	Жен.	Дет.	Взр.	?	Всего
Стремена	102	24	1	34	3	164
Удила	65	7	—	22	5	99
Наконечники стрел	55	3	1	24	6	89
Лук	13	—	—	6	2	21
Костяные обкладки колчана	9	—	—	6	2	17
Сабли	13	—	—	—	3	16
Точило	6	1	—	—	—	7
Кресало	41	2	1	22	—	66
Металлическая посуда	12	7	—	9	2	30
Кожаные сумки	9	—	—	3	—	12
Бронзовые зеркала	—	50	—	7	13	70
Фигуры человечков (онгоны)	—	1	—	1	—	2
Свинцовые грузики	2	5	—	—	—	7
Гребни	1	5	—	3	1	10
Берестяные трубочки-бокка	—	30	—	1	—	31
Керамика	2	9	4	10	4	29
Серьги	10	46	2	14	1	71
Монеты	7	8	—	10	—	25

и в золотоордынское время. Важно выяснить частоту их встречаемости в то и другое время.

Это обстоятельство позволяет нам пересмотреть (во всяком случае, применительно к Урало-Волжскому региону) датировку стремян типа VI и также считать их хронологическим признаком конца XIII—XIV в.

Сказанное, вероятно, относится и к стременам типа DIII (по Г. А. Федорову-Давыдову — конец XII — начало XIII вв.)¹⁰, имеющим, как было сказано выше, устойчивую связь со стременами типа DII, стрелами VXI, а главное — с монетами конца XIII — первой половины XIV в.

Что касается вещей, имеющих широкий или непосредственный хронологический диапазон (удила GI, GII, стремена ZI, стрелы BV, BIV, BV, зеркала AI, DIII, III, MI, OII, XI), то в рассматриваемых случаях они почти все обнаруживают устойчивые связи с вещами второй половины XIII—XIV в. (табл. 3).

Исключение составляют стрелы BV, BIV, BV, образующие устойчивую связь между собой, удилами GI и стременами GII. Из перечисленных типов вещей стремена GII являются хронологическим признаком XII в.¹¹, да и стрелы типов BV, BIV, BV достаточно широко представлены в погребениях XII — начала XIII в. Волжской Булгарии, южно-русских степей, Северного Кавказа и Прииртышья¹².

Перечисленные факты позволяют нам выделить в домонгольскую группу памятников погребения, содержащие указанные типы вещей, и датировать их XII — началом XIII в.

Таблица 2. Взаимовстречаемость типов вещей из погребений кыпчакского времени Южного Приуралья и Заволжья

Событие АВ		a	n _a	b	n _b	n _{ab}	m _{ab}	k
тип А	тип В							
99%								
Стремя ДIII	Стремя ДII	48	115	4	115	3	1	4,76
Стремя ДIII	Удила ГIII	48	115	54	98	70	31	4,26
Стремя ДIII	Стрелы ВХI	48	115	45	88	53	21	3,26
Зеркало АIII	Монеты 90-х годов XIII — 30-х годов XIV в.	6	68	11	25	1	1	4,98
Стремя ВI	Удила ГI	6	115	9	98	70	3	4,71
Стремя ВII	Удила ГI	1	115	9	98	70	1	4,33
Стремя ВII	Монеты 90-х годов XIII — 30-х годов XIV в.	6	115	14	25	6	2	4,47
Стрелы ВIII	Стрелы ВIV	6	88	12	88	32	3	5,25
Стрелы ВV	Стрелы ВIV	5	88	12	88	32	2	3,92
Серьги ВI	Зеркало ДII	39	60	3	68	24	3	2,93
95%								
Стрелы ВIX	Стрелы ВХI	28	88	45	88	32	11	2,78
Стремя ВII	Удила ГII	6	115	3	98	70	1	2,19
Бокка	Зеркало ВII	30	30	2	68	18	2	2,66
Стремя ДIII	Монеты 90-х годов XIII — 30-х годов XIV в.	48	115	11	25	5	3	2,41
Стремя ДIII	Стрелы ВIX	48	115	28	88	53	12	2,23
Стрелы ВХI	Кресало БI	45	88	15	65	39	9	2,19
Серьги ВI	Стремя ДII	39	60	4	115	6	1	2,44
Стремя ВII	Стрелы БIII	6	115	6	88	53	1	1,92
Стрелы ВХI	Монеты 90-х годов XIII — 30-х годов XIV в.	45	88	11	25	5	3	2,01
Удила ГI	Стрелы ВIV	9	98	12	88	50	2	1,86
Удила ГI	Стремя ГI	9	98	4	115	70	1	1,83
91%								
Удила ГII	Монеты 90-х годов XIII — 30-х годов XIV в.	54	98	11	25	5	3	1,62
Стрелы ВХI	Кресало БII	45	88	11	65	39	6	1,52
Серьги ВI	Монеты 90-х годов XIII — 30-х годов XIV в.	39	60	11	24	1	1	1,54
Серьги ВI	Бокка	39	60	30	30	15	13	1,70
Серьги ВI	Зеркало ОII	39	60	1	68	24	1	1,68
«Бокка»	Зеркало ИII	30	30	1	68	18	1	1,52
«Бокка»	Зеркало МI	30	30	1	68	18	1	1,52
«Бокка»	Зеркало ХI	30	30	1	68	18	1	1,52
Серьги ВI	Зеркало ДIII	39	60	1	68	24	1	1,68

Таблица 2 (окончание)

Событие АВ		a	n _a	b	n _b	n _{ab}	m _{ab}	k
тип А	тип В							
Серьги VI	Зеркало ЖI	39	69	5	68	24	3	1,81
Стрелы БХIII	Кост. обкладки колчанов	6	88	17	17	13	2	1,23
Стремя ДII	Кост. обкладки колчанов	4	115	17	17	10	1	1,50
Стрелы ВIX	Кресало БI	28	88	15	65	39	5	1,34
Стрелы ВXI	«Бокка»	45	88	30	30	1	1	1,00
Серьги VI	Монеты середины XIV—начала XV в.	39	60	14	24	5	3	1,19
«Бокка»	То же	30	30	14	24	3	3	1,64
Подвески-цилиндрики	То же	7	7	14	24	2	2	1,31
Подвески-цилиндрики	Серьги VI	7	7	39	60	3	3	1,27
Зеркало AI	Серьги VI	9	68	39	60	24	4	1,40

Погребений этого периода в Приуральских и Заволжских степях известно пока немного, около 30, из них на территории Южного Приуралья — 12 погребений (Сынташтамак, кург. 6, 12; Новый Кумак, кург. 2 — раскопки 1972 г.; у пос. Комсомол, кург. 1, 2, 3; Лебедевка VI, кург. 10, 11; Лебедевка VIII, кург. 6; три погребения на Охлебининском городище; Красный Яр, кург. 17, погр. 1) (рис. 7; 16).

Кроме отмеченных выше типов вещей, дата этих погребений подтверждается костяной петлей от колчана, типа БI (Сынташтамак, кург. 12), саблями (Охлебининское городище) и надписью на медном кувшине (у пос. Комсомол, кург. 1).

Захоронения кочевников второй половины XIII — первой половины XIV в. (золотоордынского языческого периода) в Урало-Волжском регионе довольно многочисленны. В частности, в степях Приуралья известны 74 погребения этого времени, что составляет 37% всех исследованных в регионе средневековых кочевнических погребений XII—XIV вв. Наиболее показательны среди них могильники: Тлягуловский, VII Новочеркасский, Уральский, Новый Кумак, Андреевка, Алебастрово II, Алабайтал, Россыпинский, Ишкулово II, Хабарный I, Лебедевка IV, VII, VIII, Башкир-Беркутово и др.

В это время среди кочевников широко распространяются джучидские монеты, чеканенные между 90-ми годами XIII в. и 30-ми годами XIV в., которые через коэффициенты устойчивых связей определяют и круг предметов, характеризующих материальную культуру этого периода (рис. 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14). Причем аналогии всем этим предметам широко встречаются в памятниках Евразии XIII—XIV вв., в том числе и в погребениях с монетами (Белый Мар, Тасмола IV, Жартасс, Пскент, Халчаян).

Таблица 3. Взаимовстречаемость типов вещей на разных уровнях точности

99%	а) Зеркало АIII — Монеты 90-х годов XIII—30-х годов XIV в.	Стремя VII — Удила ГI	Стремя VI *
	б) Стремя ЗI — Стремя ДIII * — Стремя ДII *		
	Удила ГII	Стрелы ВХI *	
	в) Стрелы БIII — Стрелы ВIV — Стрелы ВV		
95%	а) Стрелы ДIII * — Монеты 90-х годов XIII—30-х годов XIV в.	Стрелы ВIX * — Стрелы ВХI *	Кресало БI
	б) Стремя ВI — Удила ГII		
	в) «Бокка» * — Зеркало ВII		
	г) Серьги VI * — Стремя ДП *		
	д) Стремя ВП * — Стрелы ВV		
	е) Стремя ГI * — Удила ГI — Стрелы ВIV		
91%	а) Стрелы ВIX * — Кресало БI		
	б) Стрелы ВХIII * — Костяные обкладки колчана * — Стремя ДП *		
	в) Удила ГII — Монеты 90-х годов XIII—30-х годов XIV в.		
	Зеркала АI, ОII, ДIII, ЖI * — Серьги VI * — «Бокка» * — Зеркала ИII, МI, ХI		
	Подвески-цилиндрики	Монеты середины XIV—начала XV в.	Стрелы ВХI * Кресало БII *

* Типы вещей, являющиеся, по Г. А. Федорову-Давыдову, хронологическими показателями.

В середине XIV в. в погребальном обряде кочевников происходят существенные изменения: из могил исчезают предметы конской сбруи, вооружения, большинство бытовых предметов. Однако сохраняются монеты и большинство украшений (серьги отдела VI, бронзовые и стеклянные подвески-цилиндрики, «бокка», зеркала типов АI, АIII, перстни с расплюснутым щитком), что отразилось и в наличии между ними устойчивых связей (табл. 3). Эти же вещи характеризуют и предшествующий хронологический период, но в комплексе с предметами конской сбруи и вооружения. Сокращение ассортимента погребального инвентаря в корреляции с соответствующими монетами (середина XIV — начало XV в.) и некоторыми изменениями в погребальном обряде достоверно свидетельствует о наступлении нового хронологического периода, основным содержанием которого явилось принятие ислама большинством рядового населения урало-волжской степи и, как следствие того — постепенное отмирание языческих погребальных традиций.

Таким образом, статистический анализ погребального инвентаря памятников кыпчакского времени в Южном Приуралье на предмет его хронологизации позволяет сделать ряд существенных выводов не только хронологического, но и социально-исторического порядка. Прежде всего, известные в настоящее время в регионе погребения XII—XIV вв. мы со всей определенностью можем разделить на три хронологические группы, достаточно надежно датированные соответствующими типами

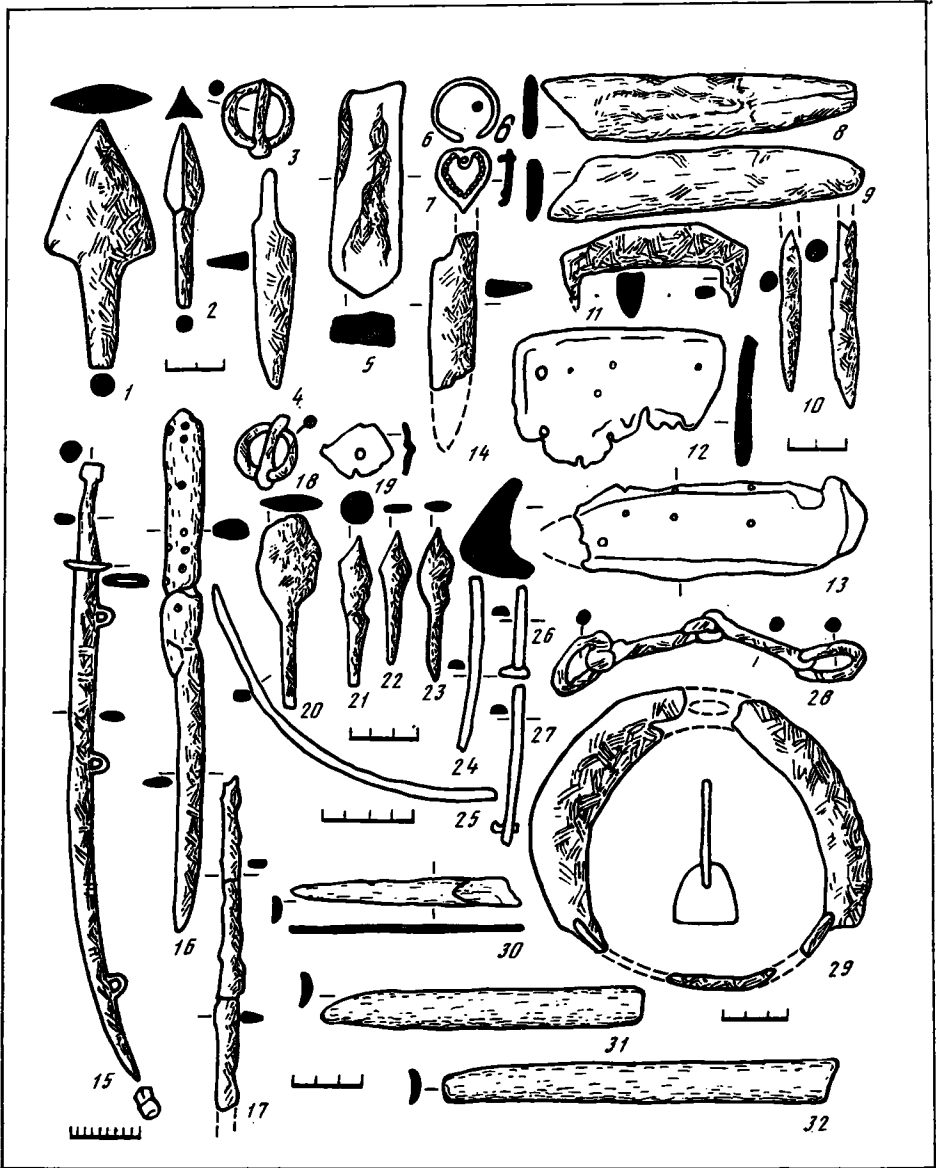

Рис. 7. Комплексы XII — начала XIII в.

1—4 — Базар-гобе 1, кург. 8, погр. 1; 5 — Лебедька VI, кург. 10; 6—14 — Лебедька VI, кург. 11 (погребение женское); 15—32 — Лебедька VIII, кург. 6. (погребение мужское);
 1—4, 10, 11, 14—18, 20—23, 28, 29 — железо; 7, 19 — бронза; 8, 9, 15 (рукоятка), 24—27, 30—32 — кость; 12, 13 — дерево; 5 — камень; 6 — золото

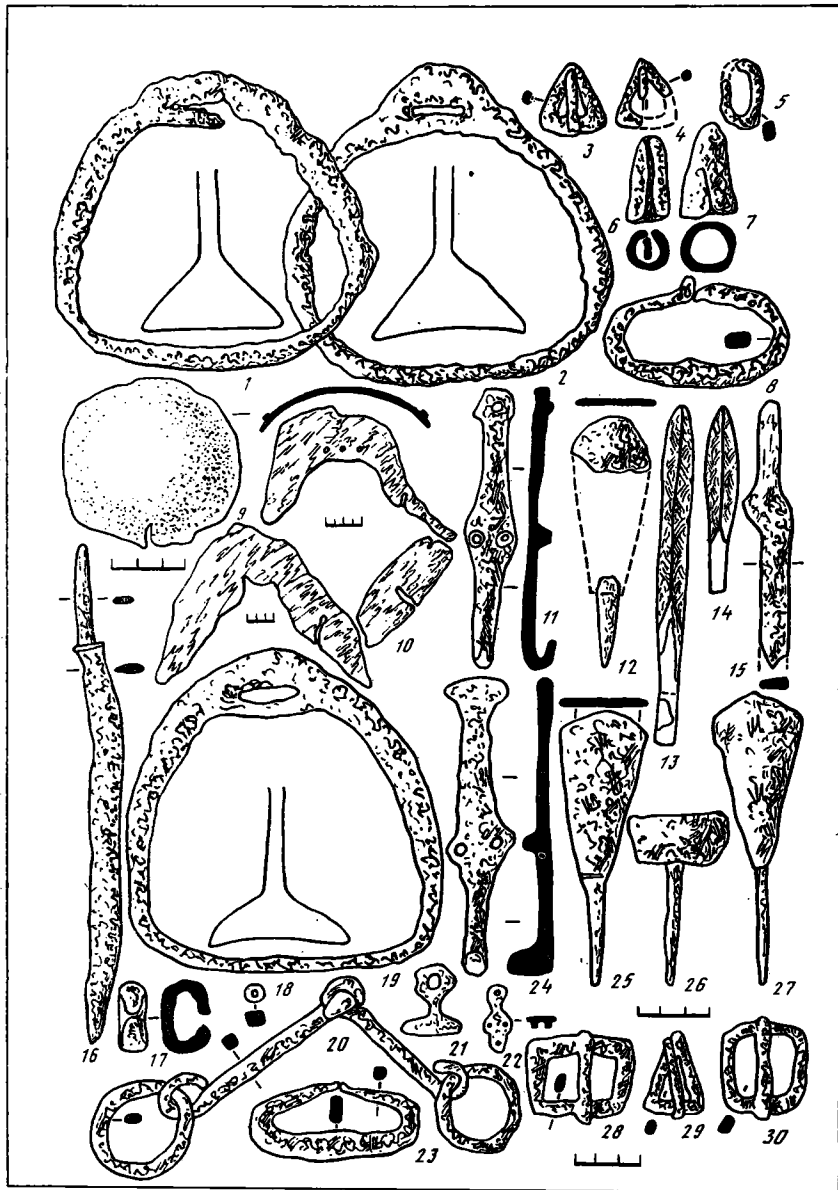

Рис. 8. Комплексы XIII—XIV вв.

1—15 — Новый Кумак, группа II, кург. 16—30 — Новый Кумак, отдельный курган у Обелиска
 11—9, 11, 12, 15—20, 23—30 — железо; 13, 14 — кость; 10 — дерево, береста; 21, 22 — бронза

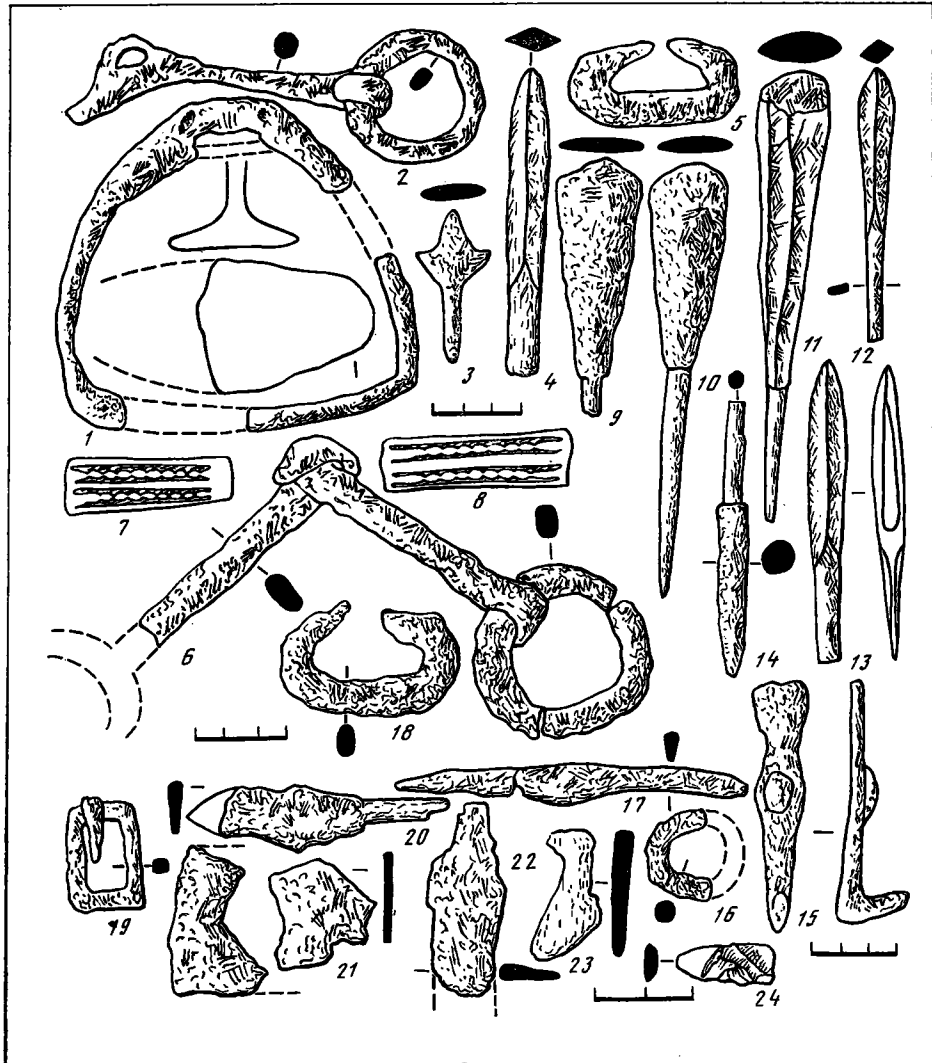

Рис. 9. Комплексы из мужских погребений XIII—XIV вв.

1—5 — Новый Кумак, кург. 15; 6—18 — Новый Кумак, группа II, кург. 2; 19—21 — Мамбеталы I, кург. 6; 22—24 — Мамбеталы I, кург. 12; 1—3, 5, 6, 9—11, 14—22 — железо; 4, 7, 8, 12, 13 — кость; 23 — бронза; 24 — кремнь

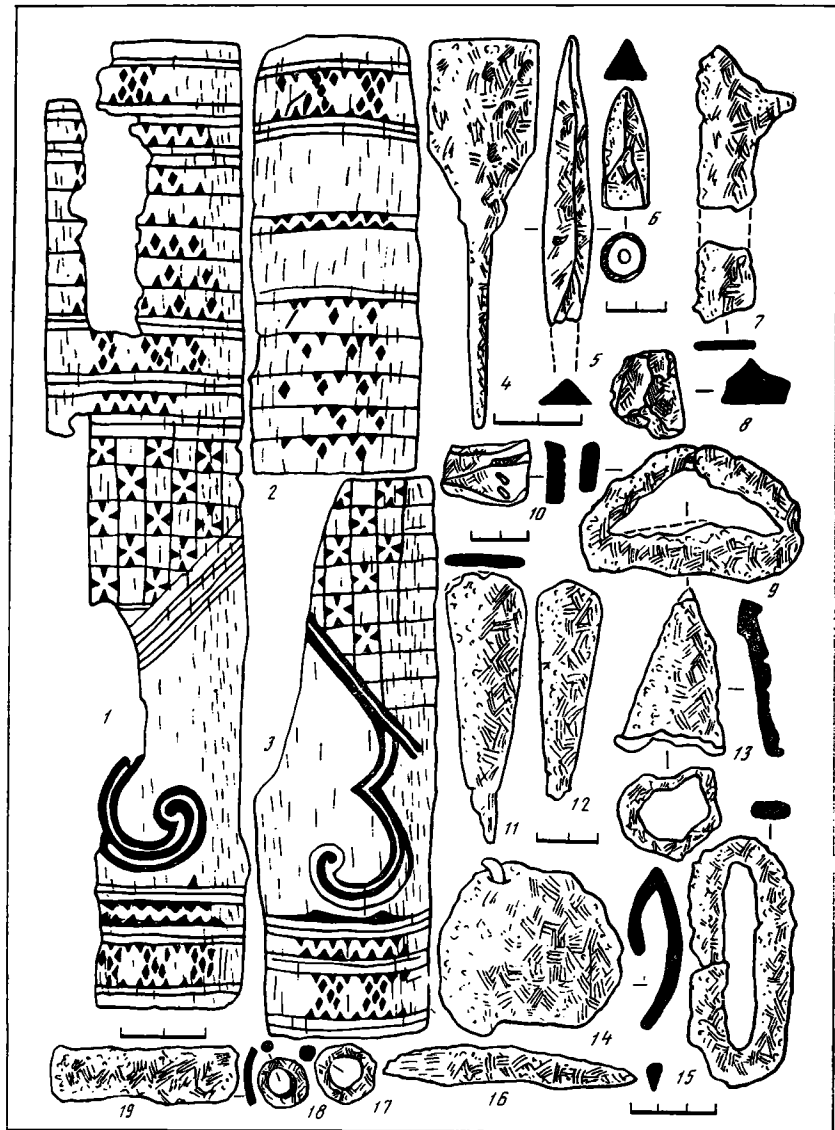

Рис. 10. Комплексы из мужских погребений XIII—XIV вв.

1—5 — Лиман, кург. 2, погр. 2; 6—10 — Жарсуат 1, кург. 1; 11—19 — Мамбетбай, кург. 3; 4, 7, 9, 11—19 — железо; 1—3, 5, 6 — кость; 8 — кремь; 10 — керамика

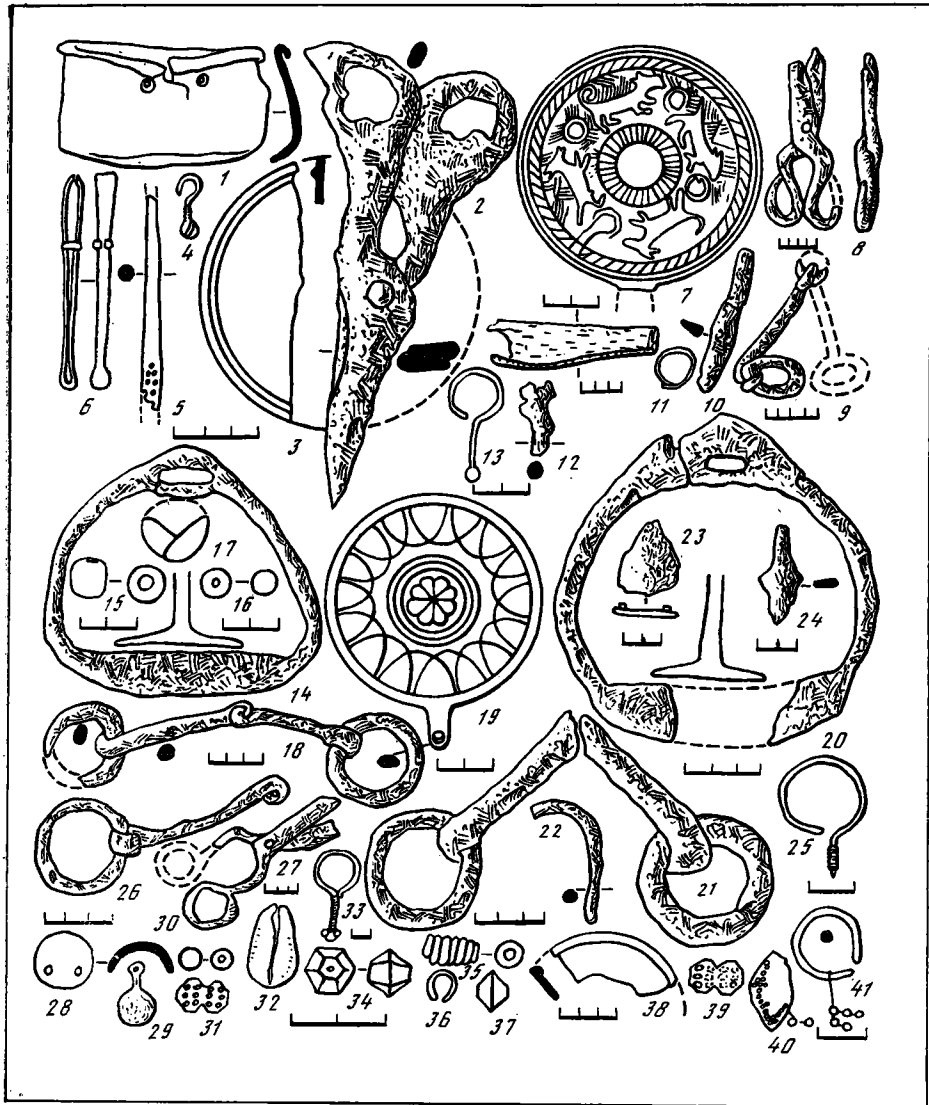

Рис. 11. Комплексы из женских погребений XIII—XIV вв.

1—6 — Лебедевка VIII, кург. 3; 7—13 — Алебастрово II, кург. 5; 14—18 — Новый Кумак, кург. 29; 19—25 — Новый Кумак, кург. 14; 26—37 — Новый Кумак, кург. 16, погр. 1; 38—41 — Новый Кумак, кург. 16, погр. 2; 2, 8—10, 12, 14, 18, 20—24, 26, 27 — железо; 1, 3, 6, 7, 13, 17, 19, 25, 28, 29, 31, 33, 35, 38, 39, 41 — бронза; 15, 16, 30, 34, 35, 37, 40, 41 — стекло; 5 — кость; 4 — золото; 11 — береста; 4, 13, 33 — жемчуг; 32 — раковина

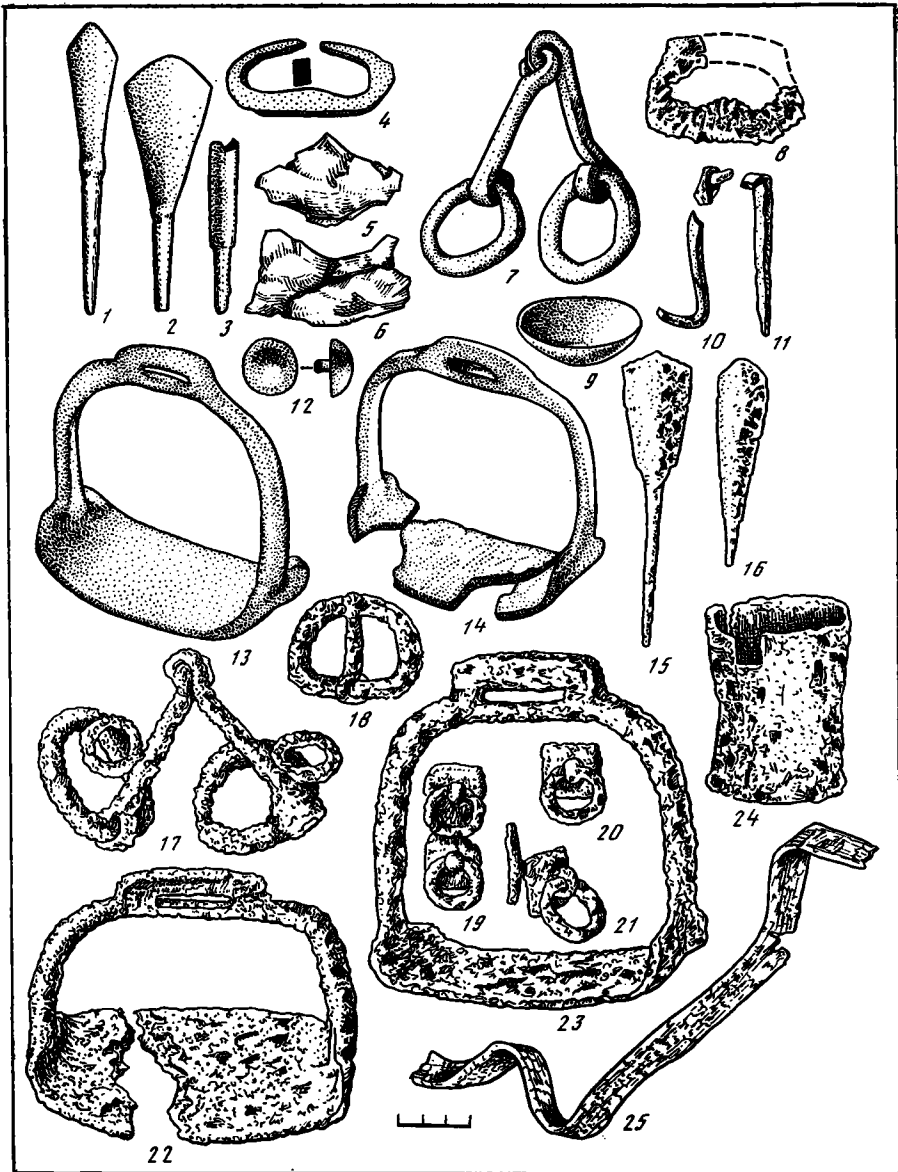

Рис. 12. Комплексы из погребений XIII—XIV вв.

1—7, 12—14 — VII Новочеркасский, кург. 1; 8—11, 15, 16 — VII Новочеркасский, кург. 2; 17—25 — Андреевский курган; 1—4, 7, 8, 10—24 — железо; 5, 6 — бронза; 9 — серебро; 25 — кожа.

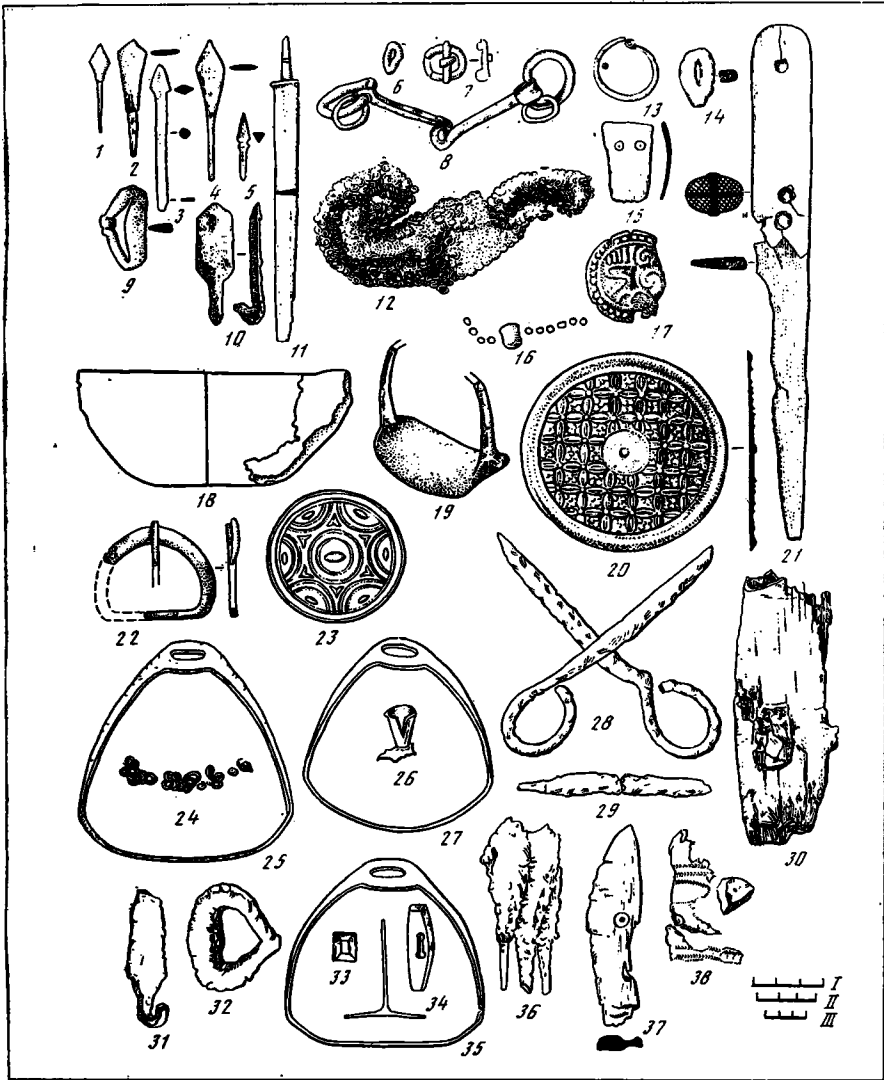

Рис. 13. Комплексы из погребений XIII—XIV вв.

1—12, 18, 19, 22 — Тлягуловский, кург. 1; 13—15, 21 — Тлягуловский, кург. 2; 16, 17, 20, 30 — Тлягуловский, кург. 4; 23—28 — у пос. Урал, кург. 5; 29, 31—38 — у пос. Урал, кург. 9
 1, 2, 4—11, 14, 19, 22, 25, 27—29, 31, 32, 35, 36 — железо; 3, 15, 33, 34 — кость; 21 — костяная рукоятка; 12 — железо и медь; 13, 16, 17 — серебро; 18, 20, 23, 24, 26 — бронза; 30 — береста и ткань; 37 — дерево; 38 — ткань

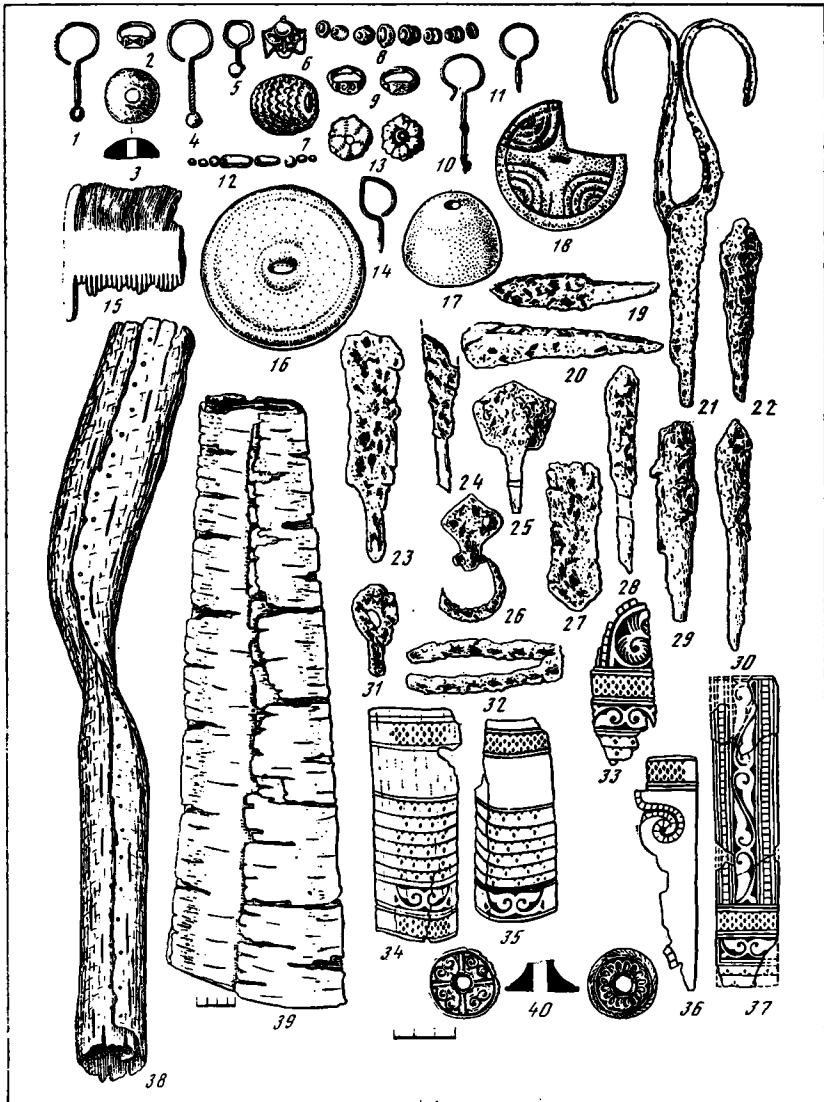

Рис. 14. Комплексы из погребений XIII—XIV вв.

1—3 — Ишкульово II, кург. 1; 4 — Ишкульово II, кург. 2; 5—7 — Ишкульово II, кург. 3; 8—10, 21 — Ишкульово II, кург. 4; 13, 14 — Ишкульово II, кург. 5; 12, 15—17, 38 — Хабарный 1, кург. 7; 11, 18, 19 — Хабарный 1, кург. 9; 20, 22—24, 26, 27, 31, 32, 39 — Хабарный 1, кург. 10; 25, 28—30, 33—37 — Тамар-Уткуль, кург. 10; 40 — Тамар-Уткуль, кург. 9; 1, 4, 11, 14, 16, 18 — бронза; 2, 9 — серебро; 5, 10 — золото; 6 — бронза, позолота; 7, 8, 12 — стекло, паста; 19—32 — железо; 3 — мел; 13, 15 — дерево; 38, 39 — береста; 17, 33—37 — кость; 40 — свинец

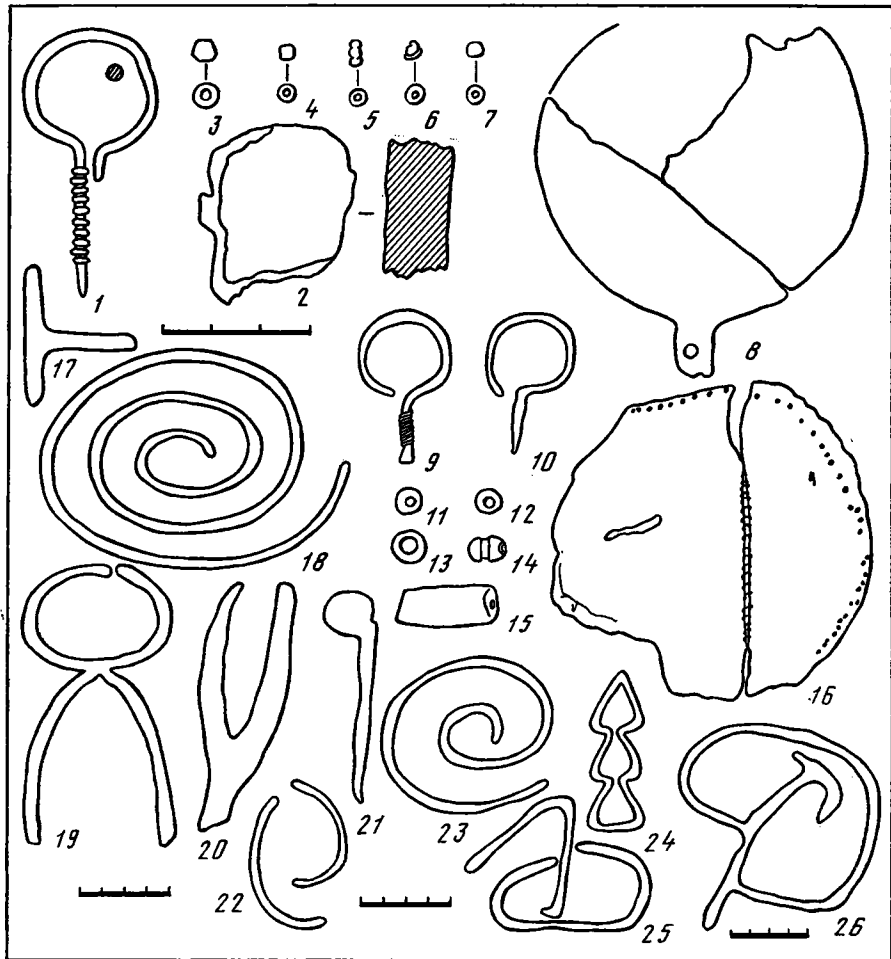

Рис. 15. Вещи из раннемусульманских погребений второй половины XIV — начала XV в.

1—7 — Новый Кумак, группа II, кург. 4; 8—16 — Каратугайская волость, кург. 3; 17—24 — Караул-тобе, кург. 3; 25, 26 — Караул-тобе, кург. 5; 1, 9, 10 — серебро; 8 — бронза; 3—7, 11—15 — стекло; 2 — керамика; 18—26 — тиггообразные знаки на сырцовых кирпичках

вещей и монетами: домонгольская (XII — начало XIII в.), представленная 12 погребениями, золотоордынская языческая (конец XIII — первая треть XIV в. или, по монетам, — 90-е годы XIII — 30-е годы XIV в.) — 74 погребения и золотоордынская мусульманская (середина XIV — начало XV в.) — 170 погребений. Каждая из выделенных групп характеризуется распространением и устойчивой взаимовстречаемостью определенных типов вещей и монет: домонгольская — стремена III, стрелы

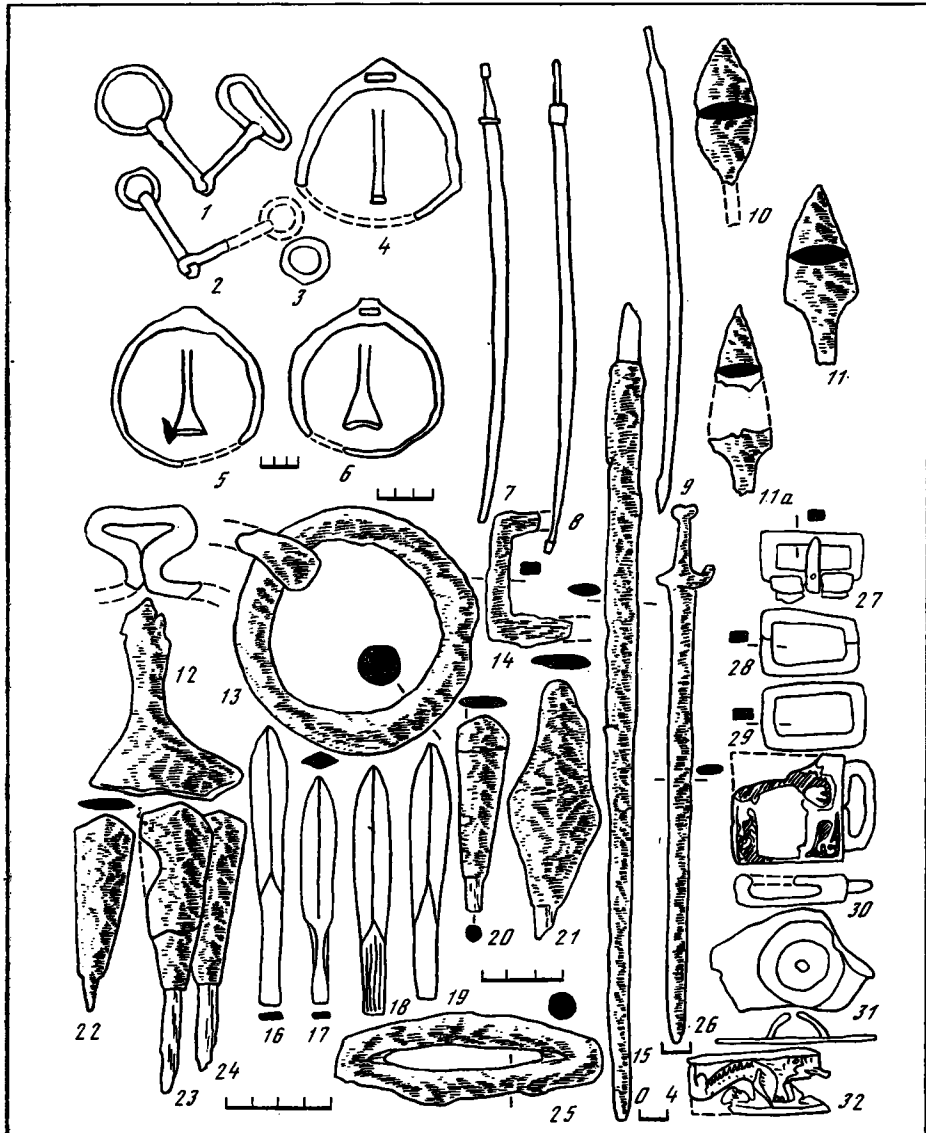

Рис. 16. Комплексы из погребений XII — первой половины XIII в.

1 — Охлебининское городище, погр. 3; 2, 4, 7, 9 — Охлебининское городище, погр. 2; 3, 5, 6, 8, 30 — Охлебининское городище, погр. 1; 10, 11, 11a — Красный Яр, кург. 17, погр. 1; 12—20, 27—29, 31 — Новый Кумак, кург. 2, погр. 1; 21—26 — Новый Кумак, кург. 2, погр. 2; 1—15, 20—26 — железо; 16—19, 27—29 — кость; 30—32 — бронза

ВУ, ВIV, ВV (рис. 1, 1, 5; 16); золотоордынская языческая — стремена ВI, ДII, ДIII, стрела ВIX, ВXI, ВXIII, костяные обкладки колчанов, кресала БII, «бокка», серьги отдела VI и монеты 90-х годов XIII — 30-х годов XIV в. (рис. 1, 1, 5; 3, 3; 4, 1); золотоордынская мусульманская — из погребений исчезают принадлежности конской сбруи, оружие и предметы быта, однако некоторое время еще сохраняются женские украшения (серьги отдела VI, «бокка», перстни, подвески-цилиндрики) и монеты середины XIV — начала XV в.

Количественное распределение погребений по периодам подтверждает, на наш взгляд, выводы исследователей об иных, не затрагивавших Приуралье политических и территориальных устремлениях кочевников в домонгольское время¹³.

И еще один немаловажный момент — утверждение ислама как господствующей религии среди кочевников Южного Урала и Приуралья, произошедшее, как свидетельствует материал погребений, не ранее XIV в. По времени этот процесс совпадает с «великой заматней», начавшейся в Орде после смерти хана Берджибека (в 1359 г.) и, видимо, отражает стремление сепаратистски настроенных «заяицких» правителей утвердить свою власть не только военной силой, но и при помощи соответствующей идеологии.

¹ Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях//МИА. 1958. № 62. С. 173; Она же. Древности черных клубуков//САИ. 1973. Вып. Е1—19. С. 15—19; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 93—116.

² Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977. С. 36.

³ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники... С. 93—116; Голдина Р. Д. Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме//ВАУ. 1969. Вып. 9. С. 95—101; Вихляев В. И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, 1977. С. 25—28; Крас-

нов Ю. А. Безводнинский могильник. М., 1980.

⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники... С. 115, 116.

⁵ Там же. С. 94, 95.

⁶ Там же. С. 116.

⁷ Там же. С. 96—102.

⁸ Там же. С. 116.

⁹ Там же. С. 105.

¹⁰ Там же. С. 115.

¹¹ Там же. С. 115.

¹² Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. Рис. 78, 2—6, 13; 82, 46—47, 50—52; 94, 150—154, 184, 185; 72, 31—38.

¹³ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 455—457.

Погребальный обряд кочевников кыпчакского времени на Южном Урале

Целенаправленные поиски и исследования средневековых памятников в степях Южного Приуралья позволили создать достаточно емкую источниковую базу для развернутого типологического анализа погребального обряда кочевников, населявших регион в XII—XIV вв. В настоящее время состояние и объем имеющихся в распоряжении исследователей источников таковы, что вопрос о выделении погребальных памятников Приуралья в отдельную группу среди кочевнических древностей евразийских степей перестал носить условный характер, а превратился в насущную необходимость, обусловленную самим характером и количеством имеющегося материала. Иное дело — удастся ли выделить какие-либо признаки, характерные только для рассматриваемого региона? Ответ на этот вопрос даст анализ материала в плане сравнения его с материалом соседних территорий.

Говорить о сплошном археологическом изучении южноуральской степи пока еще рано. В основном (и это, вероятно, объясняется не только маршрутами проведенных экспедиций) курганы средневековых кочевников выявлены в среднем течении р. Урал и по его притокам (раскопки К. Ф. Смирнова, М. Г. Мошковой, Н. А. Мажитова, А. Х. Пшеничнюка, Г. А. Кушаева, Б. Ф. Железчикова и авторов настоящей работы) (рис. 17). И тем не менее накопление материала именно в этой части степного Приуралья дает возможность поставить и в определенной степени решить следующие задачи:

1) выявление комплекса признаков погребального обряда, характерных для кочевников кыпчакского времени в целом по региону, что впоследствии позволит детально сравнить их с синхронными признаками памятников западной и восточной частей Великого пояса евразийских степей;

2) учитывая географическое своеобразие рассматриваемой территории, с севера на юг пересеченной южной оконечностью Уральского хребта (Мугоджары, Губерлинские горы), возникает потребность внутрирегионального сравнения погребальных памятников кыпчакского времени на предмет выявления черт (если таковые имеются), отличающих погребальные традиции кочевников, обитающих в предгорьях Южного Урала, от традиций их соседей, кочевавших в степной, равнинной части Приуралья.

Из приведенной таблицы следует, что абсолютное большинство известных на Южном Урале могильников кыпчакского времени (79%) — одиночные курганы или группы, состоящие из 2—3 курганов.

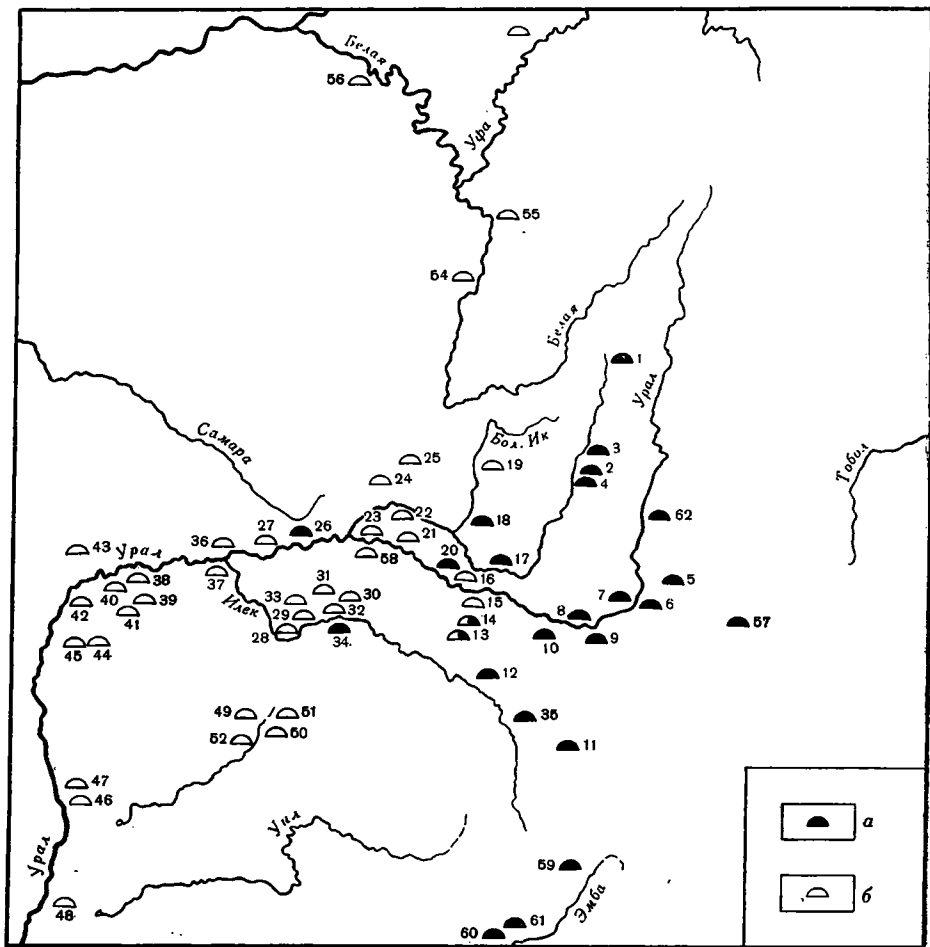

Рис. 17. Карта курганов кыпчакского времени (XII—XIV вв.) на Южном Урале и в Приуралье

a — курганы с каменными конструкциями; *б* — земляные курганы

По внешним признакам рассматриваемые курганы региона делятся на две группы: простые земляные насыпи (123 кургана, или 62,7%) и насыпи, сооруженные с применением камня в виде беспорядочной наброски попеременно с землей, каменной обкладки поверх земляной насыпи, каменного кольца или оградки на уровне древней поверхности, каменной выкладки над могилой (72 кургана, или 37,3%). Среди насыпей с каменными конструкциями, в свою очередь, преобладают (41,6%) каменные выкладки над могилами на уровне древнего горизонта (рис. 18, 7, 11). Все остальные типы насыпей, т. е. беспорядочные: каменные,

Таблица 4. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (номера памятников даны в соответствии с картой на рис. 17)

Памятник	Количество курганов	Количество погребений	Памятник	Количество курганов	Количество погребений
Ишкулово II	12	13	Лиман	2	2
Юлдыбаевский	2	2	Мертвецовский	2	2
IV Ивановский	1	1	Изобильный	2	2
У пос. Комсомол	3	3	Тамар-Уткуль	2	2
Новоорский	1	1	Каргалы	5	5
Орский одиночный	1	1	Красный Яр (у с. Студеное)	1	1
Новый Кумак	30	32	Жарсуат I	2	2
Хабарный I	7	6	Алебастрово I и II	1 и 2	1 и 2
Худай-Берген LIII, LIV	6 и 6	6 и 6	Федоровка	1	1
У пос. Урал	5	5	Барбастау	1	4
Шапки II	1	2	Подстепный	2	2
Каратугайская волость	3	3	Мамбетбай	3	4
Қарагач	2	2	Зеленый	2	2
Урта-Буртя	9	9	Челкар III	1	1
Жанаталап, I, II	2 и 2	2 и 2	Челкар IV, V	2 и 2	2 и 2
Алабайтал	1	1	Қараултобе	5	7
Тлявгуловский	4	3	Базартобе I	2	2
Андреевский	1	1	Мамбеталы	4	4
Башкир-Беркутово	3	3	Лебедевка II	1	1
VII Новочеркасский	2	2	Лебедевка VIII	4	4
Каменноозерный	1	2	Лебедевка IV	1	1
Башкирское стойло	2	3	Лебедевка VI	2	2
Нежинский	1	1	Липовка (шиханы)	1	1
Имангулово II	1	1	Шах-Тау	1	1
III Октябрьские	2	2	Охлебнинский	3(?)	3(?)
Рычковка I	1	1	Сынтыштамак	12	12
Россыпная	2	2	Қуағаш	1	1
Линовка	1	1	Благословенка	1	1
Пчельник	7	7	Всего	196	207
Увак	3	3			

земляные попеременно с камнем, каменные кольца под земляными насыпями (рис. 18, 4, 5, 6) или просто каменные или кирпичные оградки на уровне древнего горизонта (рис. 18, 8, 12), наконец, выкладки над могилой, перекрытой земляной насыпью (рис. 18, 11), представлены практически поровну.

Наличие двух типов надмогильных сооружений в рассматриваемом регионе, на наш взгляд, обусловлено внутрорегиональной типологической дифференциацией памятников, что, однако, возможно установить только после проведения детального формально-типологического анализа признаков и комбинаций признаков погребального обряда.

Для этого нами была разработана программа, учитывающая 211 признаков погребального обряда, сгруппированных по фазам, отража-

ющим в обратном порядке последовательности совершения обряда, но соответствующим последовательности получения информации в процессе изучения памятника (Приложение 2). Фазы эти следующие:

А — характеристика надмогильных сооружений, куда входят данные о размерах курганных насыпей, их структуре и конструкциях, следах тризн или каких-то иных ритуальных акций;

Б — характеристика плана кургана, где учитывается количество погребений в насыпи и последовательность их совершения;

В — характеристика могильных ям: наличие и тип перекрытий, характер и содержание заполнений, форма в вертикальном сечении;

Г — характеризует конские захоронения, сопровождающие человека (состав и местоположение захоронений коня):

Д — обряд погребения человека: ориентировка, поза, пол;

Е — ритуал погребения: наличие и виды гробовища, подстилки, наличие и состав заупокойной пищи и каких-либо других ритуальных вещей;

Ж — наличие, состав и расположение относительно человека основного погребального инвентаря, к которому мы эмпирически относим принадлежности конской сбруи, вооружения, зеркала, посуду, пряжки, женские украшения.

Таблица, приведенная в Приложении 3, показывает, что частота распределения перечисленных признаков в погребальном обряде рассматриваемых памятников далеко не равнозначна: среди них выделяются общие, т. е. характерные для всего региона (№ 26, 31, 44, 48, 73, 80, 82, 93, 98, 107, 116, 134 и т. д. — Приложение 2 и 3), локальные, характерные для какой-либо одной группы памятников (о них подробно будет сказано ниже), и частные, т. е. в единичных случаях встречающиеся в отдельных погребениях (№ 5, 18, 23, 26, 27, 35, 38, 40, 49, 52, 55, 57, 58, 60, 88, 91, 118, 136, 137, 143, 154, 158, 188).

Естественно, что для характеристики погребального обряда курганов как по региону в целом, так и в плане обоснования намечающихся локально-типологических групп основную роль будут играть признаки общие и локальные.

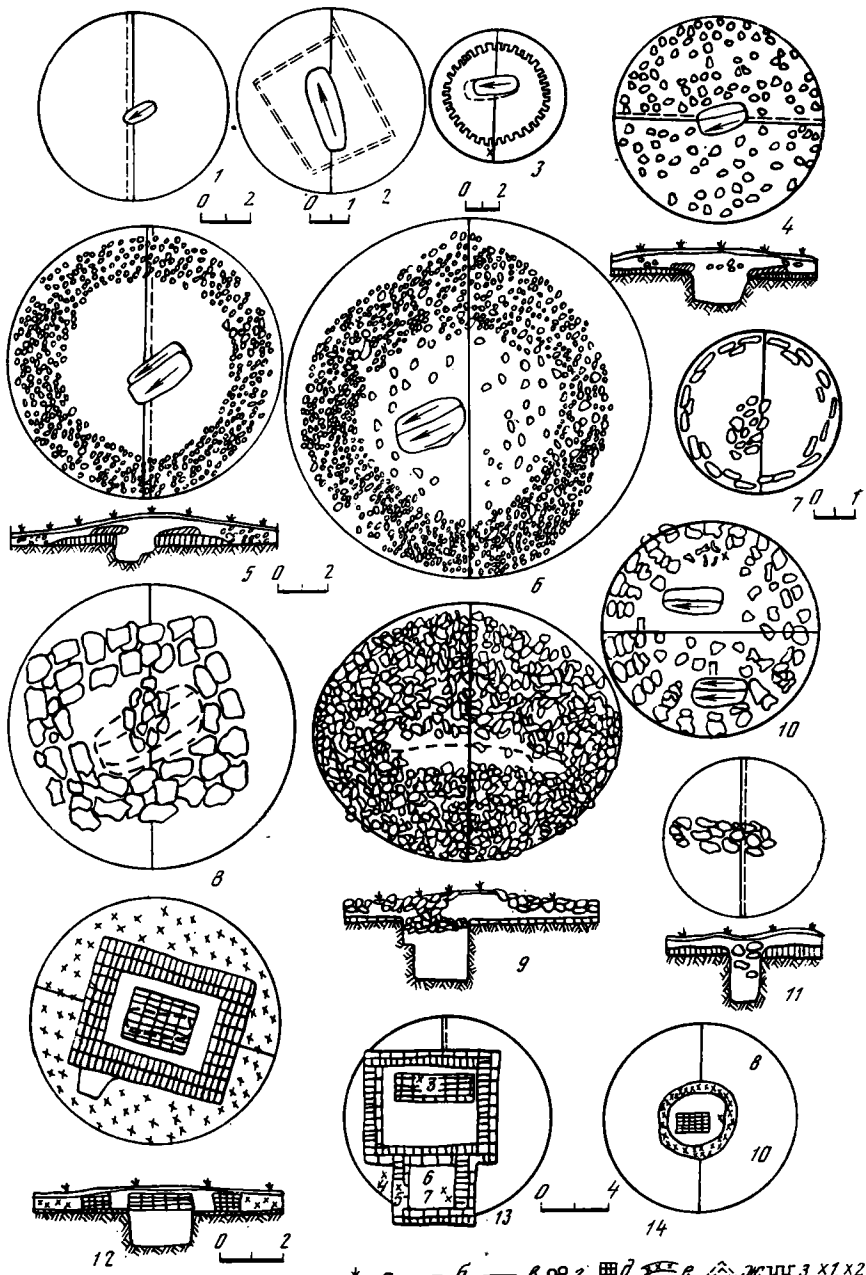
Основные признаки, характеризующие погребальный обряд курганов, сооруженных с применением камня, следующие:

1) абсолютно преобладают могильные ямы простой конструкции (72,2% от 72 погребений), затем ямы с широкой ступенькой вдоль одной из длинных стенок, чаще всего северной (15,3%), и ямы с подбоем (9,7%) (рис. 19);

2) более трети всех учитываемых погребений (31,9%) были перекрыты деревянными плахами или досками, лежащими на древнем горизонте, заплечиках, насыпи могилы или плахах, вертикально поставленных вдоль стенок могилы (рис. 19, 6);

3) ориентировка погребенных фиксируется по трем румбам: западная с незначительными отклонениями к северу или югу — 73,6%, северная — 22,2% и восточная — 2,7%;

4) захоронения коня сопровождаются 16,6% всех погребений, совершенных под рассматриваемыми курганами, это целые остовы, лежащие слева от погребенного на дне могилы или на ступеньке (рис. 19, 1, 2);

± a b c d e f g h i j k l m n o p q r s t u v w x y z 1, 2, 3

5) в тех случаях, когда поза погребенного устанавливается, они лежат вытянуто на спине, с руками, уложенными вдоль тела или согнутыми в локтях с кистями на тазе (рис. 19, 6). Остатки гробовищ зафиксированы в 16,5% погребений, из них 13,8% — дощатые гробы или ящики без дна (рис. 19, 1), остальные — колоды;

6) сопровождающий инвентарь найден в 57% погребений, большей частью он состоит из принадлежностей конской сбруи и вооружения, причем из них только в 4,1% погребений конская сбруя была найдена без коня.

Картографирование показывает, что курганы, сооруженные с применением камня и несущие в себе перечисленные выше признаки обряда, локализируются в восточной предгорной части региона, от восточной излучины р. Урал до района устья рек Сакмары и Илека (рис. 17).

Погребения, совершенные под земляными курганами, характеризуются следующими признаками:

1) преобладающая форма могил (64,4%) — прямоугольная, простая, затем — с уступами вдоль длинных стенок (15,5%), известны также могилы с суживающимися ко дну стенками, с уступами вдоль всех четырех стенок и с подбоями (рис. 20). Значительная часть погребений (11,6%) совершены в насыпях курганов или потревожены настолько, что формы могильных ям не восстанавливаются;

2) деревянными плахами или досками перекрыты 43,4% всех рассматриваемых могил, из них с перекрытием на заплечиках — 13,9%, на засыпи могил — 18,6%.

3) захоронения коня сопровождают 10,6% погребений, из них целый остов рядом с могилой на древнем горизонте — 1,5%, в могиле на ступеньке — 2,3%, остальные — остатки конской шкуры в виде черепа и костей ног рядом с человеком, на ступеньке или на деревянном перекрытии (рис. 20, 1, 6).

4) преобладает западная ориентировка погребенных (75,1%), с отклонениями к северу (7%) или югу (14,7%) и северные (14%);

5) в тех случаях, когда поза погребенных установлена, они лежат вытянуто на спине (88,3%), с руками, уложенными вдоль тела или с кистями рук на тазе. Остатки гробовищ зафиксированы в 27,8% погребений (из них 17,8% — дощатые гробы или ящики, остальные — колоды (рис. 20, 3, 4, 5).

6) — погребальный инвентарь сопровождает 62% всех захоронений. Больше половины из них (34%) содержали по 1—2 предмета. В остальных же в основном найдены принадлежности конской сбруи и вооружения, причем из них 17,8% содержали сбрую без коня.

Рис. 18. Типы надмогильных сооружений в курганах кыпчакского времени на Южном Урале и в Приуралье

1 — Новый Кумак, кург. 29; 2 — Тлявгулово, кург. 2; 3 — Имангулово II, кург. 1; 4 — Новый Кумак, кург. 15; 5 — Новый Кумак, кург. 29; 6 — Новый Кумак, кург. 9; 7 — Тлявгулово, кург. 4; 8 — Урта-Буртя, кург. 2; 9 — Новый Кумак, кург. 3; 10 — Новый Кумак, кург. 16; 11 — Урта-Буртя, кург. 1; 12 — Лебедевка VIII, кург. 1; 13 — Караул-тобе 1, кург. 1; 14 — Караул-тобе 1, кург. 5; А — дерн; Б — погребенная почва; В — могильный выкйд; Г — камни; Д — сырцовый кирпич; Е — заливка жидкой глиной; Ж — дерево в насыпи; З — кольцо из глины; х1, х2, х3... — кости животных в насыпи кургана

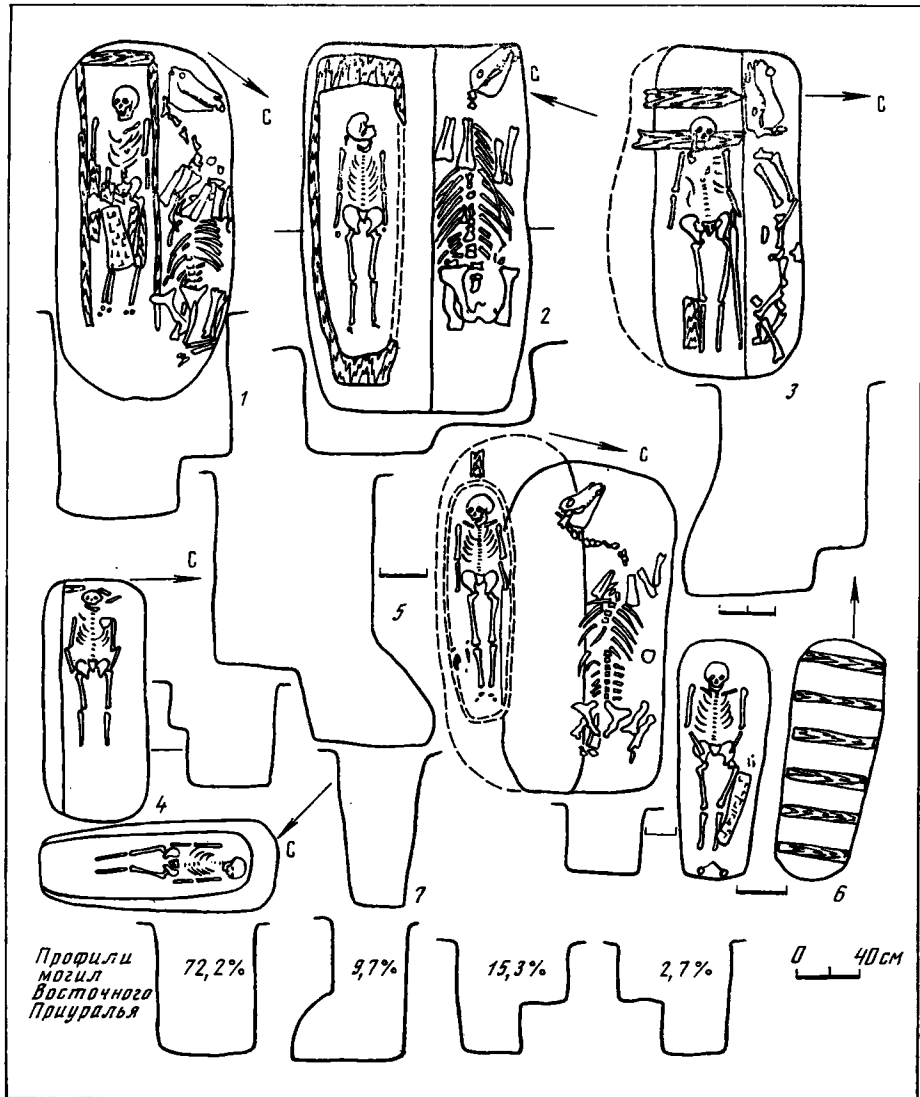

Рис. 19. Типы погребений, характерные для курганов с каменными конструкциями (восточная группа)
 Могильник Новый Кумак: 1 — кург. 8; 2 — кург. 14; 3 — кург. 2, погр. 1; 4 — кург. 3; 5 — кург. 28;
 6 — гр. II, кург. 2; 7 — кург. 38

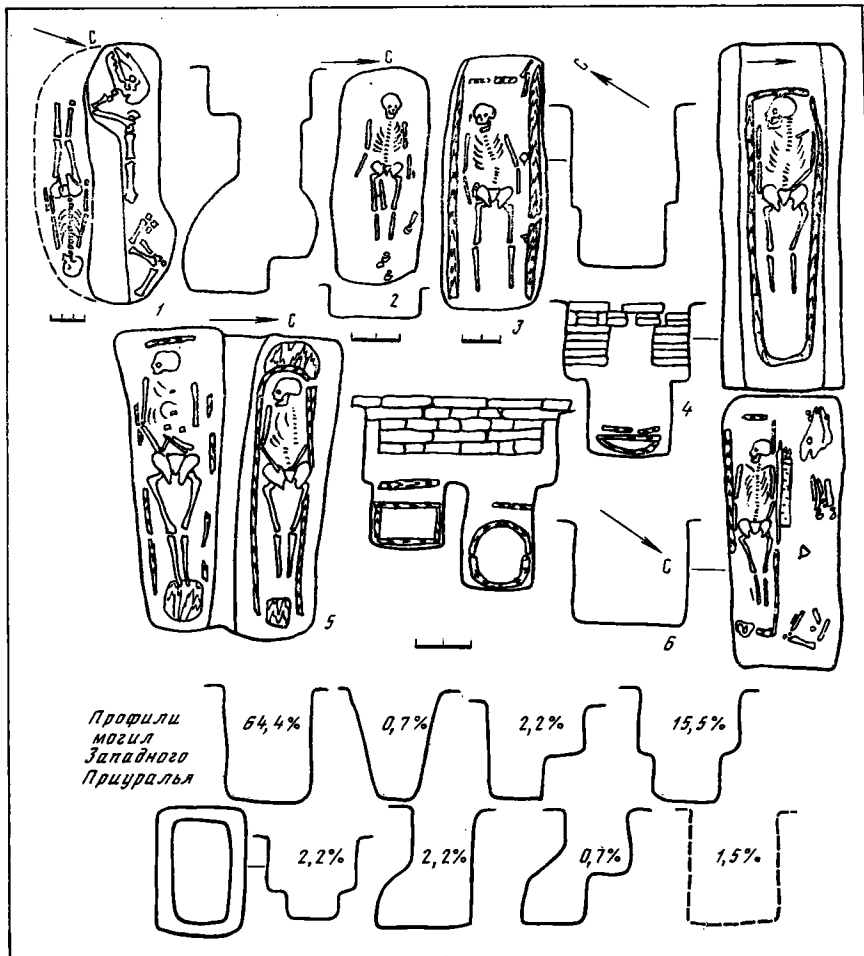

Рис. 20. Типы погребений, характерные для земляных курганов (западная группа)
 1 — Лебедевка VIII кург. 6; 2 — Базар-тобе 1, кург. 8, погр. 1; 3 — Алабастрово II, кург. 11;
 4 — Караул-тобе 1, кург. 3; 5 — Караул-тобе 2, кург. 2; 6 — Ивановка, гр. IV, кург. 1

Земляные курганы локализуются преимущественно в западных степных районах региона (87,1% всех курганов), большей частью в районе западной излучины р. Урал (рис. 17).

Итак, из приведенных выше данных мы могли убедиться, что погребальный обряд курганов XII—XIV вв. на Южном Урале, прежде всего, независимо от внешних признаков курганов характеризуется одними и теми же чертами: преобладающее захоронение в простых прямоугольных ямах, значительная часть которых была перекрыта досками, в по-

ложении вытнута на спине, головой на север или запад, в сопровождении примерно одинаковых наборов погребального инвентаря, в сочетании с частичной территориальной «чересполосицей» (нахождение курганов с камнями в насыпи — Алабастрово II, Лебедевка VIII — в равнинной части региона, а земляных курганов — Башкир-Беркутово, IV Ивановский, Орский, Алабайтал и другие — глубоко в предгорьях) и наличием заведомо синкретичных памятников, т. е. органично сочетающихся признаки обряда двух рассматриваемых групп (например, курган 5 у пос. Урал), где под выраженной земляной насыпью было сооружено каменное кольцо, внутри которого перекрытая вымосткой могила прямоугольной формы, где лежал целый остов коня (рис. 21). Указанные факты, на наш взгляд, со всей очевидностью свидетельствуют о генетическом и этнокультурном родстве кочевников XII—XIV вв., оставивших на Южном Урале рассматриваемые курганы.

Другая категория признаков, имеющих локальный характер, указывает, вероятно, на наличие определенных этнографических различий в кочевнической среде степной полосы Южного Урала. К этим признакам, кроме, естественно, конструкции курганных насыпей, следует отнести: для каменных курганов — ямы с широкой ступенькой вдоль северной стенки или с подбоем; целый остов взнузданного и оседланного коня, уложенный на ступеньку или рядом с погребенным (слева) в могилу; наличие перекрытий именно в яме с одной ступенькой; преобладание среди ритуальных пищевых остатков костей передних ног и позвонков животных; преимущественное расположение ритуальной пищи в изголовье, на перекрытии или в засыпи могилы.

Для курганов земляных — оградки из сырцового кирпича вокруг могил (рис. 18, 12, 13), остатки тризны в виде костей животных в насыпи, впускные в насыпи погребения, ямы с двумя узкими заплечиками вдоль длинных стенок и перекрытия на них, среди конских захоронений — преобладание остатков конской шкуры в виде черепа и костей ног, следы огненного ритуала (уголь, зола в заполнении могилы), более широкое распространение гробовищ и погребений без коня, но с предметами сбруи, среди ритуальных пищевых остатков — преобладание костей от задней части туши животного и расположение их у ног или у головы погребенного.

Приведенные выше факты в своей совокупности являются, на наш взгляд, достаточным основанием для условного разделения курганов XII—XIV вв. рассматриваемой территории на две типологические группы: западную (куда входят курганы с земляными насыпями) и восточную (курганы с каменными конструкциями)¹. Для последней границы могут быть определены в следующих пределах: на севере — район современного Челябинска (Федоровское погребение)², верховья Урала и Сакмары (Ишкулово II, Юлдыбаево); на западе — район истоков Самары (Рычковка I и III Октябрьский) и район слияния Илека и Хобды (Тамар-Уткуль, Мертвецовский, Лиман); на юге — верхнее течение р. Эмбы (Родники I, Новая База, I, II) *.

* Эти памятники были обнаружены и исследованы авторами летом 1985 г., когда рукопись настоящей книги уже была написана и находилась в процессе технической подготовки к изданию, поэтому их материалы здесь не представлены (В. И., В. К.).

Сходство и различие курганов западной и восточной групп по основным признакам обряда наглядно можно представить по данным Приложения 3.

Далее попытаемся проследить распределение кочевнических погребений XII—XIV вв. Южного Урала и Приуралья во времени. Для этого прежде всего обратимся к погребениям с вещами, составляющим, как уже указывалось выше, 57% (41 погребение) всех погребений восточной группы и 62% (80 погребений) — западной. Корреляция признаков погребального обряда в одном погребении сразу же обнаруживает совпадение большинства погребений региона с типами, выделенными Г. А. Федоровым-Давыдовым³. Например, все погребения восточной группы в эту типологию укладываются совершенно четко: абсолютно преобладают погребения отдела А, по Г. А. Федорову-Давыдову (головой на запад, без костей коня), — 58,8% погребений данной группы, среди которых погребения типа АI (в простой могильной яме) составляют 52%; затем в равной пропорции (по 19,2%) идут погребения отдела Б (головой на запад, с костями или остовом коня) и Д (головой на север, без коня). Среди первых доминируют погребения типа Б XIV (в яме с уступом вдоль северной стены, на уступе — костяк коня головой на запад) (рис. 19, 1, 2) — 15%; среди вторых — типа ДI (в простой могильной яме) — 17,8%.

Погребения отдела В (головой на восток, без костей коня) в восточной группе составляют 2,8% (табл. 5).

Сказанное с полным основанием можно отнести практически ко всем погребениям западной группы памятников, с той лишь разницей, что там полностью господствуют погребения отделов А (77,2%) и Д (12%), погребения отдела Г не выявлены, зато известны четыре погребения, совершенные в простых могильных ямах, с западной ориентировкой, в сопровождении принадлежностей конской сбруи и одной (плечевой) кости лошади (Охлебининские, погр. 1, 2; Сынтыштамак, кург. 9, 12), прямые аналогии которым в степях Евразии неизвестны.

Корреляция типов погребений, известных на Южном Урале, с хронологически определенными комплексами и типами вещей показывает, что в домонгольский период (XII — начала XIII в.) в регионе не были известны погребения типа АI (в простых ямах, без коня, с западной ориентировкой), БI (простая яма, западная ориентировка, над костяком — череп и кости ног коня, уложенные в анатомическом порядке), БIV (в яме с уступами вдоль длинных стенок ориентировка западная, на северном уступе — череп и кости ног коня, БХХV, (простая яма, западная ориентировка, в ногах — череп и кости ног коня), ГIII (восточная ориентировка, яма с уступом вдоль северной стены, на котором в анатомическом порядке разложены череп и кости ног коня), и погребения в простых ямах с западной ориентировкой, в сопровождении сбруи и плечевой кости коня.

В золотоордынский языческий период (конец XIII — первая половина XIV в.) в степях Южного Урала широкое распространение получают погребения отдела А (36 погребений, или 37,8%, от 74 погребений этого периода), среди которых, в свою очередь, абсолютно преобладают погребения типа АI. Затем по частоте встречаемости следуют поgre-

Таблица 5. Распределение типов погребений по номенклатуре Г. А. Федорова-Давыдова среди курганов XII—XIV вв. Южного Урала

Тип	Западная группа		Восточная группа		Всего	
	абсол.	%	абсол.	%	абсол.	%
AI	84	68,8	38	31,2	122	100
AII	3	100	—	—	3	100
AIV	10	83,3	2	16,7	12	100
AV	6	67,7	3	33,3	9	100
BI	2	100	—	—	2	100
BII	1	50	1	50	2	100
BIV	1	100	—	—	1	100
BXIV	3	21,5	11	78,5	14	100
BXVI	4	50	1	50	2	100
VXXV	1	100	—	—	1	100
VI	—	—	1	100	1	100
VII	—	—	1	100	1	100
ГIII	2	100	—	—	2	100
DI	16	55,2	13	44,8	29	100
DII	—	—	1	100	1	100
Простая могила, западная ориентировка, сбруя и кости лошади	4	100	—	—	4	100

бения отдела Б (западная ориентировка и в сопровождении целого коня или его шкуры) — 27%, среди которых тип BXIV (целый остов на ступеньке) составляет 19%; и типа DI (без коня с северной ориентировкой в простой могильной яме) — 24,3% (табл. 6).

Следует также обратить внимание и на тот факт, что большинство известных для рассматриваемого периода типов погребений образуют устойчивую связь с датирующими вещами и комплексами (табл. 7). Особенно показательны в этом отношении погребения отделов Б (с конскими захоронениями) и Г (с восточной ориентировкой и костями коня), отсутствующие в следующем, золотоордынском мусульманском периоде, что позволяет и сами эти погребения рассматривать как хронологический признак языческого периода в истории южноуральских кочевников эпохи Золотой Орды.

Начиная со второй половины XIV в. погребальный обряд у кочевников региона становится более унифицированным: абсолютно преобладающими становятся погребения отдела А (90,8%, из которых тип AI составляет 75% и тип DI — 9,2%).

В это время из погребального обряда полностью исчезают такие признаки язычества, как захоронения коней, богатые (в известных пределах) наборы сопровождающих вещей и остатки заупокойных тризн, что можно объяснить широким проникновением ислама в среду южноуральских кочевников. Однако продолжают сохраняться, причем в виде пережитков и как характерные признаки, курганные насыпи над моги-

Таблица 6. Распределение типов погребений Южного Урала по хронологическим периодам (в абсол.)

Тип, по Г. А. Федорову-Давыдову	Период		
	домонгольский (XII—начало XIII в.)	золотоордынский язычск. (конец XIII—первая полови- на XIV в.)	золотоордынский мусульм. (вторая половина XIV—нача- ло XV в.)
AI	4	28	90
AII	—	—	3
AGV	—	5	7
AV	—	—	9
BI	1	2	—
BII	—	2	—
BIV	2	1	—
BXIV	—	14	—
BXVI	—	1	—
BXXV	1	—	—
VI	—	1	—
VII	—	1	—
ГII	1	—	—
ДИ	—	18	11
Западная ориентировка, про- стая могила, плечевая кость лошади	4	—	—
Всего погребений	13	74	120

Таблица 7. Устойчивая взаимосвязь датирующих типов вещей и типов погребений кыпчакского времени на Южном Урале

Тип вещей	Тип погребений						
	AIV	BII	BXIV	VI	VII	ГII	ДИ
Стрелы ВIX	+		+				
Стрелы ВXI	+	+	+				+
Стрелы BIV				+		+	
Стремена ДII		+			+		
Стремена ДIV						+	
Удила ГII			+				
Удила ГIII						+	
Кресало BIII	+						
Серьги VI			+				

лами, деревянные конструкции (перекрытия, гробы) и уступы вдоль длинных стенок в могилах. В это же время на Южном Урале появляются новые для рассматриваемого населения элементы погребального обряда: могилы с подбоями в южной стенке и надмогильные сооружения в виде прямоугольных каменных или кирпичных оградок вокруг

могилы, сооруженных на уровне древнего горизонта (Урта-Буртя, кург. 3, 4; Лебедевка VIII, кург. 1, 5; Федоровка, кург. 1) (рис. 18, 8, 12, 13).

Таким образом, анализ погребального обряда кочевников XII—XIV вв. на Южном Урале позволяет сделать следующие выводы:

1) при наличии и явном преобладании общих признаков обряда (простые могильные ямы, поза, западная ориентировка погребенных, идентичные наборы погребального инвентаря и др.), указывающих на генетическое и этнокультурное единство рассматриваемых памятников, выделяется комплекс локальных признаков, разделяющий кыпчакские погребения Южного Урала на две локально-типологические группы: западную и восточную, что в конечном итоге позволяет предполагать наличие между ними определенных этнографических различий;

2) идентификация типов южноуральских погребений с типами синхронных погребений, широко представленных в степях Восточной Европы, ставит под сомнение идею об этнокультурном своеобразии кочевых племен Южного Урала в XII—XIV вв.⁴;

3) устойчивость языческих погребальных традиций, со всей полнотой и многообразием представленных в памятниках XII — первой половины XIV в. и в виде надмогильных сооружений и некоторых типов могильных ям, сохранившихся в памятниках золотоордынского мусульманского периода (достаточно отметить, например, что именно в памятниках восточной группы продолжают бытовать каменные вымостки и наброски над мусульманскими погребениями), со всей очевидностью свидетельствуют, на наш взгляд, об этнокультурной стабильности кочевых племен региона в рассматриваемый период.

¹ Кригер В. А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у с. Лебедевка // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984.

² Сообщение С. Г. Боталова на конференции по проблемам средневековой археологии Урала и Поволжья в г. Уфе, 16—

18 ноября 1983 г. // Архив ИИЯЛ БФ АН СССР.

³ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 124—128.

⁴ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977. С. 184, 185.

Этническая принадлежность курганов кыпчакского времени на Южном Урале

Этническая интерпретация курганов XII—XIV вв. на Южном Урале в силу эпизодичности пополнения необходимой источниковой базы длительное время не являлась предметом специальных исследований. Все известные немногочисленные находки и погребения с территории региона на интерпретировались главным образом через аналогии на соседних территориях, изучавшихся более интенсивно. И отнюдь не все из высказываемых предположений были безошибочны и бесспорны. В частности, уже современники (И. А. Кастанье) отвергли гипотезу Ф. Д. Нефедова о финно-угорской принадлежности средневековых памятников степного Приуралья.

Затем наступил период, продолжавшийся до середины 60-годов, когда исследователи, опираясь на весь имеющийся корпус археологических и нарративных источников, активно разрабатывали этническую историю кочевников эпохи средневековья на соседних с Южным Уралом территориях: в Поволжье и Казахстане, косвенно касаясь и рассматриваемого региона. Так, в конце 20 — начале 30-х годов вышло несколько статей А. Кушевой-Грозевской и Н. Арзютова, где средневековые курганы Заволжья рассматривались через призму аналогий в синхронных памятниках южнорусских степей с вытекающими отсюда выводами этнокультурного порядка¹. Далее В. В. Бартольд, опираясь на данные средневековых арабо-персидских письменных источников, приводит свою реконструкцию территориальных границ Кыпчакской степи (Дешт-и-Кыпчак) домонгольского периода, согласно которой территории кыпчакских (половецких) владений простирались от степей Южной России до западной части Средней Азии включительно. Центр формирования и этнической консолидации кыпчаков ученый находит достаточно близко от степей Южного Урала — на Иртыше².

Выводы В. В. Бартольда нашли подтверждение в немногочисленных, правда, археологических материалах, полученных А. Х. Маргуланом с территории Центрального и Восточного Казахстана. Ссылаясь на письменные источники X—XI вв. (Бейхаки, «Худуд-ал-Алем»), исследователь более конкретизирует территорию расселения кыпчаков в конце I тысячелетия н. э., ограничивая ее бассейнами рек Сары-Су, Ишим и пределами современных Петропавловской и Кустанайской областей³.

При определении границ Дешт-и-Кипчака исследователи долгое время опирались на материалы, известные на западе, в южнорусских степях, поэтому восточные пределы этой территории очерчивались в соответствии с границами распространения памятников половецкого типа. Так, Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский полагали, что восточные границы

могилы, сооруженных на уровне древнего горизонта (Урта-Буртя, кург. 3, 4; Лебедевка VIII, кург. 1, 5; Федоровка, кург. I) (рис. 18, 8, 12, 13).

Таким образом, анализ погребального обряда кочевников XII—XIV вв. на Южном Урале позволяет сделать следующие выводы:

1) при наличии и явном преобладании общих признаков обряда (простые могильные ямы, поза, западная ориентировка погребенных, идентичные наборы погребального инвентаря и др.), указывающих на генетическое и этнокультурное единство рассматриваемых памятников, выделяется комплекс локальных признаков, разделяющий кыпчакские погребения Южного Урала на две локально-типологические группы: западную и восточную, что в конечном итоге позволяет предполагать наличие между ними определенных этнографических различий;

2) идентификация типов южноуральских погребений с типами синхронных погребений, широко представленных в степях Восточной Европы, ставит под сомнение идею об этнокультурном своеобразии кочевых племен Южного Урала в XII—XIV вв.⁴;

3) устойчивость языческих погребальных традиций, со всей полнотой и многообразием представленных в памятниках XII — первой половины XIV в. и в виде надмогильных сооружений и некоторых типов могильных ям, сохранившихся в памятниках золотоордынского мусульманского периода (достаточно отметить, например, что именно в памятниках восточной группы продолжают бытовать каменные вымостки и наброски над мусульманскими погребениями), со всей очевидностью свидетельствуют, на наш взгляд, об этнокультурной стабильности кочевых племен региона в рассматриваемый период.

¹ Кригер В. А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у с. Лебедевка // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984.

² Сообщение С. Г. Боталова на конференции по проблемам средневековой археологии Урала и Поволжья в г. Уфе, 16—

18 ноября 1983 г. // Архив ИИЯЛ БФ АН СССР.

³ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 124—128.

⁴ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977. С. 184, 185.

типа автор вставляет, без определения их этнической принадлежности, в свою схему этногенеза населения лесной и лесостепной Башкирии VII—XIV вв., исходя из посылки, что в XI—XII вв. башкирский этнос уже сформировался¹¹. Однако очевидно, что памятники «башкир-беркутовского типа» не имеют в Приуралье генетических корней, поэтому окончательное формирование башкирского этноса завершилось едва ли ранее XIV—XV вв., т. е. того времени, когда произошло слияние всех этнокомпонентов (а среди них памятники кыпчакского периода являются наиболее массовыми) в единую материальную и духовную культуру¹².

Таким образом, как показывает приведенный выше историографический обзор, интерпретация кочевнического археологического материала с территории Южного Урала в отличие от территорий, лежащих западнее не отличалась определенностью и конкретностью. И впервые выводы о кыпчаках как об основном населении степной части региона прозвучали в трудах исследователей, анализировавших данные языка, исторической этнографии и сведения письменных источников. Опираясь на комплекс данных этнографии, о широком расселении кыпчаков в Приуралье (междуречье Белой и Ика) в XIII—XIV вв. пишет Р. Г. Кузеев. Прежде всего, автор полагает, что массовое проникновение кыпчаков на территорию современной Башкирии началось не ранее XIII в., а уже в XIII—XIV вв. под давлением новых волн кочевников (?) они уходят дальше на север и восток, в низовья р. Демы, на левобережье Белой и в бассейн р. Зилим¹³.

Однако сведения письменных источников (в частности, Ибн-ал-Асир) позволили С. М. Ахинжанову выдвинуть несколько иную гипотезу о времени освоения кыпчаками степей Южного Урала. В частности, автор считает, что еще в XI в. кыпчаки, которым «принадлежали земли почти всего Центрального и Западного Казахстана», имели летние пастбища — джэйляу — в низовьях р. Камы, откуда они уходили зимовать в окрестности Баласагуна¹⁴.

В целом же сведения средневековых письменных источников о племенах, обитавших к востоку от Волги вообще, и о кыпчаках, в частности, настолько скудные и отрывочные, что исследователям приходится извлекать соответствующую информацию чаще всего методом перекрестного анализа различных документов, но и в этом случае воссоздать какую-то целостную картину этнокультурного развития интересующих нас племен оказывается невозможно.

Как самостоятельное этнокультурное образование, отличное от синхронных и соседних племен, кыпчаки (тюрки-кипчаки) впервые упоминаются в середине VIII в. на стеле в память Моюн-чура, как политические противники древнетюркских (тюркютских) племен¹⁵, а в конце IX—X вв. арабо-персидские авторы (Ибн-Хордадбех, «Худуд-ал-Алем») перечисляют кыпчаков среди основных этнополитических образований: кимаков, огузов и печенегов, расселявшихся в восточной части евразийских степей¹⁶.

В начале XI в. кыпчаки, пережившие период ускоренного социально-политического развития, становятся соседями Хорезма (Бейхаки) и ведут с хорезмшахами успешные войны за приуральские пастбища, вы-

нуждая последних идти на компромиссы и даже на династические браки с кочевниками¹⁷. В это время кыпчакские племена составляют конфедерацию с единой материальной культурой и одним уровнем общественно-го развития. Во главе конфедерации стояли ханы рода Ольбурлик (Эльбари, Ильбари), занимавшего местность Юли-боли, которую исследователи локализуют в степях северо-западного Казахстана и Южного Урала¹⁸, и которая совпадает с территорией распространения курганов восточной группы Приуралья.

Кроме кыпчаков, в конфедерации кочевников заметную роль играли племена йемеков (кимаков?), обитавшие в западной части южноуральской степи, включая и степную Башкирию¹⁹. Несмотря на различие этнонимов, средневековые авторы (М. Кашгарский) подчеркивали генетическое родство и языковую близость кыпчаков и йемеков²⁰. Территориально кочевья йемеков совпадают с районами распространения памятников западной группы Приуралья.

После усиления кыпчаков средневековые авторы отмечают два направления миграций кочевников: кыпчаков — на запад и северо-запад и йемеков (кимаков) — на юг и юго-запад²¹.

Ряд исследователей (Б. Е. Кумек, С. М. Ахинжанов) предполагают присутствие среди кочевников кыпчакской конфедерации монголоязычных племен (байандур, татар, эймюр), появившихся в кимакском и огузском объединении сразу же после падения Уйгурского каганата в 840 г.²²

В XI в. перечисленные племена составляли неразрывную органичную часть кыпчакского этнополитического союза, это — процесс кыпчакизации, ставший «этнической традицией» в эпоху Золотой Орды²³.

Таким образом, по данным средневековых письменных источников, степи Южного Приуралья (в частности, Западный Казахстан) издавна выступают как территория сосредоточения и расселения кыпчакских племен. И не случайно после распада Золотой Орды именно Западный Казахстан становится центром формирования государства «кочевых узбеков»²⁴, а позже — составной частью Среднего Жуза, где концентрировалась основная часть семей (13,5 тыс.) казахов племени кыпчак²⁵. Здесь же, в предгорьях Южного Урала, по бассейну р. Сакмары в конце XIV—XV в. селились такие роды башкирских кыпчаков, как кара-, ак-, санкем-, сууп- и бушман-кыпчак²⁶.

Сравнивая по имеющимся историко-этнографическим данным племенной состав кочевников восточной части евразийских степей со второй половины VII по XIV—XVI вв., мы видим постоянное присутствие в нем основных наиболее крупных племен (кыпчаки среди них представляются наиболее устойчивым этнокультурным образованием) и постоянно меняющиеся мелкие этнические объединения (табл. 8). Удельный вес кыпчаков в том или ином этнополитическом объединении мог изменяться, но они никогда не растворялись среди других этнических групп.

Доминирующая роль кыпчакских племен в степи подтверждается также присутствием кыпчакских родо-племенных объединений в составе других этнических массивов Великого пояса степей и его окраин (узбеков, каракалпаков, татар)²⁷.

Итак, письменные и историко-этнографические источники вполне

Таблица 8. Племенной состав кочевников восточной части степей Евразии в эпоху средневековья

Кимакское объединение (по Б. Е. Кумекову)	Кыпчакское объединение XI—начала XIII в. (по С. М. Ахияжанову)	Кочевники Золотой Орды XIII—XIV вв. (ал-Нувайри, ибн-Халдуни)	Казахи Среднего Жужа (по Муканову)	Башкиры (по Р. Г. Кузееву)
1. Кимаки (Йемек, имак)	1. <i>Кыпчаки</i> (шары, ильбари)	1. <i>Бурлы</i> (<i>эльбури</i>)	1. Аргыны	1. Юрматы
2. <i>Кыпчаки</i>	2. Каи (кимаки)	2. <i>Токсоба</i>	2. Найманы	2. Бурзян
3. Ими (эймюр)	3. Йемеки	3. <i>Йета</i> (<i>сета</i>)	3. <i>Кыпчаки</i>	3. Усерган
4. Татары	4. Югуры	4. Дурут	4. Керен	4. Тангаур
5. Байандур	5. Байауты	5. Карабирикли (черные клобуки, каи, байандур)	5. Конраты	5. Тамьян
6. Ланиказ	6. Канглы	6. Кангуоглы	6. Уаки	6. <i>Кыпчак</i>
7. Аджлад	7. Кидани (куны)	7. Карабароглы		7. Ай
	8. Печенеги	8. Андоглы (оглы)		8. Мурзалар
	9. Огузы	9. Бурджоглы		9. Катай
	10. Башкиры	10. Джусан (джерсан)		10. Сальют
		11. Котян (кунун)		11. Мин
				12. Буляр
				13. Байляр
				14. Юрми и др.

определенно изображают кыпчаков как ведущий субстрат, определявший этнокультурную ситуацию на Южном Урале и в Приуралье в XII—XVI вв. Для выяснения степени соответствия этих данных с данными археологического материала нам необходимо, в свою очередь, выяснить степень типологического сходства памятников Южного Урала с синхронными памятниками с соседних территорий, и прежде всего с теми памятниками, кыпчакская принадлежность которых не вызывает сомнений. Кроме того, как указывалось выше, некоторые памятники XII—XIV вв. на Южном Урале уже получили определенную интерпретацию, в которой поставлен вопрос об их своеобразии. Нам представляется, что в настоящее время имеются все условия для проверки этой гипотезы на широком территориальном фоне и на массовом материале.

Решению поставленной задачи наиболее способствует типологическое сравнение южноуральских памятников XII—XIV вв. с синхронными памятниками близлежащих территорий Заволжья, находящимися в аналогичных природных условиях и принадлежавшими нижевожским половецким племенам (саксин)²⁸.

В настоящее время здесь исследованы два относительно крупных курганных могильника, материал которых характеризует все особенности погребального обряда заволжских памятников рассматриваемого периода. Это могильник Быково III (раскопки А. С. Скрипкина и В. И. Мамонтова 1976, 1977 гг.) — 27 курганов и столько же погребений, и могильник Царев I (раскопки В. И. Мамонтова — 1971, 1973 и 1975 гг.) — 27 курганов и столько же погребений. Погребения указанных

могильников обнаруживают между собой высокую степень типологической близости, что позволяет нам рассматривать их как эталонные для районов степного Заволжья. Тем более что остальные могильники данного региона в основном близки рассматриваемым.

Могильник Быково III расположен южнее районного центра Быково Волгоградской области (рис. 21). Из 27 исследованных на памятнике курганов два (12 и 15) датируются домонгольским временем, остальные — золотоордынским. Обряд очень устойчив и консервативен. Мусульманские каноны его почти не коснулись, хотя в трех курганах (6, 8, 9) обнаружены нагрудные украшения в виде трубочки с петельками, встречаемые в захоронениях с монетами второй половины XIV в.

Могильник Царев I расположен северо-западнее пос. Царев Ленинского района Волгоградской области и севернее городища Царевское (Новый Сарай) (рис. 22). Курганы находятся на краю второй террасы р. Ахтуба и группируются вокруг больших насыпей эпохи бронзы и раннего железа. Западнее у подошвы второй террасы расположен второй могильник, состоящий из небольших насыпей. Захоронений домонгольского периода в могильнике Царев I не обнаружено, хотя в будущем такая возможность не исключается. Золотоордынский языческий период представлен 14 погребениями, в том числе и с монетами (курганы 15 и 16), золотоордынский мусульманский период представлен 13 погребениями с малочисленным инвентарем либо совсем без вещей.

Описание погребального обряда указанных памятников, проведенное по той же схеме, что и памятников Южного Урала, обнаруживает следующие характерные для них признаки (табл. 9).

Таким образом, при наличии и явном преобладании общих признаков, свидетельствующих о генетическом и этнокультурном родстве рассматриваемых памятников, выделяется серия признаков обряда, указывающих и на определенные этнографические различия между ними: преобладание в Быковском могильнике могил с подбоями, а в Царевском — со ступеньками; часто встречающиеся в последнем памятнике могилы с деревянными перекрытиями, единичные захоронения целого остова коня; часто встречающиеся в Быковском могильнике захоронения конской шкуры (череп и кости ног), уложенной в анатомическом порядке на ступеньке, при полном их отсутствии в Царевских курганах и т. д.

Могильники с обрядом, типологически близким быковскому, локализируются в северных районах Нижнего Заволжья (Бережновка I, Фриденберг, Скатовка, Покровск), царевскому — в южных районах (Калиновка, у пос. Ленинск, Бахтияровка I, II, Кан-Тюбе) (рис. 22), т. е. здесь также можно говорить о двух локально-типологических группах погребальных памятников: быковской, состоящей в общей сложности из 134 погребений, и царевской — 70 погребений.

Для выяснения степени типологического соотношения курганов Заволжья и Южного Урала мы сравниваем их по основным признакам погребального обряда, сгруппированным в соответствующие фазы (Приложение 2). Полученные результаты показывают, что, помимо общих признаков погребального обряда, курганы царевской группы Заволжья объединяются с западной группой Южного Урала серией локальных признаков: земляные насыпи курганов, остатки поминальных тризн

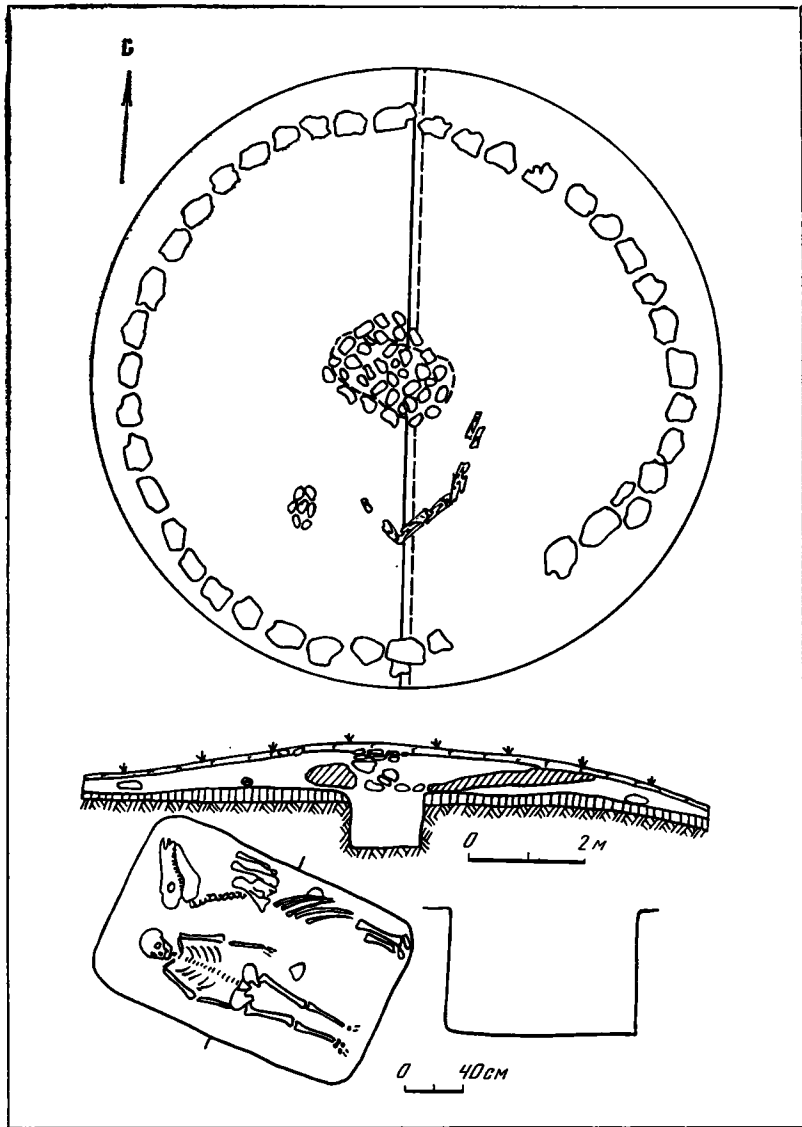

Рис. 21. Могильник у пос. Урал, курган 5. Образец синкретичного памятника, сочетающего элементы погребального обряда восточной и западной локальных групп

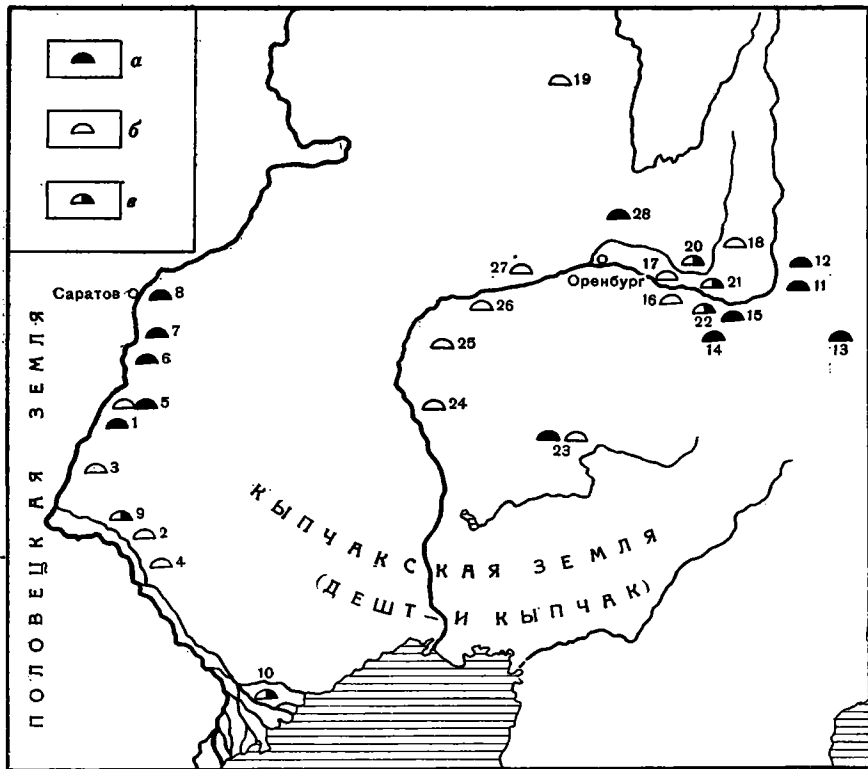

Рис. 22. Карта курганов кыпчакского времени на Южном Урале, в Приуралье и Заволжье по локально-типологическим группам

1 — Быково I, III; 2 — Царев I; 3 — Калиновка; 4 — Ленинск; 5 — Бережновка 2; 6 — Фриденберг; 7 — Скатовка; 8 — Покровск; 9 — Бахтияровка I, II; 10 — Кан-тюбе I, II; 11 — Новый Кумак; 12 — Новоорский; 13 — Куагаш; 14 — Шпаки II; 15 — Худай-берген III, IV; 16 — Жанаталап I, II; 17 — Каменноозерный; 18 — IV Ивановские; 19 — Сынташтамак; 20 — Тлягулово; 21 — VII Новочеркасский; 22 — у пос. Урал; 23 — Лебедевка VI, VIII; 24 — Караул-тобе I; 25 — Челкар IV, V; 26 — Алабастрово II; 27 — Россипинский; 28 — Октябрьские III; а — курганы восточной группы (для Заволжья — быковской группы); б — курганы западной группы (для Заволжья — царевской группы); в — смешанные могильники

(кости овцы и кострища) в насыпи, могилы с подбоями и уступами вдоль длинных стенок, впускные погребения, захоронения туши коня рядом с могилой человека на древнем горизонте, захоронения шкуры коня (череп и кости ног) в могиле на дне, появление в мусульманский период курганов с оградками из сырцового или жженого кирпича вокруг могилы. Обряд же быковских курганов близок восточной группе на Урале.

Сюда же типологически примыкают погребения золотоордынского периода в Куйбышевском Заволжье (бассейн нижнего и среднего течения р. Самары): Александровский, Старо-Елшанский, Покровский, у с. Гвардейцы, Виловатовский, Максимовский, дюна «Человечья голо-

Таблица 9. Основные признаки погребального [обряда могильников Быково III и Царев I в сравнении (%)

Признак	№ по Прилож.	Быково III	Царев I
Насыпи курганов земляные	11	100	92,6
Сооружения из сырцового кирпича в насыпи	19	—	7,4
Могильные ямы			
прямоугольные простые	48	21,4	55,5
прямоугольные с суживающимися ко дну стенками	49	—	18,5
Ступенька вдоль северной стенки	50	17,8	3,7
Ступенька вдоль южной стенки	51	—	7,4
Уступы вдоль длинных стенок	53	—	11,2
Могила с подбоем	55,56	60,7	—
Могилы с деревянным перекрытием	35,36	—	29,6
Остов коня			
на древнем горизонте	62	—	7,4
в отдельной яме	63	—	3,7
Череп и кости ног коня	64	10,7	3,7
в могиле слева от человека			
в заполнении могилы	65	3,5	—
на ступеньке	74a	60,7	—
Всего захоронений коня	70	75	14,8
Ориентировка погребенного			
на запад	82	92,8	77,8
на восток	83	3,5	—
на юго-запад	86	3,5	7,4
на северо-запад	88	—	14,8
Поза погребенного вытянуто на спине	93	100	100
Руки согнуты в локтях	99—101	32,1	59,2
Умерший лежит в дощатом гробу	112	21,4	25,9
Умерший лежит в колоде	113	—	3,7
Погребения с вещами	206,207	85,7	62,9
Всего погребений		28	27

ва» и др.— всего 36 погребений. Каких-либо локальных признаков обряда в этой группе памятников не обнаружено. Чаще всего представлены признаки, характерные для курганов Заволжья и западной группы Южного Урала: под земляными насыпями или на дюнах, в простых могильных ямах или впускных (6 погребений); иногда в насыпях курганов встречены остатки тризн; ориентировка умерших северная (24 погребения) или западная (11 погребений); захоронения коней встречены в трех погребениях, причем в одном случае это остов (?), лежавший рядом с человеком (в саду совхоза им. Луначарского), в двух других — череп и кости ног (Ново-Павловский, кург. 7; III Кировский); принадлежности конской сбруи найдены в двух погребениях, из которых одно — без коня²⁹.

В целом же район Куйбышевского Заволжья требует дополнительных полевых исследований, поскольку здесь, в частности в бассейне р. Большой Ирғиз, известны большие курганные группы, еще не подвергавшиеся раскопкам.

Приведенные данные о погребальном обряде курганов кыпчакского времени позволяют внести некоторые коррективы в существующую типологическую характеристику погребений указанного периода в Урало-Волжском регионе в целом. Так, на материале, известном в 60-е годы, Г. А. Федоров-Давыдов отметил широкое распространение в Поволжье и Заволжье в золотоордынский период подбойных могил и выдвинул их в качестве одного из локальных признаков данного региона³⁰. Появление этих погребений исследователь связывает с приходом сюда монголов и других восточных племен. Однако раскопки последующих лет выявили погребения в подбойных могилах восточнее, в степях Южного Приуралья, причем относящиеся ко времени, предшествующему Золотой Орде: огузо-печенежскому (Тамар-Ўткуль, кург. 3 — раскопки В. С. Горбунова, В. А. Иванова, 1983 г.) и кыпчакскому домонгольскому (Новый Кумак, кург. 2; Лебедевка VIII, кург. 6)³¹. Подобные погребения домонгольского периода выявлены и в Заволжье (Быково III, кург. 12, 15).

Правоту исследователя относительно исходных территорий погребений с подбоями подтверждают, на наш взгляд, аналогичные погребения в курганах кимаков Верхнего Прииртышья IX—X вв. (Карашат I, II)³².

Памятники степной полосы Южного Приуралья несколько меняют наше представление и об ареале распространения курганов с сырцовыми вымостками или оградками в насыпи (тип VII, по Г. А. Федорову-Давыдову). Кроме Поволжья, где они трактуются как локальное своеобразие данного региона³³, аналогичные памятники, как уже указывалось выше, известны и к востоку от р. Урал (Лебедевка VIII, кург. 1, 5; Федорова, кург. I; Урта-Буртя, кург. 3, 4). Более того, нам представляется возможным рассматривать эти памятники как своеобразное социально-хронологическое звено, связывающее типологически близкие погребальные сооружения кочевников, обитавших в противоположных областях Великого пояса степей Евразии: в Нижнем Поволжье и Восточном Казахстане (урочище Каракудук и Кадырбай I)³⁴.

Сказанное можно отнести и к таким признакам погребального обряда, как посыпка дна могилы мелом, проявление огненного ритуала, остатки тризн и заупокойной пищи в могилах, которые, кроме Поволжья³⁵, известны в Приуралье, где они и встречаются значительно чаще (приложение 2), и на востоке степей Евразии (Ждановский, Кагирский, Лентьевский и другие могильники X—XIII вв.)³⁶.

Новый материал дополняет наши представления о появившихся в урало-волжских степях в золотоордынское время погребениях в простых могильных ямах, без коня и с северной ориентировкой (отдел Д, по Г. А. Федорову-Давыдову). Автор связывает этот тип погребений с племенами, пришедшими из Сибири в составе монголо-татарских войск³⁷.

Опираясь на известный ему материал (17 погребений), Г. А. Федоров-Давыдов высказал предположение, что наличие могильников, где погребения с северной ориентировкой преобладают (Бальмерский, Недвиговка, погр. 1, 2, 3; Моздок, кург. 1, 2, 5, 6), свидетельствует об отно-

сительной этнокультурной чистоте пришлых племен — носителей данного признака³⁸. Нам представляется, что применительно к кочевникам Заволжья и Южного Урала данный тезис не является бесспорным, поскольку: 1) картографирование погребений с северной ориентировкой не позволяет выделить внутри Урало-Волжского региона какие-либо районы их преимущественной локализации (кроме, пожалуй, района распространения курганов царевской группы, где северная ориентировка погребенных чрезвычайно редка (2 погребения); 2) очень трудно выделить какие-либо характерные, присущие только данному типу погребений, элементы обряда (кроме, естественно, ориентировки). Так, погребения рассматриваемого типа совершались: в степном Приуралье — под земляными насыпями (Новый Кумак, II гр., кург. 2, 3; Новый Кумак, I гр., кург. 3; Алабайтал; II Жанаталапский; Башкир-Беркутово, кург. 3; Алебастрово II, кург. 5, 11; Лебедевка VIII, кург. 3; Мамбетбай, кург. 3), под земляными насыпями с примесью камня (Тлявгулово, кург. 4; Алебастрово II, кург. 3) и под каменными насыпями (Новый Кумак, II гр., кург. I; Тамыр-Уткуль, кург. 10; VII Новочеркасский, кург. I; Андреевский; Рычковка, кург. 3; Хабарный I, кург. 9, 10; Худай-Берген, кург. 4, 5, 6, 9). В Заволжье — только под земляными насыпями. В Приуралье все погребения рассматриваемого типа — основные под курганами, в Заволжье 7 из 33 ныне известных впушены в более ранние насыпи. Большинство приуральских погребений перекрыты деревом (Новый Кумак, II гр., кург. 1, 2, 3; Жарсуат, кург. 4; Мамбетбай, кург. 3; Тлявгулово, кург. 4; Алебастрово II, кург. 3, 5, 11; VII Новочеркасский, кург. 1; Тамар-Уткуль, кург. 10; Зеленый, кург. 2; Худай-Берген, кург. 4, 6, 9; Рычковка, кург. 3 и др.), в Заволжье их гораздо меньше, 7 из 33 погребений. Более 30% приуральских погребений с северной ориентировкой совершены в дощатых гробах или «рамах», составленных из четырех досок (II Жанаталапский, кург. 2; Тлявгулово, кург. 4; Алебастрово II, кург. 3, 5, 11; Андреевский; Рычковка, кург. 3; Худай-Берген, кург. 5), в Заволжье таких погребений шесть. В урало-волжских степях известны единичные захоронения рассматриваемого типа, совершенные в колодах (Башкир-Беркутово, кург. 3; Старо-Елшанский, погр. 1; Фриденберг, I гр., кург. 7); 3) наконец, ни на Южном Урале, ни в Заволжье мы не знаем могильников, где погребения рассматриваемого типа не находились бы в одном культурно-хронологическом комплексе с погребениями других типов (табл. 3).

Памятники восточных районов евразийских степей подтверждают точку зрения Г. А. Федорова-Давыдова относительно исходной территории погребений с северной ориентировкой. В настоящее время в степях Саяно-Алтая, Северного и Восточного Казахстана и Средней Азии известно 25 кочевнических могильников XII—XIV вв., в обряде которых преобладают те же признаки, что и в урало-волжских погребениях с северной ориентировкой: земляные или каменные курганы; простая могильная яма, дощатые гробы или ящики без дна и крышки («рамы»), колоды, отсутствие коней (Халчаян, Пскент, Дальверзин, Тасмола IV, Павлодарская обл., Хемчик-Бом VI, Кок-тей I, Часовенная гора)³⁹. Перечисленные памятники на указанных территориях также не составляют какой-либо локальной группы, а выступают как органичная часть комп-

Таблица 10. Распределение погребений с северной ориентировкой (тип Д1) о могильникам XIII—XIV вв. на Южном Урале и в Приуралье (в абс. цифрах)

№ п/п	Могильник	Тип насыпи		Всего курганов в могильнике
		земляная	с применением камня	
1	Новый Кумак	2	2	30
2	Худай-Берген I IV	—	4	6
3	Хабарный I	—	2	7
4	Ишкулово II	—	1	12
5	Алабайтал	1	—	1
6	Жанаталап II	1	—	2
7	Башкир-Беркутово	1	—	3
8	Андреевка	—	1	1
9	Тлягулово	—	1	4
10	VII Новочеркасский	—	1	2
11	Рычковка	—	1	1
12	Тамар-Уткуль	—	1	2
13	Лиман	1	—	2
14	Алебастрово	2	1	3
15	Зеленый	1	—	2
16	Жарсуат I	1	—	2
17	Мамбетбай	1	—	4
18	Лебедевка VI	1	—	4

лекса памятников с обрядом, характерным для кочевников XII—XIV вв.

Таким образом, сравнение характерных признаков погребального обряда курганов XII—XIV вв. на Южном Урале с синхронными памятниками территорий, лежащих как к западу, так и к востоку от рассматриваемого региона, показывает, что типологически курганы западной группы Южного Урала образуют единый массив с курганами Заволжья (быковская и царевская группы). Это дает нам право говорить об этнокультурном родстве кочевников, оставивших на Южном Урале курганы с земляными насыпями (и соответствующими признаками обряда), с нижеволжскими, «половецкими и родственными им» племенами⁴⁰. В то же время курганы западной группы Южного Урала обнаруживают признаки, характерные и для кочевников кимако-кыпчакского объединения юга Западной Сибири: земляные насыпи с кострищами и остатками тризны; могильные ямы прямоугольные простые, подбойные или с ступами вдоль длинных стенок, на которых уложено деревянное перекрытие; захоронения умерших с западной или северной ориентировкой, иногда — в гробах, колодах; изредка — захоронения коня, частей его туши⁴¹.

Приведенные факты, как нам думается, вполне определенно свидетельствуют о том, что «родственные половцам племена», оставившие курганы быковской, царевской и западной южноуральской групп, как раз и были кыпчаками или, что более вероятно, кимако-кыпчаками, пришедшими в степи Урало-Поволжья под натиском монголо-татар и обус-

ловившими отмеченное еще средневековыми авторами культурное своеобразие кочевых общностей, лежащих к западу и востоку от Волги⁴². К последнему мы относим преобладание в половецких погребениях, в отличие от кыпчакских, восточной ориентировки и распространение на территории половецких кочевий специфических каменных изваяний, отсутствующих в урало-волжских степях⁴³.

Что касается некоторых отличий Быковских и Царевских курганов Заволжья, то здесь объяснение, вероятно, следует искать в следующем: в Быковском могильнике большинство погребений (17 из 27) содержали череп и кости ног коня, уложенные на ступеньке слева от человека. Т. А. Федоров-Давыдов вслед за С. А. Плетневой связывает данный обряд с огузо-печенежскими племенами и приходит к выводу о переселении в золотоордынское время части черных клобуков из Поросья в Поволжье⁴⁴. Вероятно, отмеченное выше типологическое различие курганов данного региона — результат этнополитического различия племен кыпчакской конфедерации, заложенный еще в древнетюркское время, усиленный во время миграций.

Сложнее интерпретировать каменные курганы восточной группы Южного Урала. Будучи «вкраплены» в половецкие и кыпчакские могильники западной и восточной окраины Великого пояса евразийских степей, курганы с каменными насыпями тем не менее образуют две компактные группы: на востоке степной полосы Южного Урала и в Минусинской котловине⁴⁵. Исследователи кочевнических древностей южнорусских степей появление здесь каменных курганов и захоронений целой туши коня (что, как уже отмечалось выше, характерно для каменных курганов Южного Урала) связывают с приходом половцев, принесших этот обряд с территории первоначального обитания — из Восточного Казахстана⁴⁶.

Кочевникиевы Сибири придерживаются более обтекаемой интерпретации памятников данного типа — «местные тюркоязычные кочевники»⁴⁷, хотя и не возражают против выдвинутой гипотезы об их кыпчакской принадлежности⁴⁸. Этнокультурная связь каменных курганов восточной группы Южного Урала с кыпчаками нам представляется достаточно очевидной. Свидетельство тому устойчивые параллели в погребальном обряде указанных курганов и кыпчакских курганов юга Западной Сибири, среди которых достаточно часто встречаются и каменные (Суханиха, Хемчин-Бом VI, кург. 3; Сарыг-Хая, кург. 1; Кок-Тей, Яким-Янтестау)⁴⁹. Что касается локально-типологической дифференциации кыпчакских погребений Южного Урала, то в этой связи уместно вспомнить сведения средневековых письменных источников о выделении после распада кимакского государства двух самостоятельных кыпчакских племенных объединений: Андараз-Хифчак и Йагсун-йасу, без их локализации⁵⁰.

Таким образом, археологический материал в сочетании с данными письменных источников позволяет очертить границы территории, вошедшей в историю под именем «Дешт-и-Кыпчак» (Кыпчакская степь), так как они документируются соответствующими археологическими памятниками. Поскольку объектом нашего исследования являются памятники Южного Урала — региона, долгое время представлявшего собой «белое пятно» в этнокультурной системе Дешт-и-Кыпчак, мы и акцентируем свое внимание именно на этой территории.

В Южном Зауралье кочевья кыпчаков доходили до широты современного Челябинска (II Ишкуловские курганы, Федоровские погребения)⁵¹, а в Приуралье, огибая с юга и запада Бугульминско-Белебеевскую возвышенность — до устья р. Камы (Рождественские, Балымерские курганы)⁵²: Балымерские курганы Г. А. Федоров-Давыдов связывает если не с монголами, то с какими-то сибирскими племенами, втянутыми монголами в их поход на запад⁵³. Нам не представляется целесообразным выделять их из общей массы кыпчакских памятников региона, поскольку, как мы могли убедиться выше, все элементы погребального обряда указанного памятника (земляные курганы, простые могилы или могилы с заплечиками и деревянным перекрытием, северная ориентировка погребенных, кострища в насыпи курганов, захоронения с человеком частей коня, в данном случае — черепов) находят свои аналоги в кыпчакских курганах восточной части Великого пояса степей Евразии.

На западе естественной границей Дешт-и-Кыпчак, вероятно, была Волга, по правому берегу которой начиналась территория Половецкой земли со своими этнокультурными особенностями, отличающими половцев от кыпчаков. Данная точка зрения несколько отличается от традиционной, устоявшейся, по которой западные границы Дешт-и-Кыпчак и Половецкой земли практически совпадают, поэтому вопрос о степени сходства и различия археологических памятников (а следовательно — и культуры) кочевников указанных территорий авторы выносят в качестве темы будущего специального исследования.

¹ Кушева-Грозевская А. Золотоордынские древности ГИМа из раскопок 1925—1926 гг. в Нижнем Поволжье. Саратов, 1928; Арзютов Н. Материалы по археологии поздних кочевников Нижнего Поволжья (из раскопок 1928 г.)//Тр. НВОНОК. Саратов, 1929; Он же. Погребения поздних кочевников//Изв. НВИК. Саратов, 1933. Т. 4.

² Бартольд В. В. Новый труд о половцах//Соч. М., 1968. Т. 5. С. 400.

³ Маргулан А. Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане (отчет экспедиции 1948 года)//Изв. АН КазССР. Серия археологическая. Алма-Ата, 1951. № 108. Вып. 3. С. 34.

⁴ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 18.

⁵ Плетнева С. А. Половецкие каменные завязания//САИ. 1974. Вып. Е4-2. С. 23; Она же. Половецкая земля//Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.

⁶ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 150.

⁷ Там же. С. 134.

⁸ Там же. С. 152, 153.

⁹ Там же. С. 153.

¹⁰ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977. С. 184; Он же. Юж-

ный Урал в XII—XIV вв.//Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 223.

¹¹ Мажитов Н. А. Южный Урал... С. 167, 181, 183.

¹² Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 39, 40.

¹³ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 171, 172, 184.

¹⁴ Ахинжанов С. М. Из истории движения кочевых племен евразийских степей//Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 51.

¹⁵ Орхов-енисей текстери. Фрунзе, 1980. С. 132.

¹⁶ Бартольд В. В. «Худуд ал-Алем»: Рукопись Туманского. Л., 1930. С. 24.

¹⁷ Ахинжанов С. М. Из истории взаимоотношений кыпчаков и Хорезма в XII — начале XIII в.//Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата. 1973. С. 61.

¹⁸ Там же. С. 61. Ссылка 8.

¹⁹ Ахинжанов С. М. Об этническом составе кыпчаков средневекового Казахстана//Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1976. С. 89.

²⁰ Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 43.

- 21 Там же. С. 43—47.
- 22 Там же. С. 47; *Ахинжанов С. М.* Об этническом составе кипчаков...
- 23 *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа... С. 176.
- 24 *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.
- 25 *Муканов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего Жуза. Алма-Ата, 1974. С. 70—75.
- 26 *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа... С. 185.
- 27 Там же. С. 173, 174.
- 28 *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники... С. 150, 152.
- 29 *Васильева И. Н.* Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья//Древняя история Поволжья: Научные труды КГПИ. Куйбышев, 1979. Т. 230.
- 30 *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники... С. 157, 160, 161.
- 31 *Кригер В. А.* Погребения кипчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка//Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984. С. 111.
- 32 *Арсланова Ф. Х., Самашев З. С.* Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье//Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1985.
- 33 *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники... С. 161.
- 34 *Максимова А. Г.* Средневековые погребения Семиречья//Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 154—157.
- 35 *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники... С. 160, 161.
- 36 *Арсланова Ф. Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.)//Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 111.
- 37 *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники... С. 159.
- 38 Там же. С. 160. Рис. 23.
- 39 *Потапов А. А.* Джгагайские погребения начала XIV в. в Пскенте (рукопись)//Архив ЛОИА. Ф. 35, № 478; *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965; *Пугаченкова Г. А.* Погребение монгольского времени в Халчае//СА. 1967, № 2; *Арсланова Ф. Х.* Погребение золотоордынского времени в Павлодарской области//По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970; *Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З.* Погребение кипчака первой половины XIV в. ...//По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970; *Длужневская Г. В.* Отчет, 1971 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5197; *Заднепровский Ю. А.* Кочевническое погребение XIII—XIV вв. в Фергане//СА. 1975. № 4; *Норбу Т. Ч.* Отчет, 1978 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7175; *Акишев К. А., Байпаков К. М.* Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 102; *Степи Евразии в эпоху средневековья.* М., 1981. С. 242. Рис. 70; *Худяков Ю. С.* Погребения по обряду труположения VI—XIV вв. в Минусинской котловине//Историческая этнография, традиции и современность. Л., 1983.
- 40 *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы... С. 149, 150; *Степи Евразии...* Рис. 104.
- 41 *Арсланова Ф. Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья... С. 100. Сводн. табл.; *Степи Евразии...* С. 192—196.
- 42 *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники... С. 149. Сноска 109.
- 43 *Степи Евразии...* С. 218.
- 44 *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники... С. 150, 152.
- 45 *Худяков Ю. С.* Погребения по обряду труположения... С. 143.
- 46 *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники... С. 122, 123, 145; *Плетнева С. А.* Печенеги, торки, половцы//Степи Евразии в эпоху средневековья... С. 218.
- 47 *Могильников В. А.* Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII—XIV вв.//Степи Евразии... С. 194.
- 48 *Марудан А. Х.* Третий сезон...
- 49 *Гаврилова А. А.* Могилы поздних кочевников у горы Суханихи//СА. 1964. № 2; *Длужневская Г. В.* Отчет, 1971 г. ...; *Норбу Т. Ч.* Отчет, 1978 г. ...; *Длужневская Г. В.* Отчет, 1975 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5791; *Боталов С. Г.* Сообщение на совещании по проблемам средневековой археологии Урала и Поволжья в г. Уфе, 16 ноября 1983 г.//Архив ИИЯЛ БФ АН СССР.
- 50 *Савинов Д. Г.* Об основных этапах развития этнокультурной общности кипчаков на юге Западной Сибири//История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 60. Ссылки 28—31.
- 51 *Боталов С. Г.* Доклад на конференции, посвященной проблемам средневековой археологии Урала и Поволжья.
- 52 *Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., Хлебникова Т. А.* и др. Археологические памятники у села Рождествено. Казань, 1962; *Халикова Е. А.* Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР в 1961 г.//КСИА, 1965. Вып. 104.
- 53 *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники... С. 159.

Заключение

Итак, мы постарались показать, что археологические памятники XII—XIV вв., известные в настоящее время в степной полосе Южного Урала, представляют собой достаточную емкую источниковую базу для выяснения некоторых ключевых моментов этнической истории региона. Результаты хронологического и типологического анализа материала в сочетании с данными исторической этнографии, полученными в основном из нарративных и фольклорных (мифологических) памятников, позволяют воссоздать основные этапы формирования этнической карты Приуралья в эпоху средневековья. Так, разделение курганов XII—XIV вв. на три хронологические группы подтверждает, в частности, выводы исследователей о массовом заселении южноуральских степей кыпчакскими племенами не ранее середины XIII в., хотя их спорадическое проникновение в регион в XII в. документируется немногочисленными памятниками домонгольского периода (XII — начала XIII в.). Причем уже в это время на Южном Урале наряду с признаками обряда, характерными для синхронных памятников южнорусских степей (земляные курганы, простые могильные ямы, западная ориентировка умерших, череп и кости ног коня в могиле, половецкие статуи I типа), проявляются и некоторые черты культурного своеобразия данного региона: присутствуют погребения, по данным Г. А. Федорова-Давыдова появившиеся к западу от Волги не ранее золотоордынского времени (в яме с уступами вдоль длинных стенок и черепом и костями ног коня на северном уступе — тип БIV, с восточной ориентировкой в могиле с уступом, на котором также череп и кости ног коня — тип ГIII, остатки конской шкуры в ногах погребенного — тип БХХV, захоронение с плечевой костью лошади).

Массовое расселение кыпчаков на Южном Урале в золотоордынский языческий период (вторая половина XIII—XIV вв.), очевидно, было связано с административной политикой золотоордынских ханов, выразившейся в истреблении половецкой (и, надо полагать, кыпчакской) знати¹ и переселении местных кочевых племен на новые территории (черных клобуков — с Днепра в Поволжье)².

В степях Южного Урала эта политика проявилась в остановке здесь (вероятно, искусственной) кыпчакских племен, пришедших с востока под натиском монголо-татар или в составе монголо-татарского нашествия, и расселении их в соответствии с привычными для различных родо-племенных группировок природными условиями: в качестве примера можем привести локализацию каменных курганов в восточных, предгорных районах и земляных — в западных, равнинных.

Этнокультурным родством кочевников урало-волжских степей объясняется формально-типологическая близость погребального обряда заволжских и западных южноуральских курганов, и в частности, присутствие в Приуралье элементов, ранее считавшихся локальным признаком памятников Нижнего Поволжья (курганы с сырцовыми конструкциями в насыпи, могилы с подбоями, остатки тризны и заупокойной пищи).

Различия между памятниками кочевников, расположенными к западу и востоку от Волги, подтверждают выводы исследователей о выделении южнорусских степей в самостоятельную территориально-культурную область — Половецкую степь³. В то же время параллели в погребальных памятниках Урало-Поволжья и кыпчакских курганах Сибири и Восточного Казахстана указывают, на наш взгляд, на более четкую локализацию Дешт-и-Кыпчак средневековых письменных источников. Западная граница этой территории проходила по междуречью Волги и Иловли, а районы Куйбышевского Заволжья, степной полосы Южного Урала и лесостепного Приуралья составляли ее северную периферию.

Образование государства Золотой Орды, появление в Поволжье городов и стационарных поселков, относительно четкая локализация отдельных племенных группировок кочевников (царевская, быковская группы курганов в Поволжье, восточная группа — на Южном Урале), появление в регионе крупных могильников (Новый Кумак, Мокринский, Быковский, Царевский, Бахтияровка) свидетельствуют о переходе населения Дешт-и-Кыпчак к третьей стадии кочевания, т. е. полуоседлости⁴.

Третья стадия кочевания предопределяет этническую стабильность региона. В степях Урало-Поволжья это прослеживается, в частности, в реминисценциях кыпчакского языческого обряда, зафиксированных в памятниках золотоордынского мусульманского периода: земляные и каменные курганы над могилами, ямы с заплечиками и перекрытиями, дощатые гробы и колоды.

Археологические памятники позволяют внести некоторые коррективы в вопрос о времени фактического утверждения ислама среди основной массы кыпчаков урало-волжских степей. Судя по имеющемуся материалу, произошло это не ранее середины XIV в. Основанием для подобного утверждения являются, прежде всего, известные сейчас в Приуралье и Заволжье языческие кыпчакские курганы, помимо прочего инвентаря и в ряде случаев конских захоронений содержащие монеты золотоордынского хана Джанибека (1342—1357 гг.): Царев I, кург. 15; Харьковка, гр. Б, кург. 2; Андреевский; Тлягуловский, кург. I; Мокринский, кург. 6, 8; а кроме того, самое позднее из известных в Урало-Волжском регионе курганное захоронение (Калиновка, кург. 21) датируется монетой Пулад-хана (1407—1412 гг.).

Имеющийся археологический материал вплотную подводит нас к проблеме этнополитической структуры Дешт-и-Кыпчак в золотоордынское время. Известное из письменных источников деление Золотой Орды на три удела (или юрта): улус Бату (собственно Золотая Орда), улус Шибана (Синяя Орда) и Орды-Еджека (Белая Орда)⁵ — не проиллюстрировано пока археологическими памятниками. Мы пока не можем даже наметить схему территориального соотношения Южного Урала и Золотой Орды (имеются в виду все три улуса), поскольку предполагаемые

границы улусов до сих пор реконструировались или вообще без учета данных археологии, или со ссылкой на крайне ограниченные отрывочные сведения. Так, построенное на констатации резкого отличия восточных погребений XIII—XIV вв. от казахстанских предположение о том, что граница между улусом Бату и Шибана пролегла «где-то между Уралом и Волгой»⁶, нуждается сейчас в некотором дополнении, поскольку, как мы убедились выше, курганы XIII—XIV вв. на всей территории от Волги до предгорий Южного Урала представляют собой единый типологический, а следовательно, и этнокультурный массив. И если верно предположение исследователей о совпадении административных границ золотоордынских улусов с границами племенных группировок, то территорию улуса Шибана (Синей Орды), вполне вероятно, придется искать где-то в районах распространения курганов восточной группы Южного Урала.

Реконструкция этнополитической структуры Дешт-и-Кыпчак — большая и очень важная тема специального исследования, одинаково необходимого как для написания истории кочевников Евразии, так и для реконструкции многих, еще неясных моментов этногенеза тюркоязычных народов Урало-Поволжья.

¹ Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 27, 28.

² Он же. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 152.

³ Плетнева С. А. Половецкая земля//Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.

⁴ Она же. Кочевники средневековья. М., 1982. С. 81, 82.

⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй... С. 57, 58; Мингулов Н. Н. К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды//Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981. С. 95.

⁶ Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй... С. 58.

Приложения

Приложение 1

Список курганных могильников кыпчакского времени на Южном Урале и в Приуралье

Башкирская АССР

1. Сынтыштамакский. Дер. Сынтыштамак, Благоварский район, правый берег р. Чермасан. В 1966, 1967, 1969 гг. С. М. Васюткин на юго-западной окраине деревни исследовал семь курганов XII—XIV вв.

Васюткин С. М. Отчет 1966 г.; *Он же.* Отчет 1967 г.; *Он же.* Отчет 1969 г.; Археологическая карта Башкирии (далее — АКБ). М., 1976. С. 61, 62. № 324.

2. Охлебининское городище. Село Охлебинино, Иглинский район, устье р. Сим (правый приток р. Белая), К северо-востоку от села вверх по течению р. Сим, на территории Охлебининского городища эпохи раннего железа, в 1973 г. было исследовано три погребения начала XIII в.

Иванов В. А. Погребения средневековых кочевников на территории Охлебининского городища//СА. 1977. № 1.

3. Шах-Тауское погребение. Гора Шах-Тау, Стерлитамакский район. В 1960 г. на юго-восточном склоне горы, возле г. Стерлитамака, при земляных работах было найдено погребение XII—XIII вв.

Викторова В. Д. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии//ВАУ. Свердловск, 1962. Вып. 4. С. 170; АКБ. С. 154. № 1330.

4. Курганы у пос. Комсомол. Баймакский район, верховья р. Сакмары. В 1973 г. А. Х. Пшеничнюк исследовал три кургана XII—XIV вв.

Пшеничнюк А. Х. Отчет, 1973 г.

5. IV Ивановские курганы. Хайбуллинский район. Справа от дороги из с. Ивановка в с. Бурибай в 1974 г. А. Х. Пшеничнюк исследовал один курган XIII—XIV вв.

Пшеничнюк А. Х. Отчет, 1974 г.

6. II Тавлыкаевский могильник. Баймакский район, в окрестностях с. Тавлыкаево, на левом берегу р. Сакмары Ю. А. Морозов в 1973 г. исследовал два впускных погребения XIII—XIV вв. (курганы 7 и 8).

Морозов Ю. А. Отчет, 1973 г.

7. Башкир-Беркутовские курганы. Дер. Башкир-Беркутово, Кугарчинский район, левый берег р. Ик. В 1968—1970 гг. А. Н. Мажитовым и Б. Б. Агеевым на северо-восточной окраине деревни исследованы три кургана XIII—XIV вв.

АКБ. С. 182. № 1644; *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977.

8. II Юлдыбаевские курганы. Дер. Юлдыбаево, Зилаирский район. В 1963 г. М. Х. Садыковой на северо-восточной окраине деревни исследованы два каменных кургана XIII—XIV вв.

Садыкова М. Х. Отчет, 1963 г.; АКБ. С. 186. № 1700.

9. II Ишкуловские курганы. Село Ишкулово, Абзелиловский район, левый берег р. Большой Кизил. Памятник открыт в 1983 г. Ю. А. Морозовым, раскопавшим один курган. В 1984 г. В. А. Ивановым раскопаны еще 11 каменных курганов XIII—XIV вв.
Морозов Ю. А. Отчет, 1983 г.; *Иванов В. А.* Отчет, 1984 г.

Оренбургская область
(левобережье р. Урал)

10. Могильник Новый Кумак, Новоорский район, северо-восточная окраина г. Орска. Курганы расположены на возвышенности левого берега р. Кумак у пос. Новокумакский. Исследовано 32 средневековых погребения в разное время: 1958, 1959, 1962 гг. — М. Г. Мошковой; 1971, 1972, 1973 гг. — К. Ф. Смирновым; 1979 г. — В. А. Кригером и С. Н. Заседателевой; 1980 г. — С. Н. Заседателевой.
Мошкова М. Г. Отчеты за 1958, 1959, 1962 гг. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 1820, 2034, 2543; *Смирнов К. Ф.* Отчеты за 1971—1973 гг. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 4510, 4814, 5036; *Кригер В. А., Заседателева С. Н.* Отчет за 1979 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 7874; *Заседателева С. Н.* Отчет, 1980 г. // Архив ИА АН СССР; *Кригер В. А.* Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника (Оренбургская область) // СА. 1983. № 3. С. 171—187.
11. Новоорский могильник. Новоорский район, пос. Новоорский. Курганы расположены на возвышенности «Золотая горка» на правом берегу р. Кумак, юго-западнее пос. Новоорский и к северо-востоку от г. Орска. В 1980 и 1981 гг. С. Н. Заседателева исследовала два средневековых погребения.
Заседателева С. Н. Отчеты, 1980, 1981 гг. // Архив ИА АН СССР; *Она же.* Исследование Новоорского I могильника // АО 1981 г. М., 1983. С. 146, 147.
12. Карагачские курганы. Дер. Карагач, Беляевский район. Курганы расположены к северу от деревни, на берегу р. Урта-Буртя, левом притоке р. Урал. В 1975 г. Н. А. Мажитов исследовал два средневековых кургана.
Мажитов Н. А. Отчет 1975 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 5395; *Он же.* Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977. С. 112—118.
13. Жанаталапские I курганы. Беляевский район, дер. Жанаталап. Курганы расположены на правом берегу р. Урта-Буртя, к северо-востоку от деревни. В 1975 г. Н. А. Мажитов исследовал там два средневековых кургана.
Мажитов Н. А. Отчет 1975 г.; *Он же.* Южный Урал в VII—XIV вв. С. 112—118.
14. Жанаталапские II курганы. Беляевский район, д. Жанаталап. Курганы расположены к юго-востоку. В 1975 г. Н. А. Мажитов в кургане I исследовал впускное погребение эпохи средневековья.
Мажитов Н. А. Отчет 1975; *Он же.* Южный Урал в VII—XIV вв.
15. Могильник Урта-Буртя. Беляевский район. Курганы расположены на левом берегу р. Урта-Буртя. В 1982 г. В. А. Иванов исследовал 9 средневековых курганов.
Иванов В. А. Отчет. 1981 г. // Архив ИА АН СССР.

16. Уральские 1 курганы. Кувандыкский район, пос. Урал. Курганы расположены к западу от посёлка, на краю надпойменной террасы левого берега р. Урал, в устье р. Кыялы-Буртя. В 1981—1982 гг. В. А. Иванов исследовал 5 курганов эпохи средневековья.
Иванов В. А. Отчеты, 1981. 1982 гг.//Архив ИА АН СССР.
17. Могильник Увак. Акбулакский район, пос. Увак. Курганы расположены на правом берегу р. Илек между пос. Увак и пос. Кумакский. В 1957 г. К. Ф. Смирнов исследовал одно средневековое погребение в кургане 3, в 1960 г. Э. А. Федорова-Давыдова исследовала средневековое погребение в кургане 10.
Смирнов К. Ф. Отчет, 1957 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 1686; *Федорова-Давыдова Э. А.* Отчет, 1960 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 2227.
18. Могильник Пчельник. Соль-Илецкий район, дер. Пчельник. Курганы расположены на территории деревни, в 1 версте от крепости Илецкая Защита (ныне г. Соль-Илецк). Исследование могильника начал Ф. Д. Нефедов в 1884 г. и раскопал 31 курган (документация не сохранилась), в 1887 г. он же продолжил раскопки семи средневековых курганов.
Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1883 гг.// МАВГР. М., 1899. Т. III. С. 21. 22.
19. Курганы у пос. Изобильный. Соль-Илецкий район. Курганы расположены в урочище Тимашев Колок, севернее крепости Илецкая Защита. В 1887 г. Ф. Д. Нефедов исследовал два средневековых кургана (1 и 3).
Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях... С. 25.
20. Могильник Мертвецовский. Соль-Илецкий район. Курганы расположены у пос. Мертвецовский, к юго-западу от Илецкой Защиты. В 1887 г. Ф. Д. Нефедов раскопал два средневековых кургана (5 и 8).
Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях... С. 22—24.
21. Курганы в урочище Лиман, Соль-Илецкий район. Курганы расположены на возвышенности берега р. Ветлянки, правый приток р. Илек, недалеко от пос. Мертвецовский. В 1887 г. Ф. Д. Нефедов в курганах 2 и 3 раскопал 2 погребения эпохи средневековья.
Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях... С. 26, 27.
22. Курганный могильник Тама-Уткуль (Черный Яр. Соль-Илецкий район, левый берег р. Илек. На отдельной горе, к востоку от с. Тамар-Уткуль расположена группа разновременных курганов, среди которых в 1983 г. были исследованы 2 кургана XIII—XIV вв. (курганы 7 и 10).
Горбунов В. С., Иванов В. А. Отчет, 1983 г.//Архив ИА АН СССР.
23. Линевские курганы. Соль-Илецкий район, правый берег р. Урал. Севернее с. Линевка, на краю надпойменной террасы р. Илек находится большая группа курганов, в одном из которых в 1982 г. было обнаружено средневековое погребение.
Иванов В. А. Отчет, 1982 г.

Правобережье р. Урал

24. Алабайталский курган. Беляевский район, пос. Алабайтал. Оди-
почный курган эпохи средневековья раскопан Н. А. Мажитовым в
1975 г.

Мажитов Н. А. Отчет, 1975 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 5395; *Он же.* Южный Урал в VII—XIV вв. С. 13.

25. Новочеркасские седьмые курганы. Саракташский район, пос. Ново-
черкасск. Курганы расположены к северо-востоку от поселка.
В 1980—1981 гг. В. А. Иванов раскопал два средневековых кургана.

Иванов В. А. Курганы кыпчаков в среднем течении р. Урал//Памятники кочевников Южного Урала, Уфа, 1984.

26. Каменноозерные курганы. Оренбургский район, пос. Каменноозер-
ный. Курганы расположены у поселка на возвышенности. В 1975 г.
Н. А. Мажитов исследовал один курган с двумя средневековыми по-
гребениями.

Мажитов Н. А. Отчет, 1975 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 5395; *Он же.* Южный Урал в VII—XIV вв. С. 112—118.

27. Курган у пос. Благословенка. Оренбургский район. В 1935 г.
И. А. Зарецкий был исследован разрушенный строителями курган на
р. Бердянке, содержащий средневековое погребение.

Зарецкий И. А. Отчет о раскопках у пос. Благословенка в 1935 г.//Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.; Л., 1941. С. 152.

28. Неженские курганы. Оренбургский район, пос. Неженка. В 1927 г.
О. А. Кривцова-Гракова в урочище Красный Яр исследовала средне-
вековое погребение в кургане 2.

Кривцова-Гракова О. А. Погребение поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г.//ТСА РАНИОН. 1928 г. Т. IV. С. 289.

29. Белошاپочные курганы. Халиловский район, хутор Белошاپочный.
В 1929 г. И. А. Зарецкий раскопал четыре средневековых кургана с
мужским (3) и женскими (2, 4, 5) захоронениями. Документация не
сохранилась. В экспозиции Оренбургского краеведческого музея пред-
ставлены предметы сопровождающего инвентаря.

Экспозиция Оренбургского краеведческого музея.

30. Башкирское стойло. Пос. Башкирское стойло. О. А. Кривцова-Гракова
исследовала три впускных средневековых погребения в курганах
3 и 4.

Кривцова-Гракова О. А. Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г.//ТСА РАНИОН... Т. IV.

31. Россыпинские курганы. Илекский район, правый берег р. Урал.
К востоку от с. Россыпная в 1975 г. Н. А. Мажитов исследовал два
кургана XIII—XIV вв.

Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. С. 112—118.

32. Липовские курганы. Бузулукский район, пос. Липовка. Курганы рас-
положены на возвышенности Большие Шиханы. В 1966 г. К. Ф. Смир-
нов исследовал впускное погребение эпохи средневековья (кург. 10,
погр. 1).

Смирнов К. Ф. Отчет, 1966 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 3273.

33. Тлявгуловские курганы. Кувандыкский район, правый берег р. Сакмары (правый приток р. Урал). К западу от г. Кувандык, на горе Ала-Теке-тау в 1980 г. были исследованы четыре кургана середины XIV в., один из которых — кенотаф (кург. 3).
Иванов В. А. Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал//Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984.
34. Имангулово 2-е, курганная группа III. Октябрьский район, пос. Имангулово 2-е. Курганы расположены в 600 м южнее поселка, на возвышенности левого берега р. Салмыш. В 1974 г. Н. А. Мажитов и Н. Г. Рутто исследовали один курган эпохи средневековья.
Мажитов Н. А., Рутто Н. Г. Отчет. 1974 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 5500.
35. Октябрьские курганы. Октябрьский район, пос. Октябрьский. Курганы расположены к западу от поселка, на правом берегу р. Большой Гумбет. В 1974 г. Н. А. Мажитов и Н. Г. Рутто исследовали средневековое погребение.
Мажитов Н. А., Рутто Н. Г. Отчет, 1974 г.//Архив ИА Р-1. Д. 5500.
36. Андреевский курган. Дер. Андреевка Саракташского района. К северо-западу от деревни, на левом берегу р. Большой Ик в 1984 г. раскопан А. Х. Пшеничнюком каменный одиночный курган; содержащий погребение середины XIV в.
Пшеничнюк А. Х. Отчет, 1984 г.//Архив ИА АН СССР.
37. Могильник Хабарный 1. Гайский район, пос. Хабарное (ныне Шевченко). На правом берегу р. Урал в 1958 г. М. Г. Мошкова обнаружила группу каменных курганов. В 1984 г. В. А. Ивановым на могильнике раскопано 7 курганов XIII—XIV вв.
Мошкова М. Г. Отчет, 1959 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 2034; *Иванов В. А.* Отчет, 1984 г.//Архив ИА АН СССР.
38. Рычковка 1. Переволоцкий район, правый берег р. Урал. На вершине горы, к западу от с. Рычковка в 1982 г. было исследовано одно погребение, совершенное на ранее XIV в. (курган 3).
Иванов В. А. Отчет, 1982 г.//Архив ИА АН СССР.
39. Курганы в урочище Белый Ключ. Илекский район, правый берег р. Урал. В 1982, 1983 гг. к северо-востоку от с. Мустаево были исследованы два кургана XIII—XIV вв. (курганы 5 и 9). Один из них, курган 9, разграблен.
Горбунов В. С., Иванов В. А. Отчет, 1983 г.//Архив ИА АН СССР.
40. Курганный могильник «Красный Яр». Илекский район, правый берег р. Урал. В 1984 г. во время раскопок сарматского могильника, расположенного к западу от с. Студеного, в одном из курганов (кург. 17), А. Х. Пшеничнюк обнаружил впускное погребение XII—XIII вв.
Пшеничнюк А. Х. Отчет, 1984 г.//Архив ИА АН СССР.

Актюбинская область

41. Могильники Худай-Берген III и IV. Ленинский район (ранее Оренбургская область), аул Худай-Берген. Каменные курганы расположены на невысокой гряде левого берега р. Урал, могильники разде-

лены оврагом. В 1928 г. Б. Н. Граков исследовал 6 средневековых курганов в III могильнике (кург. 1, 5, 7, 10, 12, 15) и 6 средневековых курганов в IV могильнике (кург. 3, 4, 5, 6, 9, 10).

Граков Б. Н. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций// Известия ГАИМК. 1935. Вып. 110. С. 96 и сл.

42. Каргалинские курганы. Актюбинский район, бассейн р. Жаксы-Каргалы. Курганы расположены на возвышенности к северо-востоку от г. Актюбинска, на правом берегу р. Жаксы-Каргалы. В 1906 и 1909 гг. И. А. Кастанье раскопал пять средневековых курганов с камнем в насыпях.

Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края//Труды ОУАК. Оренбург, 1910. Вып. XXII. С. 69, 70.

43. Каратугайский могильник. Мартуковский район, пос. Каратугай. Курганы расположены на правом берегу р. Илек, по обеим сторонам дороги из г. Соль-Илецк в г. Актюбинск, на 67-й версте у аула 1. В 1888 г. Ф. Д. Нефедов раскопал три средневековых кургана (2, 3, 4).

Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887—1888 гг.//МАНГР. М., 1899. Т. III. С. 20.

44. Курган Батпакты. Уильский район. В урочище Грязная речка в Кишло-Уильской волости, у аула 17, недалеко от устья р. Киил, на правом берегу р. Уил разрушено богатое погребение. Описание погребального обряда и инвентаря указывают на его средневековую принадлежность.

Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях...

45. Могильник Шпаки II. Актюбинский район, верховья р. Каргалы. В 1976 г. В. В. Родионов раскопал два средневековых погребения в кургане 2.

Родионов В. В., Петров Н. И. Отчет, 1976 г.//Архив ИИАЭ АН КазССР.

46. Куагашский могильник. Комсомольский район. В 1978 г. В. В. Родионов раскопал средневековое погребение.

Родионов В. В., Петров Н. И. Отчет, 1978 г.//Архив ИИАЭ АН КазССР.

Уральская область

(левобережье р. Урал, азиатская часть)

47. Мамбеталы, I могильник. Тайпакский район, пос. Мамбеталы. Курганы расположены по гребню восточной части Индерской возвышенности западнее пос. Мамбеталы и северо-восточнее пос. Индерборский Гурьевской области. Среди разновременных погребений в 1980 г. В. А. Кригер исследовал 4 средневековых кургана.

Мошкова М. Г., Железчиков Б. Ф., Кригер В. А. Отчет, 1980 г.//Архив ИИАЭ АН КазССР.

48. Базартобе, I могильник. Тайпакский район, пос. Базартобе. Курганы расположены на надпойменной возвышенности р. Урал, справа у автодороги из г. Уральска в г. Гурьев, северо-восточнее пос. Базартобе.

В нескольких могильниках насчитывается до 400 насыпей. В 1979 г. В. А. Кригер исследовал два средневековых погребения.

Железчиков Б. Ф., Кригер В. А. Отчет, 1979 г.//Архив ИИАЭ АН КазССР.

49. Караултобе, I могильник. Тайпакский район, пос. Караултобе. Курганы расположены на второй надпойменной террасе р. Урал севернее пос. Караултобе. В 1978 г. В. А. Кригер исследовал 5 курганов (мазаров с сырцовыми сооружениями) с 7 средневековыми погребениями.

Мошкова М. Г., Железчиков Б. Ф., Кригер В. А. Отчет. 1978 г.//Архив ИИАЭ АН КазССР.

50. Мамбетбай, курганная группа. Теректинский район, пос. Социализм. Курганы расположены на высоком левом берегу р. Урал в местности Мамбетбай. В 1980 г. Б. Ф. Железчиков, В. А. Кригер раскопали три кургана с 4 средневековыми погребениями.

Мошкова М. Г., Железчиков Б. Ф., Кригер В. А. Отчет, 1980 г.//Архив ИИАЭ АН КазССР.

51. Челкар, III, IV, V могильники. Ажжаикский район (ранее Теректинский). Курганы расположены на возвышенности Сантас, на северной оконечности оз. Челкар. Несколько десятков курганов условно разделены на пять могильников. В 1970 г. Г. А. Кушаев исследовал 4 средневековых погребения в IV и V могильниках (2, 3, 4, 5), в 1971 г. I погребение раскопано в III могильнике (16).

Кушаев Г. А. Отчет, 1970, 1971 гг.//Архив ИИАЭ АН КазССР; Кушаев Г. А. Археологические исследования в Западном Казахстане//АО 1971. М., 1972. С. 498, 499; Кокубаева Г. К. Памятники поздних кочевников Западного Казахстана//История материальной культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980.

52. Барбастау, I могильник. Теректинский район, пос. Узунколь с/х им. XVIII партсъезда. Курганы расположены на возвышенности правого берега р. Барбастау и сосредоточены в нескольких могильниках. В 1973 г. Г. А. Кушаев и Б. Ф. Железчиков раскопали в I могильнике курган-мазар из жженого квадратного кирпича, в котором обнаружено 4 средневековых погребения с монетами хана Уруса 782 х. чекан в Сарай-ал-Джедит.

Кушаев Г. А., Железчиков Б. Ф. Отчет, 1973 г.//Архив ИИАЭ АН КазССР.

53. Федоровка, западная граница. Теректинский район, пос. Федоровка. Курганы расположены в верховьях р. Барбастау. В 1927 г. П. С. Рыков раскопал средневековое погребение в кургане 1.

Рыков П. С. Отчет, 1927 г.//Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. Д. 187.

54. Подстепное, курганная группа. Теректинский район, пос. Подстепное. Курганы расположены на западной окраине поселка. В 1927 г. П. С. Рыков раскопал два средневековых кургана (1 и 2), один мазар с кладкой из сырцового кирпича и коллективным захоронением.

Рыков П. С. Отчет, 1927 г.//Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. Д. 187.

55. Лебедевка, II, IV могильники. Чингирлауский район, пос. Лебедевка. Курганы расположены на возвышенности Есень-Амантау по линии север—юг. У северной оконечности находится пос. Лебедевка Чингирлауского района, у южной — пос. Егендыколь Каратобинского района. Несколько сотен курганов разделены нами на восемь могиль-

ников. Открыл могильники и произвел исследования в 1966—1967 гг.

Г. И. Багриков двух средневековых курганов во II и IV могильниках. Багриков Г. И., Сенигова Т. Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II—IV и XIV вв.)//Известия АН КазССР. Серия общественная. 1968. № 2. С. 86—89.

56. Лебедевка, VI, VIII могильники. Каратобинский район, пос. Егендыколь. В 1977—1980 гг. исследования курганов в могильниках Лебедевка продолжили М. Г. Мошкова, Б. Ф. Железчиков, В. А. Кригер. В могильнике Лебедевка VI исследовано два средневековых кургана (10 и 11) в 1979 г., в могильнике Лебедевка VIII исследовано в 1978 г. четыре средневековых кургана (1, 3, 5, 6).

Мошкова М. Г., Железчиков Б. Ф., Кригер В. А. Отчеты, 1978, 1979 гг.//Архив ИИАЭ АН КазССР; Кригер В. А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка Уральской области//Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984. С. 102—116.

57. Алебастрово, I могильник. Теректинский район, пос. Алебастровый. Курганы расположены на возвышенности между пос. Алебастровым и пос. Долинским, на левом берегу р. Урал. В 1974 г. Г. А. Кушаев и Б. Ф. Железчиков раскопали пять средневековых курганов (6—9, 14).

Кушаев Г. А., Железчиков Б. Ф. Отчет, 1974 г.//Архив ИИАЭ АН КазССР; Кокибаева Г. Н. Памятники поздних кочевников Западного Казахстана//История материальной культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980.

58. Алебастрово, II могильник. Теректинский район, пос. Алебастровый. Курганы расположены восточнее I могильника. В 1975 г. Б. Ф. Железчиков исследовал три средневековых погребения, в 1976 г. Б. Ф. Железчиков и В. А. Кригер исследовали одно средневековое погребение.

Кушаев Г. А., Железчиков Б. Ф. Отчет, 1974 г.//Архив ИИАЭ АН КазССР; Железчиков Б. Ф., Кригер В. А. Отчет, 1976 г.//Архив ИИАЭ АН КазССР; Кригер В. А., Железчиков Б. Ф. Позднекочевнические погребения у пос. Рубежка и Алебастрово Уральской области//СА. 1980. № 1. С. 300—306.

59. Жарсуат, I группа. Бурлинский район, пос. Жарсуат. Курганы находятся на северо-восточной окраине поселка. В 1980 г. Б. Ф. Железчиков, В. А. Кригер исследовали два средневековых кургана (1, 4), в кургане 4 обнаружена монета хана Узбека, чеканенная в Сарай-ал-Махруса в 30-е гг. XIV в.

Мошкова М. Г., Железчиков Б. Ф., Кригер В. А. Отчет, 1980 г.//Архив ИИАЭ АН КазССР.

Приложение 2

Перечень признаков для статистической обработки погребального обряда курганов XII—XIV вв. на Южном Урале

Фаза А. Характеристика надмогильных сооружений

1. Диаметр насыпи

- 1 = до 4 м
- 2 = 4, 1—6 м
- 3 = 6, 1—10 м
- 4 = 10, 1—12 м
- 5 = 12, 1—16 м
- 6 = 16, 1 и более м

2. Высота насыпи

- 7 = до 0,2 м
- 8 = 0,21—0,5 м
- 9 = 0,51—1 м
- 10 = 1,1 и более м

3. Структура насыпи

- 11 = земляная
- 12 = земляная с отдельными включениями камня
- 13 = каменное кольцо на древнем горизонте, внутри него могут быть отдельные камни
- 14 = сплошь каменная («черепаша»)

- 15 = каменная наброска только над могилой
- 16 = каменная оградка
- 17 = оградка из сырцового кирпича
- 18 = сложное сооружение из жженого кирпича
- 19 = насыпь развезена

4. Следы огня в насыпи

- 20 = кострище
- 21 = отдельные угольки
- 22 = нет следов огня

5. Остатки тризны в насыпи (кости животных)

- 23 = крупный рогатый скот
- 24 = лошадь
- 25 = овца (баран)
- 26 = лошадь и овца
- 27 = вид животного не определен
- 28 = костей животных нет

Фаза Б. Характеристика плана кургана

1. Количество одновременных погребений

- 29 = одно
- 30 = два и более

2. Место данного погребения в кургане

- 31 = основное
- 32 = впускное

3. Хронологическое место впускных погребений в кургане

- 33 = есть более древнее

Фаза В. Характеристика могильных ям

1. Деревянные конструкции в могиле

- 34 = перекрытие на древнем горизонте
- 35 = перекрытие на заплечиках
- 36 = перекрытие на засыпи могилы

- 37 = перекрытие в яме с одной ступенькой
- 38 = перекрытие на вертикально поставленных плахах
- 39 = перекрыт подбой
- 40 = могила перекрыта камышом
- 41 = могила перекрыта корой

42=могила перекрыта деревом и корой

43=не определено

44=нет перекрытия

2. Заполнение могильных ям

45=заложена сырцовым кирпичом

46=забутована камнем

47=заполнение земляное

3. Форма могильных ям

48=прямоугольная простая

49=прямоугольная с суживающимися ко дну стенками

50=ступенька вдоль северной стенки

51=ступенька вдоль южной стенки

52=ступенька с западной стороны

53=уступы вдоль длинных стенок

54=уступы вдоль всех четырех сторон

55=могила с подбоем, дно входа и подбоя находятся на одном уровне

56=могила с подбоем и ступенькой во входе

57=погребение в насыпи

58=форма не определена

4. Ритуальные вещества и кости животных в заполнении могилы

59=уголь, зола

60=мел

61=остатки тризны в виде костей животных

Фаза Г. Характеристика захоронений коня с человеком

62=целый остов на древнем горизонте отдельно от человека

63=целый остов в отдельной яме

64=череп и кости ног слева

65=череп и кости ног в заполнении могилы

66=череп и кости ног на деревянном перекрытии

67=не установлено

68=череп или кости ног

69=целый остов

70=всего захоронений коня

71=морда коня в соответствии с ориентировкой человека

72=конь ориентирован в противоположную сторону от человека

73=не установлено

74=нет захоронений коня, но есть предметы сбруи

74а=целый остов на ступеньке слева или справа от человека

Фаза Д. Характеристика обряда погребений

1. Тип погребения

75=индивидуальное

76=коллективное

76а=кенотаф

2. Пол погребенного

77=мужчина

78=женщина

79=подросток

80=взрослый, пол не установлен

81=не установлен

83=восток

84=север

85=юг

86=юго-запад

87=юго-восток

88=северо-запад

89=северо-восток

90=смешанная

91=нет скелета

92=не установлено

4. Поза погребенного

93=вытянуто на спине

94=полускорчен на правом боку

95 = полускорчен на левом боку

96 = другая поза

97 = не установлено

5. Положение рук

98 = вдоль туловища

99 = правая согнута, кисть на тазе

100 = левая согнута, кисть на тазе

101 = обе согнуты, кисти на тазе

102 = правая рука на груди

103 = левая рука на груди

104 = обе на груди

105 = другое положение

106 = не установлено

6. Положение черепа

107 = на затылке

108 = на левом виске

109 = на правом виске

110 = череп в стороне, скелет не разрушен

111 = положение черепа не установлено

Фаза Е. Характеристика ритуала погребения

1. Вид гробовища

112 = дощатый гроб

113 = колода

114 = рама из досок

115 = не установлено

116 = нет гроба

2. Вид подстилки

117 = войлок

118 = камыш, трава

119 = кора

120 = войлок, камыш, кора

121 = другие материалы

122 = не определено

123 = нет подстилки

3. Загробная пища в могиле

124 = овца

125 = крупный рогатый скот

126 = лошадь

127 = овца, лошадь

128 = овца, крупный рогатый скот

129 = овца, лошадь, крупный рогатый скот

130 = рыба

131 = птица

132 = другие сочетания

133 = вид животного не определен

134 = костей животных нет

4. Ритуальные вещества

на дне могилы

135 = уголь, зола

136 = мел в кусках

137 = краска

138 = мел в порошке

139 = смешанные

140 = ритуальных веществ нет

5. Части туш животных в могиле

141 = передняя нога

142 = задняя нога

143 = лопатка

144 = позвонки

145 = ребра

146 = крестец

147 = череп

148 = туша целиком

149 = туша без черепа

150 = другие сочетания

151 = не определено

6. Расположение загробной пищи в могиле

152 = в ногах

153 = в изголовье

154 = справа от погребенного

155 = слева от погребенного

156 = на перекрытии или в засыпке могилы

157 = у пояса

158 = смешанное

159 = не установлено

Фаза Ж. Характеристика основного погребального инвентаря

1. Наличие удила в погребении

- 160 = с перегибом
- 161 = не установлено
- 162 = нет удила

2. Расположение удила

- 163 = в зубах конского черепа
- 164 = у черепа человека
- 165 = у ног человека
- 166 = на могильном перекрытии
- 167 = не установлено

3. Наличие стремян

- 168 = одно стремя
- 169 = два разнотипных
- 170 = два однотипных
- 171 = не определено
- 172 = стремян нет

4. Расположение стремян

- 173 = на скелете коня
- 174 = в ногах
- 175 = у черепа человека
- 176 = на перекрытии или крышке гроба
- 177 = не установлено

5. 178 = Наличие в погребении костяных наконечников стрел

6. Наличие костяных обкладок колчана

- 179 = не орнаментированные

Фаза З. Характеристика прочего инвентаря

1. Наличие серьги

- 195 = есть
- 196 = нет

2. Наличие кресала

- 197 = одностороннее
- 198 = двустороннее
- 199 = не установлено

3. Деревянная посуда

- 200 = есть
- 201 = нет

4. Металлические поясные накладки

- 202 = есть
- 203 = нет

- 180 = покрытие циркульным орнаментом

- 181 = покрытие пышным растительным или зооморфным орнаментом

7. Наличие остатков лука

- 182 = костяные срединные или концевые обкладки

8. Наличие доспехов

- 183 = кольчуга
- 184 = пластинчатый панцирь
- 185 = шлем
- 186 = наколенник или налокотник
- 186а = панцирь и шлем

9. Наличие зеркал

- 187 = целое
- 188 = диск частично сломан
- 189 = несколько обломков или обломков
- 190 = зеркала нет

10. Местонахождение монет

- 191 = во рту погребенного
- 192 = у кистей рук
- 193 = на груди
- 194 = не установлено

5. Вещи с изображением животных

- 204 = есть
- 205 = нет

6. Наличие сопровождающего инвентаря в целом

- 206 = есть инвентарь
- 207 = мало инвентаря (1—3 предмета украшений, монеты)
- 208 = инвентаря нет
- 209 = не установлено (погребение разграблено)
- 210 = наличие золотых предметов
- 211 = наличие серебряных предметов

Приложение 3

Сравнительная табл. признаков погребального обряда кыпчакских курганов Южного Урала и Заволжья

Фаза	№ признака	Количество, абс.				Частота совкупности, %			
		Южный Урал		Заволжье		Южный Урал		Заволжье	
		восточн.	запад.	быковск.	царев.	восточн.	запад.	быковск.	царев.
А. Характеристика надмогильных сооружений	1	20	11	—	1	27,7	8,9	—	1,7
	2	16	26	18	3	22,2	21,1	14,9	5
	3	13	45	79	26	18,0	36,6	65,3	43,3
	4	3	14	6	5	4,1	11,4	4,9	8,3
	5	2	10	10	9	2,7	8,1	8,3	15,0
	6	4	6	8	16	5,4	4,9	6,6	26,6
	7	38	35	4	4	52,7	28,4	3,3	6,7
	8	17	51	86	34	23,6	41,4	71,7	56,7
	9	6	17	26	14	8,3	13,8	21,7	23,3
	10	3	6	4	8	4,1	4,8	3,3	13,3
	11	—	123	130	64	—	100	100	91,4
	12	11	—	—	—	15,3	—	—	—
	13	8	—	—	—	11,1	—	—	—
	14	13	—	—	—	18,0	—	—	—
	15	34	—	—	—	47,2	—	—	—
	16	2	—	—	—	2,7	—	—	—
	17	—	6	4	2	—	4,9	3,0	2,8
	18	—	2	—	2	—	1,6	—	2,8
	19	—	—	—	2	—	—	—	2,8
	20	—	6	3	—	—	4,9	2,2	—
	21	5	5	—	4	6,9	4,0	—	5,7
	22	67	113	131	66	93,0	91,8	96,7	94,3
	23	1	6	1	—	1,4	4,9	0,7	—
	24	3	4	—	1	4,2	3,2	—	1,4
	25	—	5	6	2	—	4,0	4,5	2,8
	26	1	1	1	—	1,4	0,8	0,7	—
	27	1	5	1	—	1,4	4,0	0,7	—
	28	66	102	111	58	91,6	83,0	91,1	95,1
Б. План кургана	29	71	115	115	53	98,6	85,2	85,8	75,7
	30	1	9	14	14	1,4	6,6	10,4	20,0
	31	72	114	117	48	100,0	84,4	87,3	68,6
	32	—	20	17	22	—	14,8	12,7	31,4
	33	—	15	16	22	—	11,1	11,9	31,4
В. Характеристика могильных ям	34	1	3	—	—	1,4	2,2	—	—
	35	1	18	4	5	1,4	13,3	3,0	7,1
	36	16	25	4	7	22,2	18,5	3,0	10,0
	37	2	—	12	2	2,7	—	8,9	2,8
	38	1	1	—	—	1,4	0,7	—	—

Приложение 3 (продолжение)

Фаза	№ признака	Количество, абс.				Частота совокупности, %			
		Южный Урал		Заволжье		Южный Урал		Заволжье	
		восточн.	запад.	быковск.	царев.	восточн.	запад.	быковск.	царев.
В. Характеристика могильных ям	39	2	—	8	—	2,8	—	6,0	—
	40	—	1	—	—	—	0,7	—	—
	41	—	2	—	—	—	1,4	—	—
	42	—	2	—	—	—	1,4	—	—
	43	—	3	2	1	—	2,2	1,5	1,4
	44	49	76	104	55	68,0	56,3	77,6	78,5
	45	—	2	—	—	—	1,5	—	—
	46	12	—	—	—	16,6	—	—	—
	47	60	132	134	70	83,3	97,7	100	100
	48	52	87	72	33	72,2	64,4	57,3	47,1
	49	—	1	—	—	—	0,7	—	—
	50	11	3	18	5	15,3	2,2	13,4	7,1
	51	2	—	—	—	2,7	—	—	—
	52	—	—	—	—	—	—	—	—
	53	—	21	4	6	—	15,5	3,0	8,5
	54	—	3	—	—	—	2,2	—	—
	55	7	3	—	—	9,7	2,2	—	—
	56	—	1	4	1	—	0,7	3,0	1,4
	57	—	13	5	16	—	11,1	3,7	22,8
	58	—	2	21	9	—	1,5	15,6	12,8
	59	—	6	1	—	—	4,4	0,7	—
60	1	1	—	—	1,4	0,7	—	—	
61	3	5	1	—	4,1	3,7	0,7	—	
Г. Захоронение коня с человеком	62	—	2	—	2	—	14,3*	—	18,2*
	63	—	—	3	2	—	—	8,5*	18,2*
	64	—	3	5	1	—	21,4*	14,2*	9,1*
	65	—	—	—	—	—	—	—	—
	66	—	2	2	1	—	14,3*	5,7*	9,1*
	67	—	2	—	—	—	14,3*	—	—
	68	—	2	23	4	—	14,3*	65,7*	36,4*
	69	12	3	2	1	100*	21,4*	5,7*	9,1*
	70	12	14	35	11	16,6	10,4	26,1	15,7
	71	12	9	31	9	100*	64,3*	88,6*	81,4*
	72	—	2	2	2	—	14,3*	5,7*	18,2*
	73	—	3	4	1	—	21,4*	11,4*	9,1*
	74	3	24	25	3	4,1	17,7	18,7	4,3
74a	12	1	—	—	100*	7,1*	—	—	
Д. Характеристика обряда погребения	75	72	125	134	68	100	92,6	100	97,1
	76	—	—	—	2	—	—	—	2,9
	77	22	26	39	25	30,5	19,2	29,1	35,2

Приложение 3 (продолжение)

Фаза	№ признака	Количество, абс.				Частота совокупности %			
		Южный Урал		Заволжье		Южный Урал		Заволжье	
		восточн.	запад.	быковск.	царев.	восточн.	запад.	быковск.	царев.
Д. Характеристика обряда погребения	78	17	31	40	18	23,6	22,9	29,9	25,3
	79	5	7	8	9	6,9	5,2	6,0	12,7
	80	5	49	47	19	6,9	36,3	35,0	26,8
	81	23	18	—	—	31,9	13,3	—	—
	82	53	71	78	48	73,6	52,6	58,2	68,6
	83	2	—	4	6	2,8	—	3,0	8,6
	84	16	19	1	—	22,2	14,0	0,7	—
	85	—	—	—	—	—	—	—	—
	86	—	20	16	8	—	14,8	11,9	11,4
	87	—	—	—	—	—	—	—	—
	88	—	9	2	6	—	6,6	1,4	8,6
	89	—	—	10	—	—	—	7,5	—
	90	—	—	—	—	—	—	—	—
	91	—	1	—	—	—	0,7	—	—
	92	1	6	23	2	1,4	4,4	17,3	2,8
	93	71	114	104	65	98,6	84,4	77,6	92,8
	94	—	3	3	—	—	2,2	2,2	—
	95	—	—	—	—	—	—	—	—
	96	1	—	—	—	1,4	—	—	—
	97	—	10	27	5	—	7,4	20,1	7,2
	98	29	42	67	27	40,2	31,1	50,0	38,6
	99	6	7	12	10	8,3	5,2	9,0	14,3
	100	6	16	6	4	8,3	11,8	4,5	5,7
101	11	18	9	15	15,3	13,3	6,7	21,4	
102	—	—	—	—	—	—	—	—	
103	—	—	—	—	—	—	—	—	
104	—	—	—	—	—	—	—	—	
105	—	—	—	—	—	—	—	—	
106	17	42	49	14	23,6	31,1	29,8	20,0	
107	37	53	59	21	51,4	39,2	44,0	30,0	
108	4	12	3	18	5,5	8,9	2,2	25,7	
109	9	20	15	14	12,5	14,8	11,2	20,0	
110	—	—	—	1	—	—	—	1,4	
111	3	2	57	16	4,1	1,5	42,6	22,9	
Е. Характеристика ритуала погребения	112	18	41	6	7	25,0	30,4	4,5	10,0
	113	6	24	—	1	8,3	17,7	—	1,4
	114	2	13	—	—	2,7	9,6	—	—
	115	3	—	—	—	4,1	—	—	—
	116	1	6	128	62	1,4	4,4	95,5	88,6
	117	1	4	—	—	1,4	2,9	—	—
	118	3	—	1	2	4,1	—	0,7	2,9

Приложение 3 (продолжение)

Фаза	№ при- знака	Количество, абс.				Частота совокупности, %			
		Южный Урал		Заволжье		Южный Урал		Заволжье	
		восточн.	запад.	быковск.	царев.	восточн.	запад.	быковск.	царев.
Е. Характе- ристика ри- туала погре- бения	119	3	10	3	2	4,1	7,4	2,2	2,9
	120	—	—	—	—	—	—	—	—
	121	—	—	—	—	—	—	—	—
	122	—	—	12	2	—	—	8,9	2,9
	123	65	109	118	64	90,3	80,7	88,2	91,3
	124	10	14	14	3	13,9	10,4	10,4	4,3
	125	10	14	—	—	13,8	10,4	—	—
	126	—	—	1	1	—	—	0,7	1,4
	127	—	—	—	1	—	—	—	1,4
	128	—	—	1	—	—	—	0,7	—
	129	—	—	—	—	—	—	—	—
	130	—	—	—	—	—	—	—	—
	131	—	—	—	—	—	—	—	—
	132	—	—	—	—	—	—	—	—
	133	1	3	—	3	1,4	2,2	—	4,3
	134	61	106	118	62	84,7	78,5	88,2	88,6
	135	1	11	—	—	1,4	8,1	—	—
	136	1	—	—	—	1,4	—	—	—
	137	—	1	—	—	—	0,7	—	—
	138	2	1	—	3	2,8	0,7	—	4,3
	139	—	—	1	—	—	—	0,7	—
	140	68	122	133	67	94,4	90,4	99,3	95,7
	141	2	1	—	—	2,8	0,7	—	—
	142	—	11	6	2	—	40,7*	37,5*	25,0**
	143	—	1	1	1	—	3,7*	6,2*	12,5**
	144	6	1	3	2	46,1*	3,7*	18,8*	25,0**
	145	3	4	—	1	23,0*	14,8*	—	12,5**
	146	—	1	1	—	—	3,7*	6,2*	—
	147	—	—	1	—	—	—	6,2*	—
	148	—	—	—	—	—	—	—	—
	149	—	—	—	—	—	—	—	—
	150	—	3	—	—	—	11,1*	—	—
	151	4	5	4	2	30,7*	18,5*	25,1*	25,0**
	152	—	8	3	—	—	34,8*	18,8*	—
	153	7	8	9	6	53,8*	34,8*	56,2*	75,0**
	154	—	1	—	—	—	3,7*	—	—
	155	—	2	2	1	—	8,7*	12,5*	12,5**
	156	3	1	—	—	—	23,0*	3,7*	—
	157	3	1	—	—	23,0*	3,7*	—	—
	158	—	1	—	—	—	3,7*	—	—
	159	—	1	2	1	—	3,7*	12,5*	12,5**

Приложение 3 (продолжение)

Фаза	% признака	Количество, абс.				Частота совокупности, %			
		Южный Урал		Заволжье		Южный Урал		Заволжье	
		восточн.	запад.	быковск.	царев.	восточн.	запад.	быковск.	царев.
Ж. Характеристика основного погрэбального инвентаря	160	17	16	35	5	23,6	11,8	26,1	7,1
	161	3	3	1	1	4,1	2,2	0,7	1,4
	162	32	111	97	60	44,4	82,2	72,5	85,8
	163	12	4	25	7	60,0*	21,0*	67,6*	70,0*
	164	—	5	3	1	—	26,3*	8,1*	10,0*
	165	5	4	6	2	25,0*	21,0*	16,2*	20,0*
	166	—	3	—	—	—	15,8*	—	—
	167	2	2	3	—	10,0*	10,5*	8,1*	—
	168	1	3	19	4	1,4	2,2	14,2	5,7
	169	2	1	—	—	2,8	0,7	—	—
	170	5	19	27	8	6,9	14,0	20,1	11,4
	171	1	5	5	2	1,4	3,7	3,7	2,9
	172	35	105	83	56	48,6	77,6	62,0	80,0
	173	10	3	25	10	13,9	2,2	48,1	60,0
	174	1	6	4	—	1,4	4,4	7,7	—
	175	4	7	14	4	5,5	5,2	26,9	40,0
	176	—	4	1	—	—	2,9	1,9	—
	177	1	4	8	—	1,4	2,9	15,4	—
	178	5	4	1	1	6,9	2,9	0,7	1,4
	179	—	—	—	—	—	—	—	—
	180	2	—	—	—	2,7	—	—	—
	181	2	4	8	2	2,7	2,9	6,0	2,9
	182	—	12	6	3	—	8,8	4,5	4,3
	183	—	—	—	—	—	—	—	—
	184	—	1	—	—	—	0,7	—	—
	185	—	—	—	—	—	—	—	—
	186	4	2	1	—	5,5	1,5	0,7	—
	186a	1	1	1	—	1,4	0,7	0,7	—
	187	3	13	9	3	4,1	9,6	6,7	4,3
	188	1	2	1	—	1,4	1,5	0,7	—
	189	3	7	6	—	4,1	5,2	4,5	—
	190	46	109	118	67	63,9	80,7	88,1	95,7
	191	—	—	2	—	—	—	1,5	—
	192	2	1	1	1	2,7	0,7	0,7	1,4
	193	—	—	—	2	—	—	—	2,8
	194	1	—	1	—	1,4	—	0,7	—
З. Характеристика прочего инвентаря	195	7	10	6	1	9,7	7,4	4,4	1,4
	196	63	121	128	69	87,5	89,6	95,6	98,6
	197	8	7	4	6	11,1	5,2	3,0	8,6
	198	1	3	3	2	1,4	2,2	2,2	2,9
	199	3	—	15	5	4,1	—	11,2	7,1

Приложение 3 (окончание)

Фаза	№ признака	Количество, абс.				Частота [совокупности, %			
		Южный Урал		Заволжье		Южный Урал		Заволжье	
		восточн.	запад.	быковск.	царев.	восточн.	запад.	быковск.	царев.
3. Характеристика прочего инвентаря	200	—	3	3	—	—	2,2	2,2	—
	201	70	128	131	70	97,2	94,8	97,8	100
	202	3	3	2	1	4,1	2,2	1,5	1,4
	203	67	128	132	69	93,0	94,8	98,5	98,6
	204	4	3	2	1	5,5	2,2	1,5	1,4
	205	66	128	132	69	91,6	94,8	98,5	98,6
	206	22	38	12	6	30,5	28,1	8,9	8,5
	207	19	46	12	11	26,4	34,0	8,9	15,7
	208	31	51	3	10	43,0	37,7	2,2	14,2
	209	—	—	—	—	—	—	—	—
	210	3	7	—	—	4,1	5,2	—	—
211	10	16	3	3	13,9	11,8	2,2	4,3	
Всего погребений:		72	135	134	70	17,5	32,8	32,6	17,1

* Процент вычислен от общего количества погребений данной фазы.

Список сокращений

АО — Археологические открытия

ВАУ — Вопросы археологии Урала

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры

ГИМ — Государственный Исторический музей

ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР

ИИАЭ АН КазССР — Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР

КГПИ — Куйбышевский государственный педагогический институт

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР

ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР

МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

Изв. НВИК — Известия Нижневолжского института краеведения

Тр. НВОНОК — Труды Нижневолжского научного общества краеведения

РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

СА — Советская археология

САИ — Свод археологических источников

Содержание

Введение	3
Типология вещевого комплекса	7
Хронология вещевых комплексов	25
Погребальный обряд кочевников кыпчакского времени на Южном Урале	42
Этническая принадлежность курганов кыпчакского времени на Южном Урале	55
Заключение	70
Приложения	73
Приложение 1. Список курганных могильников кыпчакского времени на Южном Урале и в Приуралье	73
Приложение 2. Перечень признаков для статистической обработки погребального обряда курганов XII—XIV вв. на Южном Урале	81
Приложение 3. Сравнительная таблица признаков погребального обряда кыпчакских курганов Южного Урала и Заволжья	85
Список сокращений	91